Вл. НЕМЦЕВ

Рис. К. Арцеулова

Научно-фантастическая повесть

Вадим Багрецов и Тимофей Бабкин были сначала учениками в моей лаборатории. Наматывали катушки и трансформаторы. Помогали в испытаниях. Учились. Потом их перевели в отдел, где конструировались автоматические радиометеорологические станции; сокращенно их называли АРМС.

Никогда я не думал, выбирая на опытном заводе нашего института учеников для своей лаборатории, что через некоторое время мне придется написать целую книгу об их необыкновенных приключениях. Мои герои были очень скромны. Впрочем, узнав, что я их называю «героями», они, пожалуй бы, смутились. Рассказывая о своих приключениях, эти ребята все время подчеркивали, что они ничего особенного не сделали, так может случиться со всяким, и каждый на их месте поступил бы так же...

Но перейдем к нашему повествованию.

1. АВТОР КОРОТКО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СВОИХ ГЕРОЕВ, И СРАЗУ ЖЕ НАЧИНАЮТСЯ ИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Дождь начинал итти несколько раз еще с вечера, но ему не удавалось даже прибить пыль на дороге. Мелкие капли, как дробинки, катались в пыли. Их можно было рассмотреть в свете прожекторов, заливавших своими лучами дорогу, идущую вдоль ограды испытательного полигона.

В воздухе пахло пылью, свежим сеном и бензином. В будке, приподнятой над стеной, чуть слышно поскрипывали доски. Там стоял часовой.

По черному южному небу медленно плыли сероватые облака. Казалось, они гасили яркие, пылающие звезды.

На полигоне было темно. Только в здании института светилось открытое окно, вероятно в комнате дежурного, да в кустах у подземного склада чуть теплился слабый огонек. У светящейся шкалы маленького приемника застыли две фигуры. Это были Багрецов и Бабкин, молодые техники.

— Дим, а Дим, сколько минут еще осталось? — спросил Бабкин.

Вадим отер платком мокрые от дождевых капель брови и взглянул на часы.

— Шесть.

Он вздохнул и прислушался. Откуда-то издалека донесся звонок телефона.

— Тим! — после недолгого молчания окликнул Бабкина Багрецов.

— Ну? — недовольно отозвался тот.

— А вдруг?..

— Чего ты меня пугаешь?

Бабкин сердито отвернулся и надел наушники, словно подчеркивая, что на этом разговор закончен.

Вадим поднялся, нечаянно задев куст с повисшими на нем каплями дождя. Они, как мокрые муравьи, поползли ему за воротник.

Невдалеке темнело здание с куполообразной крышей. В тусклом луче света, падавшего из комнаты дежурного, изредка мелькала тень часового, охранявшего вход в здание.

Бабкин поставил приемник на траву и тоже встал. Он был значительно ниже ростом, чем его товарищ. Широкоплечий, коренастый крепыш, Бабкин слегка вразвалочку прошелся по влажной траве, посмотрел на мокрые, словно лакированные, носки своих новых ботинок, поблескивавшие в свете звезд, и, нарочито зевнув, спросил:

— Теперь сколько осталось?

— Четыре минуты... И если не выйдет...

— Тогда домой поедем, — закончил твердо Тим. — Вот и все. Мы не виноваты, что машина испортилась и нас привезли сюда только к ночи. За два часа разве что проверишь как следует?

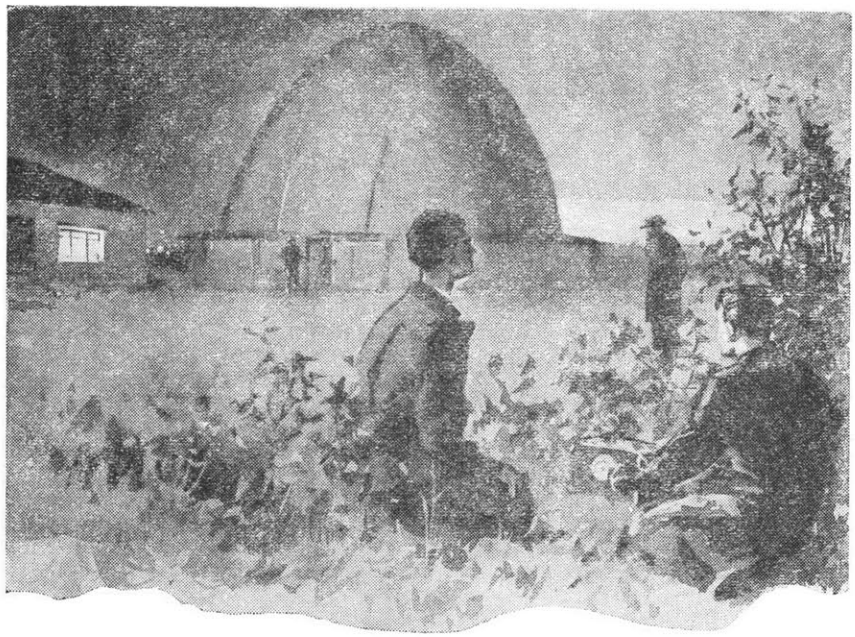
— А ты слыхал, куда они эту станцию отправляют?

— Нас это меньше всего должно интересовать. Прибор поставили, проверили, а там хоть на Памир пусть ее тащут. Определенно. Нам-то какое дело?..

Вадим удивленно взглянул на товарища. Тому, что он говорил, никак нельзя было поверить. Все, хотя бы немного знавшие техника Бабкина из лаборатории АРМС, поражались его любознательностью. Инженеры охотно все показывали и объясняли способному пареньку, а подчас и доверяли ему кое-какие монтажные работы.

Багрецов ни к кому не приставал с вопросами. После работы его часто можно было встретить в садике института с какими-то тетрадками в руках. Говорили, что он пишет дневник, но точно об этом никто ничего не знал. Вместе с Тимофеем Дим прекрасно смонтировал новый электронный прерыватель к автоматической метеостанции: дневник не помешал.

Собственно говоря, из-за этого-то прибора — оригинального электронного прерывателя — они и приехали в незнакомый им испытательный институт. Техникам поручили уста-



У светящейся шкалы маленького приемника застыли две фигуры.

новить свой прибор на одной из автоматических станций, через два часа отправляющейся на длительную эксплоатацию в каких-то «особых условиях». Правда, к обиде друзей, их прерыватель включили только в систему, передающую сигналы влажности, но и то хорошо. Значит, в институте ценят прибор, сделанный руками молодых техников. Ведь это их первая самостоятельная работа. От тщательности монтажа прибора зависит передача сигналов влажности. Разве можно допустить, чтобы из-за плохой и небрежной работы техников лаборатории № 9 Багрецова и Бабкина были сорваны важные испытания?.. Страшно даже подумать!

Но именно об этом думали наши друзья. Они молча стояли под дождливым небом и с тревогой смотрели на слабо освещенный вход, где застыл часовой. Он охранял помещение, где находилась автоматическая радиометеостанция, а в ней электронный прерыватель. Его только что установили, проверили. Прерыватель работал нормально. Инженеры, которые готовили аппаратуру к отправке, остались довольны и ушли отдыхать.

Но, несмотря на утомительную дорогу и бессонную ночь, полную волнений и тревог, ни Вадим Багрецов, ни Тимофей Бабкин не могли покинуть полигон. Они словно не верили в надежность сделанной ими конструкции и решили проверить ее еще раз — лишний контроль никогда не помешает. Мало ли что может случиться?..

И они стояли с затаенным волнением, ожидая, когда в телефоне приемника послышатся знакомые сигналы.

— Кто это? — спросил Дим, указывая на одинокую фигуру, тенью проходившую по полигону.

Бабкин прищурил глаза. Это, кажется, незнакомец, которого он видел час тому назад у входа в помещение, где находилась метеостанция.

Тимофей еще тогда почувствовал, что от этого человека зависит очень многое в предстоящих испытаниях.

Кто он, Тимофей не знал, но по отношению к нему молодых инженеров догадывался, что человек этот пользуется здесь глубоким уважением.

— Кто это? — повторил свой вопрос Дим.

Бабкин пожал плечами. Откуда он знает?..

Вадим поднял воротник и взглянул на темное небо. В этот момент сквозь разорванную тучу проскользнул тонкий лучик далекой звезды. Кто знает, может быть, именно в это мгновение впервые домчался луч до Земли, как вестник рождения нового мира в бесконечной глубине вселенной?

«Кто разгадает тайну рождения и гибели миров? — думал мечтатель Багрецов, всматриваясь в небо. — Кто первым скажет об этом человечеству? Может быть, исследования космических лучей поведают нам о величайшей загадке вселенной».

Вадим вздохнул и снова наклонился над приемником. По светящейся шкале ползли ленивые струйки дождя. Сквозь них трудно было рассмотреть цифры.

...Прошли томительные минуты. Радиостанция автоматически включилась, и в телефоне приемника запищали сигналы.

Они были такими громкими, что Тим услышал их на расстоянии от приемника. Вадим, прислушиваясь, говорил: «Так... Прекрасно. Это передается температура... Восемнадцать градусов... Направление ветра. Ветра в помещении... нет... Но — неважно... Давление... Сейчас — влажность...»

Послышались тонкие звенящие звуки. Как будто бы кто-то ударял ложкой по стакану.

Прерыватель работал прекрасно и четко. Все сомнения оказались напрасными. Ну, еще бы, этот прибор делался в лаборатории № 9.

— Успокоился? — насмешливо спросил Тим и, зевнув, добавил: — Идем, спать хочется.

Дим прослушал до конца передачу сигналов и щелкнул выключателем. Шкала погасла.

— Подожди! — остановил его Бабкин, увидев, что тот, закрыв крышку приемника, направился к проходной. — Дай дух перевести. Спасибо за ботиночки. Удружил!

Он сел на траву и стал развязывать шнурки. Распутывая шнурки, Тим думал: «Как это он, такой серьезный и рассудительный техник Тимофей Бабкин, поддался легкомысленному влиянию своего друга, за что (и поделом!) достойно наказан?..»

Тим, не в пример своему другу, привык очень просто одеваться: брюки военного покроя, гимнастерка... Дим же уговорил его надеть штатский костюм. «Неудобно, — говорил он, — тебе ехать в командировку в таком виде. Ты же представитель Центрального института, и вдруг — в сапогах...» Пришлось срочно приобрести новые ботинки. Выбирал их для него Дим — он в этих делах специалист.

Понравившиеся ему ботинки были лимонно-желтого цвета, но это не такая большая беда — потемнеют, а вот жали они дьявольски!.. Острая ноющая боль постепенно поднималась вверх. Даже чашечки коленные болели. Не хотелось ни о чем думать — только бы скорее сбросить с себя эти орудия пытки...

— Скоро? — нетерпеливо крикнул Вадим.

Бабкин не ответил: потирая освобожденные пальцы, он наслаждался сладостным ощущением затихающей боли.

Багрецов осмотрелся и, заметив около склада скамейку, вытер ее платком и сел, стараясь не запачкать костюма.

Он снова раскрыл чемоданчик и включил приемник. На все лады пищали телефонные станции. Слышались чужая речь, музыка... Невольно он подвинул стрелку шкалы к сорок четвертому делению. Вадим никак не мог подавить в себе желания снова услышать четкий стеклянный звон прерывателя.

Ну, конечно, после сигналов барометрического давления должен включиться *он*. *Его* звук приятнее любых мелодий. Но что это? Какие-то трески. Метеостанция передает сигналы влажности.

Все перепуталось. И главное — в этой путанице виноват прерыватель!

— Тимка! — глухо крикнул Багрецов. Он никак не мог ожидать подобной неудачи.

Бабкин почувствовал что-то неладное. Он быстро натянул один ботинок, хотел было надеть второй, но тот не налезал.

Хромая и подпрыгивая на одной ноге, Тим подбежал к товарищу.

— Слушай, — сказал тот, передавая ему трубку.

Тимофей, нахмурившись, дослушал передачу сигналов до конца.

— Спасибо за открытие! — подчеркнуто спокойно заметил он.

— Благодарю! — в тон ему ответил Багрецов, но не выдержал и взволнованно заговорил: — Надо сейчас же сказать дежурному. Я пойду... Они отложат отправку...

— Напрасно. Метеостанцию погрузят во-время. А наш прерыватель выкинут к чертям и поставят прежний. Станут они с нами возиться.

Тим встал, недовольно ощупал промокшие на коленях брюки и посмотрел в сторону часового. Тот, накинув на голову капюшон прорезиненного плаща, шагал около фонаря.

К воротам полигона подъехали две машины. Свет их фар пересекался тонкими блестящими нитями дождя.

— Теперь все... — упавшим голосом произнес Дим. — Сейчас отправят метеостанцию... А мы...

Тимофей выключил приемник, захлопнул крышку чемоданчика и размеренно, шопотом проговорил:

— Узнай я, что мой друг Багрецов, получив такое задание, не сделал всего возможного, чтобы его выполнить, я бы этого друга... на комсомольском собрании пробрал так, что он после этого целый год не посмел бы взглянуть в глаза честным людям. Определенно... — Сжав руку Дима, Бабкин потащил его за собой.

Послышались приглушенные голоса людей, подошедших к часовому.

Тим старался рассмотреть среди группы инженеров заинтересовавшего его человека, но, повидимому, тот прошел уже в здание.

Никто не заметил, как наши друзья вошли в помещение, где находилась метеостанция. Впрочем, даже если бы их увидели, то вряд ли кого-нибудь удивило присутствие молодых техников. Пожалуй, не был бы удивлен, встретив юношей, даже начальник радиоотдела инженер Дерябин, поздним вечером отметивший им командировочные предписания.

Нащупав в темноте тонкую алюминиевую лесенку, ведущую к люку кабины, наши герои вошли внутрь станции. Здесь, пользуясь лампочкой, освещавшей шкалу портативного приемника, они отыскали серый лакированный кубик прерывателя, доставившего им столько хлопот.

Затаив дыхание и прислушиваясь к голосам, раздававшимся за стенками кабины, Бабкин торопливо пытался освободить крышку прибора.

Отвертка скользила по лакированной поверхности металлического ящичка, руки дрожали... Было отчего волноваться. Оставались считанные минуты до того момента, как, герметически закрыв кабину, ее погрузят на платформу и отправят неизвестно куда... «Только бы успеть... Только бы успеть!..» — повторял Тим про себя. Ему показалось, что кто-то ходит по крыше: осторожные, медленные шаги. Тим прислушался. Шаги затихли. Вероятно, кто-то проверял наружные приборы.

Бабкин отвернул последний винт, снял крышку и сразу же заметил и устранил причину неисправности прерывателя. Как это он раньше не разглядел этот слегка отогнувшийся контакт? Сам виноват. Ну, теперь после исправления этот контакт уже никогда не откажет.

Тим торопливо начал завинчивать мелкие винтики. Затем поставил прерыватель на панель, затянул его снизу двумя надежными винтами и тут только заметил, что винтов нехватает. Должно быть, неосторожно задел рукавом и смахнул их вниз.

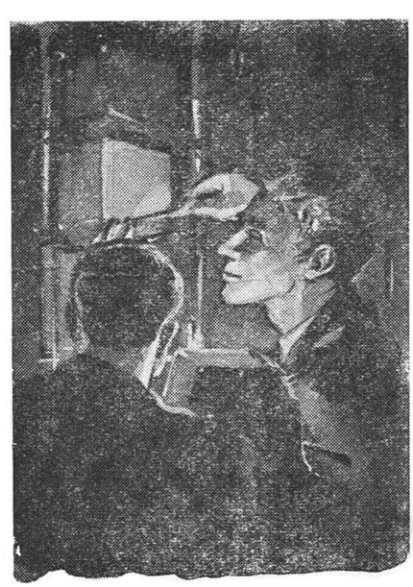
— Димка, помоги скорее! — крикнул он, опускаясь на пол.

В темноте было очень трудно искать. Свет от шкалы приемника направлен вверх, внизу ничего не видно. Дим и Тим ползали по металлическим гофрированным листам, шарили по ним руками, но винтов не находили. Надо думать, закатились под каркас с аккумуляторами.

Между полом и каркасом — узкое пространство. Можно ли в него протиснуться?

Первым полез туда Дим, а за ним и Бабкин, предусмотрительно взяв чемоданчик. Жаль, что шкала и здесь не освещает пола.

Тим методично проводил пальцами по желобкам гофрировки, стараясь нащупать в них потерянные винты. Они никуда не могли укатиться.



Затаив дыхание, Бабкин торопливо пытался освободить крышку прибора.

— Нашел! — обрадованно сказал Дим, нащупав застрявший в желобке винт.

Бабкин приподнял голову и больно ударился ею о ребро каркаса. «Как здесь тесно, еще, пожалуй, и не вылезешь обратно. А неудобно получится, если в этом положении нас тут застанут. Техники из Центрального института, и вдруг такая неприятность. Дерябин — человек суровый, — думал Тим. — Штатский человек, а перед ним вон как все вытягиваются...»

Бабкин не знал, что именно в эту самую минуту «штатский человек» стоял от него совсем близко, в последний раз осматривая приборы перед отправкой метеостанции. Видимо, ему и в голову не могло притти, что под панелью, на которой был закреплен прерыватель, сейчас нехватает трех винтов. Два часа назад он сам придирчиво осматривал эти винты и даже пробовал их затяжку отверткой, не очень доверяя «мальчикам из Москвы». А уж представить себе, что эти ребята находятся сейчас в узком пространстве под аккумулятором, Дерябин и подавно не мог...

Осмотрев кабину, инженер осторожно спустился вниз.

— Закрыть люки! — вдруг совсем неожиданно услышал Дим громкую команду. Он схватил Бабкина за плечо. Тот, поняв, в чем дело, сделал попытку вылезти из-под каркаса, но уже было поздно.

С мягким стуком захлопнулся внутренний люк. Заскрипели завинчиваемые болты. Через минуту чуть слышно звякнула крышка наружного люка. Настала тишина. Ни один звук не проникал сквозь толстые стенки кабины. Казалось, что из нее выкачали воздух...

Послышался легкий толчок, как в вагоне, когда трогается поезд. Герметически закрытая кабина метеостанции сдвинулась с места и поехала...

Техники бросились к люку, стучали по нему ногами, кричали, били кулаками в стены... Но никто их не слышал, кабина продолжала двигаться.

Куда? В каком направлении? Неизвестно.

Так начались необыкновенные приключения Вадима Багрецова и Тимофея Бабкина.

2. НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ ТИМОФЕЯ БАБКИНА

Кабина метеостанции продолжала двигаться.

Убедившись, что ее толстые стенки с термоизолирующими прокладками совсем не пропускают звуков, что стучать и кричать бесцельно, Багрецов неожиданно для самого себя почувствовал радостное облегчение.

Больше всего его смущала перспектива оказаться в смешном положении, если бы, услышав их стук,

инженеры открыли люк кабины и они с Тимом вылезли для всеобщего обозрения. Он даже покраснел при этой мысли.

Вадим представил себе сцену объяснения с Дерябиным и поморщился. Глупейшее положение! Теперь он доволен, что неприятный разговор оттягивается.

Багрецов вспомнил, что когда он и Тим приехали на полигон, то прежде всего встретились с дежурной радисткой. «Аня, — назвала она себя, протягивая руку Вадиму, и сказала хмуро: — Вы бы еще завтра приехали. Мне придется сейчас ваши новые сигналы учить. С такой спешкой все перепутаешь! А ну, показывайте».

Пока Тим распаковывал приборы, Вадим знакомил Аню с сигналами, которые она должна была принимать. Эти сигналы, передаваемые с помощью прерывателя, привезенного техниками из института, несколько отличались от обычных. Девушка оказалась понятливой, но на восторженного юношу, который, увлекшись объяснениями, размахивал руками, словно мельница, она посматривала довольно иронически.

Вадим это чувствовал, но уже не мог остановиться, и вскоре, забыв о прерывателе и сигналах, заговорил о космических лучах и тайнах атомного ядра. Он говорил бы на эту тему без конца, если бы Тим, знавший все слабости своего друга, вовремя не прервал его.

Когда Вадим попробовал узнать у Ани, куда должна отправиться экспериментальная установка, девушка только загадочно улыбнулась.

Бабкин трезво оценивал создавшееся положение. Неприятно, если об этом происшествии узнают в институте. Засмеют!

...Кабина метеостанции словно плыла по воздуху, поддерживаемая руками несших ее людей. Вдруг она остановилась. Вероятно, сейчас ее погрузят на платформу многотонного грузовика.

В кабине было темно. Абсолютная тишина. Ни один звук не проникал сквозь ее глухие стенки.

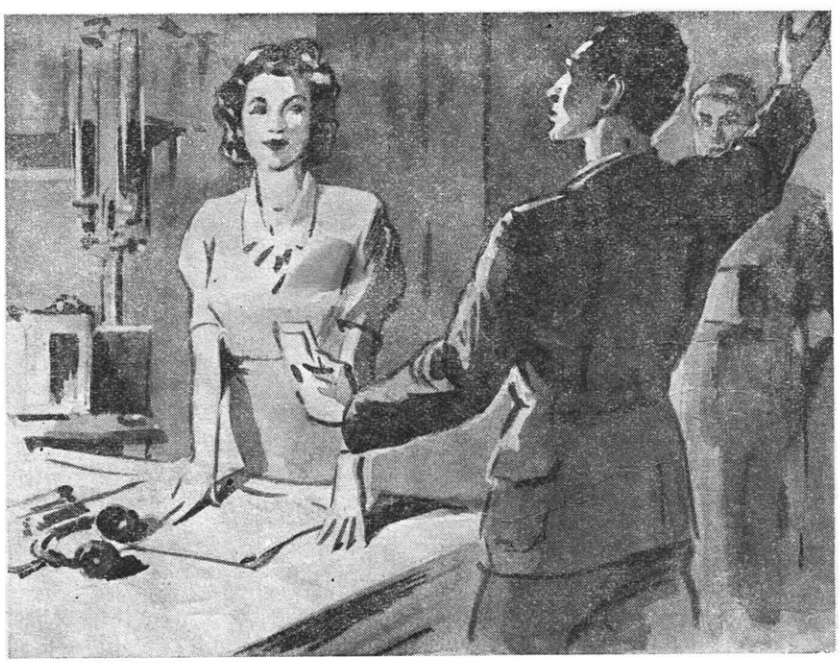
Бабкин ползал около люка, пытаясь найти внутренние запоры. Вадима это удивляло. «Напрасно ищет, какие тут замки? Установка рассчитана на автоматическое управление. Людей здесь быть не должно».

— Ты вот что, — мрачно проговорил Тим, стараясь придать своему голосу солидность. — Особенно не беспокойся. В пути установку будут проверять. Тогда мы и вылезем...

Дим не ответил. Он, собственно говоря, и не беспокоился. Для него это было началом необыкновенного путешествия. Будет о чем записать в свой дневник. Может быть, об этом путешествии он мечтал еще с детства, когда в поездке по железной дороге каждый маленький полустанок казался вновь открытым, никому неизвестным городом. В этом городе люди были иными, незнакомыми, а потому и загадочными. В те годы хрюхотная рощица у полотна железной дороги представлялась Диму уссурийской тайгой. Там даже крик коростеля казался странным и непонятным.

Друзья неожиданно почувствовали, что кабину приподнимают куда-то вверх, словно подъемным краном. Диме пришлось уцепиться за щит с приборами, чтобы не упасть.

— На платформу грузят? — спросил он.



...размахивал руками, словно мельница...

Тимофей заметил, что его друг не на шутку взволнован.

— Ну и что же из того? — с подчеркнутым равнодушием заметил он. — Не беспокойся, далеко не уедем.

— Ну, а вдруг? — с неожиданным, так мало подходившим к обстановке оживлением воскликнул Вадим. — Представь себе, что эту метеостанцию установят на какой-нибудь пике... Ну, скажем, в горах Алатау?

— Опять ты за свое, — недовольно заметил Тимофей, поняв причину волнения восторженного охотника до приключений.

Он встал и, еле переступая обутыми в остроносые ботинки ногами, подошел к своему чемоданчику.

Вынув из него аккумулятор и присоединив к нему запасную лампочку от шкалы, Тимофей осветил внутренность кабины.

Она была цилиндрической формы. В металлических каркасах, расположенных по ее стенкам, разместились блестящие кубики приборов, отмечающих погоду. Радиостанция находилась в другом отсеке. Большинство приборов было вынесено за пределы кабины и только надписи на щитках говорили о том, что сюда подходят провода от автоматического анемометра, показывающего скорость ветра, от барометра, отмечающего давление, от актинометра, следящего за интенсивностью солнечных лучей, от облакомера, от термометра, от дождемера... от множества других приборов, показания которых дают полную картину состояния погоды в местности, где установлена автоматическая радиометеостанция. Сеть таких метеостанций, сильно развивающаяся за последние годы, дает возможность достаточно точно предсказывать погоду, что имеет такое огромное значение для нашего хозяйства и особенно для воздушного транспорта. Однако большинство приборов Бабкину было незнакомо. Они казались ему слишком сложными для метеостанции.

В герметически закрытых ящичках щелкали многочисленные реле, вспыхивали зеленым светом какие-то колбочки, изредка гудели, как пчелы, крошечные моторчики.

Стены кабины были гофрированными, видимо из дюралюминия. Внимание Бабкина привлекла дверь, ведущая в соседний отсек кабины. Может быть, там он найдет второй выход? Он оглянулся на товарища. Вытащив свою «мемуарную тетрадку», как Бабкин в шутку называл дневник товарища, он даже в этом необычайном положении что-то записывал в нее. Еще бы, такое приключение!..

Бабкин приподнялся на носках (чорт возьми, как больно!), отвернул один запор наверху, другой внизу и открыл дверь.

Тимофей считал необходимым никогда и ничему не удивляться. Но к тому, что он сейчас увидел за

дверью, он не мог остаться безучастным.

В тусклом свете лампочки, падавшем из-за его спины, можно было различить множество блестящих рычагов, стоявших вертикально. Они образовывали узкий коридор, идущий вправо и влево от двери. Коридор казался маленькой аллеей, обсаженной молодыми деревцами. Их стволы блестели, словно в лунном свете. «Нет, это что-то не то, — подумал Тимофей, переступая порог кабины. — На метеостанцию совсем непохоже».

Он не мог себе представить назначения этого сооружения. Непонятные рычаги терялись где-то далеко в темноте. Коридор казался бесконечным.

Перешагнув через низкие перегородки, Тим попытался пройти вперед. Это было трудно, так как пол часто уходил из-под ног. Кабина покачивалась, словно машина, на которой ее везли, ехала по холмам. Нет, этого, конечно, не может быть. Никакая машина не свезет такое громоздкое сооружение. Может быть, оно установлено на специальной платформе?..

Кабина сильно наклонилась. Невольно, чтобы не терять равновесия, Тимофей уцепился за рычаг. В ту же минуту он почувствовал, что рычаг поднимается вверх...

Ощупью, цепляясь за рычаги, оживавшие при малейшем прикосновении к ним, Бабкин долго шел по узкому коридору. Казалось очень странным, что коридор такой длинный, что ему все нет конца...

Вдруг прямо перед собой Бабкин увидел узкую полоску света. Подойдя ближе он с удивлением заметил полуоткрытую дверь. Осторожно заглянув в нее, Тимофей увидел человека, сидящего на полу. Это был Дим. «Что за чепуха такая? — подумал Бабкин. — Неужели я шел вокруг кабины? Надо проверить еще раз».

Тим снова пошел по аллее из металлических стволов. Сомнений не было — он шел по кругу. Дальше проверять уже не стоило.

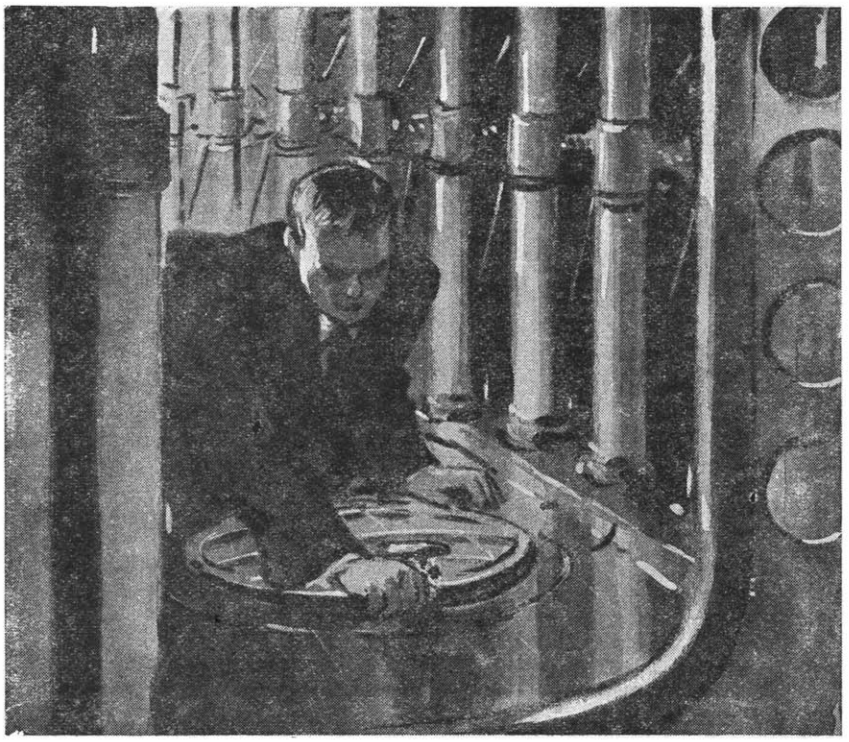
Решив вернуться, Тимофей сделал несколько шагов назад и вдруг почувствовал под ногами слегка выпуклую крышку люка.

«Значит, отсюда, из этого кольцеобразного коридора, есть выход? — подумал Тимофей, опускаясь на колени и ощупывая люк. — Не открывается ли эта крышка?..»

Найдя солидные запоры, Бабкин по очереди начал поворачивать их, и люк действительно открылся. Бабкин наклонился над ним, нащупал лесенку, идущую вниз, и осторожно опустился в узкий колодец.

«Вероятно, и внизу есть люк, который можно открыть изнутри, — думал Тим, держась за трубчатые перекладины лестницы. — Тогда мы вылезем отсюда, и никто никогда не узнает, в какое положение попали техники из института».

Внизу и на самом деле оказался второй люк. Его крышка долго не



«Не открывается ли эта крышка?..»

поддавалась, — повидимому, удерживали резиновые прокладки. Наконец она уступила усилиям Бабкина.

В открывшееся отверстие хлынул свежий ночной воздух. Было темно. Утро еще не наступило. Или кабина закрыта чехлом?.. Тимофей хотел было вылезти из люка, но в этот момент его внимание привлекли какие-то блестящие точки, расположенные по квадрату. Может быть, это дырочки в брезенте? Но что это? Они плывут?..

Приглядевшись, Бабкин понял, что под ногами огни земли. Они быстро уходили вниз...

3. ЛАБОРАТОРИЯ БЕЗ ЛЮДЕЙ

Есть такая наука — аэрология. Тимофей кое-что в ней понимал. Знал о воздушных течениях, знал, что они исследуются шарами-пилотами. Он часто монтировал маленькие передатчики радиозондов, которые, достигая стратосферы, автоматически посылают оттуда сигналы. Сигналы записывают опытные радисты, дежурящие внизу у приемников, или специальные пишущие приборы. По этим сигналам с высоты метеорологи определяют направление воздушных течений, температуру, влажность и ряд других показаний, характеризующих состояние атмосферы.

Воздушный океан исследуется не только радиозондами; нередко сюда посылаются на воздушном шаре или самолете и летающие лаборатории. В одной из таких лабораторий повидимому, и находились сейчас Багрецов и Бабкин.

В летающей лаборатории стоят автоматические приборы. Значит, людей здесь быть не должно. Но как же сообщить на полигон, что произошла ошибка, что в лаборатории люди? Радиостанция находится наверху, в изолированном отсеке. К ней не доберешься. Что же можно еще придумать?

Бабкин наклонился над люком. Внизу было темно. Огни земли давно уже померкли, превратившись в тускло светящееся пятно.

Тимофей смотрел в черную глубину. Как ни странно, но он вдруг почувствовал себя абсолютно спокойным. Может быть, потому, что пока еще не до конца осознал всю безвыходность своего положения. Впрочем, что мог он еще сделать при данных обстоятельствах? Кричать? Бесцельно. Кто может его услышать с такой высоты? И самое главное — Бабкин не мог себе представить, чтобы из-за него с Димкой пришлось прекратить первые, самые важные испытания летающей лаборатории.

«Ничего, — подумал он, — мы здесь не помешаем, да и — почем знать?—может быть, даже будем полезны!»

Тимофей поднялся наверх и сел около люка.

Какое счастье, что, наконец, можно снять ботинки! Он нагнулся и стал развязывать шнурки. Ноги горели и ныли от нестерпимой боли, словно их опустили в кипяток. Тимофей изо всех сил дернул за шну-

рок. Ботинок скользнул с ноги, упал в люк и исчез в темноте.

Тимофей почувствовал двойное облегчение. Теперь он уже никогда не сможет надеть эти шикарные лимонно-желтые ботинки, предназначенные для испытания крепости нервов. Он снял и второй, послав его вдогонку за первым. На память его оставлять не хотелось...

Несмотря ни на что, Тимофей испытывал в эту минуту настоящее счастье. Он с наслаждением пошевелил отекшими пальцами и тихо рассмеялся. Если бы не счастливая случайность, то он, пожалуй, никогда бы не расстался с ненавистными ботинками.

Но первое ощущение радости быстро прошло. Как быть с Багрецовым? Ведь он пока еще ничего не знает. Может быть, и не говорить ему ничего до утра, а там видно будет?

Но Дим уже стоял рядом.

— Тим, а Тим, ты что-нибудь понимаешь? — спрашивал он, наклонившись над Бабкиным.

— А ты?

— У меня такое впечатление, что мы движемся, словно по воздуху.

— Да... хорошая дорога..

В открытый люк ворвалась ночная прохлада. Вадим зябко передернул плечами.

— Мне почему-то кажется, что где-то здесь есть открытое окно, — сказал он, все еще ничего не понимая. — Ты не чувствуешь?

— Да, здесь холодно. Идем обратно. — Тимофей зевнул, потянулся и добавил: — Спать хочется... Утром все узнаем.

— Ладно, только останемся здесь. Там душно. Хочешь мой пиджак подстелить? — заботливо предложил Вадим.

Бабкин отказался. Вадим растянулся на полу подложив руки под голову. Лежать было неудобно, пол и в этом кольцеобразном коридоре оказался гофрированным. Его ребра больно упирались в тело.

— Тим, а Тим! — послышался сонный голос из темноты. — Мне Аня говорила, что ей поручено следить за сигналами этой метеостанции.

— Ну и что из того?

— Поставят кабину на гору, — мечтательно продолжал Багрецов. — Полетят сигналы ее радиостанции в эфир... Аня их будет каждый день слушать... Записывать цифры влажности и давления... Может быть, даже радоваться ясной погоде на пике в горах Алатау, но кто ей скажет, что там погибают запертые в железную коробку техники из Центрального института? Один из них был обыкновенный, а другой... в красивых желтых ботинках.

Бабкин промолчал. Он вспомнил, что девушка действительно насмешливо поглядывала на его дурацкие туфли, причем, как ему казалось, это было не совсем вежливо с ее стороны. А Димка тоже хорош! Сам же втравил его в это дело, а теперь издевается. Ну, ничего, посмотрим, что он скажет утром, когда посмотрит в люк. Увидит, какое это Алатау!..

Дим сел на последней перекладине лестницы...

Но Тимофей не злорадствовал. Он с тайной тревогой ждал рассвета.

«Что-то будет утром?» — думал он, искоса посматривая на узенький эллипс люка, видневшийся в глубине кабины.

Люк становился все более и более заметным. Начинало светать. Воздушная лаборатория медленно плыла над землей, но находившиеся в ней случайные пассажиры совсем не чувствовали движения. Никакого покачивания, словно все замерло на месте.

— Тим, — снова заговорил Багрецов, — шутки в сторону. Что, если наше путешествие действительно затянется, ну, скажем, на неделю, на две?..

— Помрем, — равнодушно заметил Тимофей. — Определенно, — добавил он, но тут же пожалел о сказанном: — «Зачем зря пугать парня? Ему и так скоро будет невесело».

— Ты хочешь сказать, что нам придется рассчитывать на помощь случая или добрых фей?.. Вот если бы Аня догадалась, куда мы исчезли. Она же знает, что нам неудобно было уехать, не простившись с ней.

Бросив случайно взгляд в глубину кабины, Дим сразу умолк. Тускло светилось овальное отверстие.

— Тимка, смотри, выход!..

Цепляясь за вертикальные рычаги, Вадим побежал к люку.

В предутреннем тумане все на земле казалось серым, похожим на асфальт. Хотелось скорее спрыгнуть вниз, на дорогу, чтобы покончить с неизвестностью. Надоело сидеть в этой железной коробке. Кстати, сейчас самое подходящее время для того, чтобы незаметно выбраться из нее. Темно, никто не увидит. Но Бабкин схватил товарища за плечи и с ожесточением потащил вверх.

— Не сметь! — закричал он в запальчивости — Понимаешь, не сметь!

Вадим в недоумении вылез из люка. Что это с Тимкой?..

Тимофей приподнял крышку и со стуком закрыл люк. В кабине стало темно.

Долгое время молчали. Вадим чувствовал себя глубоко оскорбленным. Какое имеет право Тимка ему приказывать?

А Тимофей в это время думал совсем о другом. Он пытался представить, что будет, когда Димка узнает правду? Как бы его подготовить? Как сказать ему, что они летят, а не едут на машине?..

— Дим, а Дим? — стараясь казаться беспечным, обратился он к товарищу.

— Ну? — ответил тот, все еще чувствуя себя обиженным.

— Ты помнишь, как мы монтировали передатчики для радиозондов?

— Пустая работа.

— Почему?

— Да так... Делаешь прибор насовесть, стараешься, а все, можно сказать, зря: поработает он несколько часов, а там улетит куда-нибудь в Арктику и — нет его!

— Ну, вот еще придумал! Таких случаев никогда не бывало. Так далеко радиозонды не залетают...

— Бывает и того лучше! Шары поднимаются на высоту в три-четыре десятка километров, лопаются, и все наши передатчики, батареи и всякие там метеорологические устройства летят вверх тормашками...

— Они не всегда разбиваются, — попытался возразить Тим, но тут же подумал: «Слабое утешение».

Разговор принял совсем неподходящее направление. После него нетрудно будет представить себе, как и эта метеорологическая лаборатория, достигнув стратосферы, лопнет и упадет «вверх тормашками»... Тимофей на мгновение задумался, но сразу же отогнал эту мысль: «Зачем бы нужно было строить такую сложную станцию, если она должна погибнуть?..»

Все же слова Вадима на него подействовали. Где-то в глубине сознания Бабкин почувствовал неуверенность в благополучном завершении их путешествия. Перед глазами вставала картина гибели летающей лаборатории... Послышится легкий треск, где-то над головой лопнула оболочка... Засвистит ветер по обшивке гондолы. Сразу опустится пол, уходя из-под ног... Оглушительный стук... Яркая вспышка света, похожая на пламя ацетилена...

Бабкин невольно закрыл глаза. Открыв их снова, он увидел светящийся круг люка и в нем... голову Багрецова! Откинув крышку и лежа на животе, Вадим смотрел на расстилавшуюся внизу панораму.

Бабкин, затаив дыхание, ждал, что скажет товарищ. Как-то он поведет себя?..

Летающая лаборатория проплывала над землей сравнительно на небольшой высоте — пятьсот-семьсот метров. Солнце уже показалось над горизонтом, и сквозь рассеивающийся утренний туман можно было заметить длинные тени одиноких деревьев. Тени падали на желтый ковер из одуванчиков и сурепки, покрывавший луга.

Иногда желтые пятна чередовались с белыми. Это были пушистые шарики отцветших одуванчиков. В эти минуты Бабкину казалось, что внизу проплывает огромная сковорода с яичницей.

Багрецов молчал. На лице его блуждала растерянная улыбка. Он что-то хотел сказать, но, видимо, не решался.

— Ну? — нетерпеливо спросил Бабкин. — Сдрейфил? Определенно!.. — добавил он свое любимое словечко.

Лицо Багрецова покрылось красными пятнами. Он медленно отвернулся и снова посмотрел вниз.

Да, он чувствовал страх. Ему было страшно и за себя и за товарища потому, что он понимал, в каком положении они сейчас находятся. Свободный полет этой автоматической метеостанции может продолжаться многие дни. Ее путь определяется капризами воздушных течений, и они бессильны хоть как-нибудь его изменить.

Багрецов приподнялся на локтях, затем опустил ноги в люк и стал спускаться вниз по тонкой алюминиевой лесенке.

Тимофей замер от неожиданности, готовый в любую минуту броситься за ним.

Сев на последней перекладине лестницы, Вадим молча смотрел на проплывавшие под ним поля. Он старался себя успокоить и не думать о том, что может случиться сегодня или завтра. В глубине души он даже был доволен собой. Он сумел побороть охвативший его страх, теперь почти спокойно сидел на тонкой жердочке и с высоты пятисот метров смотрел вниз.

Земля казалась ему свежей, умытой утренней росой. Где-то в стороне остались густые леса, сквозь них пробежала прямая и блестящая, как река, автомагистраль Киев — Житомир. Проплывали хутора, окруженные розовой пеной вишневых садов. У дорог цвели желтые сережки акаций. Яркокрасные мальвы жались к свежевыбеленным стенам хат.

Может быть, и не все так подробно было видно с высоты, но воображение Багрецова дополняло этот пейзаж. Он осторожно поднялся вверх и молча сел у люка.

Бабкин чувствовал, что Дим обижен. Не надо было его упрекать в трусости. А теперь вот и не придумаешь, как бы загладить свою вину. Впрочем, он знал, что Дим незлобив и отходчив.

— Тим, а Тим! — и на самом деле услышал он, наконец, голос друга. — Вот что, Тим, — говорил Багрецов, стараясь казаться спокойным. — Мы находимся в гондоле стратостата, где установлена радиостанция, автоматически подающая сигналы погоды. Мне кажется, что стратостат рассчитан на подъем в верхние слои атмосферы без людей. Но... люди все-таки здесь оказались, вот почему стратостат и летит так низко. — Надо как-то сообщить на полигон, что так получилось.

— Ты думаешь, что из-за нас метеостанция не может подняться выше? — обеспокоенно спросил Тимофей.

— Да, мне так кажется.

— Мы им сорвали испытания, — задумчиво проговорил Бабкин, смотря в одну точку.

— Но ведь мы же не виноваты,— смущенно заметил Вадим. — Мы хотели сделать как можно лучше.

— Сколько они к ним готовились, — не слушая его, продолжал Тимофей. — Проверяли, рассчитывали... Я уверен, что таких стратостатов никто в мире и не строил. Определенно, — убежденно подчеркнул он, — это первый опыт. А мы...— Тим махнул рукой и с досадой добавил: — Да что там говорить!..

Внизу показалась река. Отраженный от воды золотой прыгающий зайчик ворвался сквозь люк в кабину, заметался на ребристом потолке и снова ускользнул.

4. «БЕСПОЛЕЗНЫЙ ГРУЗ»

Прошло несколько часов в свободном полете.

Внизу проплывали леса и луга, пашни и нивы. Уносились вдаль села, деревни и хутора. Изредка в овальном отверстии люка показывался и небольшой городок и тоже уползал в сторону.

Бабкин, выросший в деревне, в отличие от своего товарища-горожанина замечал многое из того, чего не видел тот.

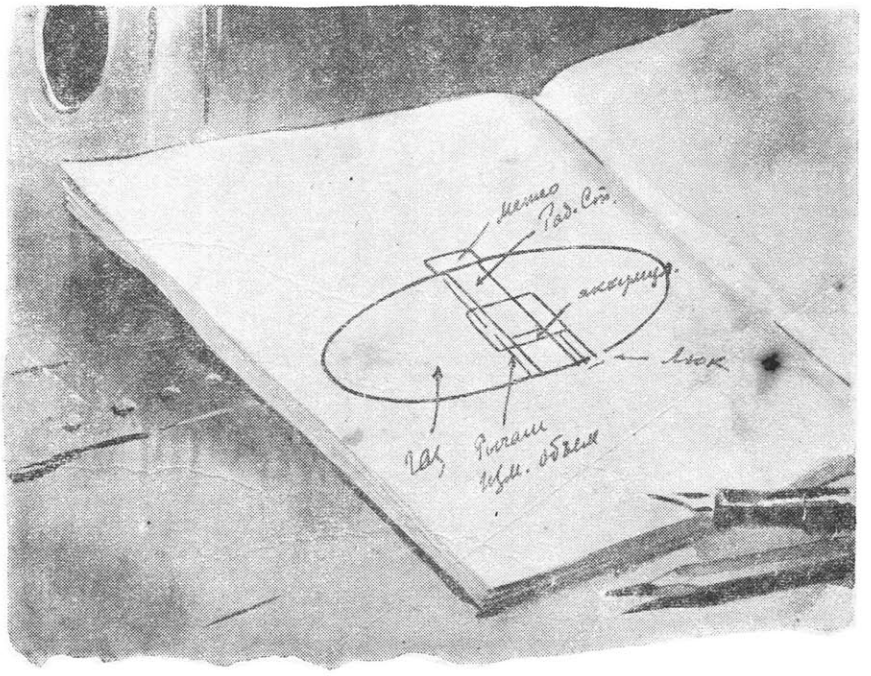
С высоты в пятьсот метров он мог определить, хороши ли яровые, его радовали ровные, густо засеянные поля. Он видел свежие, еще не успевшие потемнеть столбы на колхозных улицах. По ним он определял, что в этом селении недавно построили электростанцию.

Встречались совсем новые деревни, светившиеся золотом свежеобструганного дерева. Только черные пятна давнишних пожарищ, оставшиеся в стороне, напоминали о том, что здесь проходила война. Тимофей опытным глазом определял богатства возрожденных после войны колхозов. Он сразу замечал вновь построенный скотный двор, молочную ферму, детский сад. Он видел свежий забор МТС, тракторы и машины, видел стада на водопое у реки, бахчи и огороды. Он знал, что все это принадлежит колхозам, и хорошее чувство гордости за советских людей, строящих новую жизнь, возникало в нем.

— Смотри! — услышал он голос товарища.

Тимофей взглянул в сторону, куда указывал Вадим. По зеленому лугу бежала огромная тень, отбрасываемая их стратостатом.

Нет, конечно, так его нельзя было назвать. Тень, скользившая по траве, никак не могла быть тенью воздушного шара. В косых лучах восходящего солнца она казалась длинной темной сигарой, с утолщениями сверху и снизу. Их летающая лаборатория должна была



«Вот диск с изменяющимся объективом...»

иметь форму либо дирижабля, либо диска, что нетрудно будет узнать, когда солнце поднимется выше. Однако Тим предполагал, что скорее это должен быть диск с цилиндрической кабиной посредине. Иначе как бы мог разместиться в сигаре кольцеобразный коридор с движущимися рычагами? Бабкину многое стало понятным. И гофрированные стены, сквозь которые не проникает звук, потому что они окружены газом. И то, почему ход во внутреннюю кабину должен итти через широкую трубу, с двух сторон закрытую герметическими крышками.

Тим мысленно представлял себе, как устроена летающая лаборатория, в которой они находились.

Это, как ему казалось, был цельнометаллический дирижабль необычайной формы и сравнительно небольшого объема, рассчитанный на длительный полет в верхних слоях атмосферы.

Отсутствие винтомоторной группы и экипажа, применение очень легкой аппаратуры, являющейся основной нагрузкой этого своеобразного, управляемого на расстоянии летательного устройства, видимо, позволило бы ему подняться очень высоко, может быть, даже туда, куда никогда не поднимались радиозонды, а тем более люди на обычных стратостатах. Но... сейчас эта летающая лаборатория ползет чуть ли не у самой земли, потому что в ней находятся люди, которые здесь совсем не нужны.

Чувствительные и надежные приборы автоматически передают по радио на землю не только показания температуры, давления, влажности, скорость воздушных течений, интенсивность солнечного сияния... Тимофей предполагал, что эта лаборатория рассчитана на возможность передачи и более сложных показаний, например: состава воздуха и многих других данных — иначе зачем же здесь столько непонятных приборов? «Здорово все-таки придумали наши инженеры, — размышлял Бабкин. — Стратостат без людей. И как это мы ухитрились испортить им испытания? Первые испытания!»

Чувство глубокой вины ни на минуту не покидало Бабкина.

Багрецову надоело смотреть вниз. Он повернулся к Тимофею, спросил:

— Так ты думаешь, что это... дирижабль?

— Нет, что-то вроде «летающего острова», — лениво ответил Бабкин, погруженный в свои мысли.

Сильный ветер гнал летающую лабораторию к югу. Проплыли под нею степи Херсонщины, Днепр сверкнул яркой голубизной. У пристани стоял пароход, сверху казавшийся бумажным корабликом.

— Тим, а Тим, — сказал Багрецов, показывая на блестящую ребристую крышу кабины. — Как ты думаешь, зачем там эти стягивающие рычаги? Может быть, они служат для какого-нибудь автоматического управления?

— Я в этих делах плохо разбираюсь, — неохотно ответил Тимофей. — Но мне кажется, что это сделано для изменения объема стратостата. Его оболочка должна расширяться на высоте. Я помню, Циолковским была построена модель жесткого дирижабля с изменяющимся объемом.

— И я об этом читал, — сказал Вадим. — Погляди-ка.

Он вынул свою тетрадь.

— Я представляю себе эту лабораторию таким образом. Вот диск с изменяющимся объемом. — Он начертил в тетради эллипс, похожий на огурец. — При подъеме он, вероятно, должен делаться толще. В центре диска находится уравновешивающая его в пространстве кабина с приборами и радиостанцией.— Дим нарисовал маленький продолговатый прямоугольник. — Она сообщается с внешним миром двойным люком, сквозь который мы вошли... Вокруг кабины, в кольцеобразной, изолированной камере, находятся автоматические устройства, управляющие изменением объема диска. Здесь же мы видим другой двойной люк. Вот этот. Вокруг камеры, в жесткой оболочке самого дирижабля, находится газ, вероятно гелий. Кабина разделена на две части. — Вадим провел горизонтальную черту. — В одном изолированном отсеке размещена радиостанция, а снаружи все метеоприборы, ради которых, собственно говоря, и построена эта лаборатория. В другом отсеке — внизу, куда мы вошли, — показал он карандашом, — находятся устройства, превращающие показания приборов в электрические импульсы, вроде нашего прерывателя. Здесь же находятся и аккумуляторы... Ты заметил, что эти рычаги то подымаются, то опускаются? Ты знаешь, Тим, — оживился Багрецов, — мне кажется, что эти движущиеся рычаги управляют дыханием нашего «летающего острова».

— Это еще что такое?

— От солнца газ расширяется, а ночью сжимается. И вот, для того чтобы эта летающая лаборатория не поднималась вверх и вниз в зависимости от времени суток, движущиеся рычаги, связанные с оболочкой, как-то компенсируют изменение объема дирижабля.

Вадим замолчал. Он вспомнил о Циолковском, проектировавшем не только цельнометаллические дирижабли, но и межпланетные ракеты, — ученом, отдавшем всю свою жизнь извечной мечте человечества расширить границы познания мира. В то время он не знал, что скоро люди будут стремиться в космические пространства, чтобы постигнуть тайну не Марса и не Меркурия, а... своей планеты — Земли. Они помчатся ввысь, навстречу еще не изученным, все пронизывающим лучам. В них таится загадка атомов, из которых создан мир. Открыв природу космических лучей, расщепляющих атомы, человек смог бы использовать неисчерпаемые запасы атомной энергии на земле. Большая, но близкая мечта! Багрецов представляет себе это время...

— Послушай, Тим, — решил он поделиться своими мыслями с другом. — Ты знаешь, о чем я думаю?

— Ну?

— Доживем ли мы до таких дней, когда атомной энергии, заключенной в обыкновенном кирпиче, будет достаточно для того, чтобы доехать на поезде от Москвы до Владивостока? Ты слышал об этом когда-нибудь?

— Опять ты за свое, — недовольно заметил Бабкин. — Фантазия!

Это блеснула молния в отверстии люка.

— Ничуть. Один килограмм угля, если перевести его энергию в электрическую, дает при сгорании примерно восемь киловатт-часов, а атомная энергия одного килограмма даст двадцать пять миллиардов киловатт-часов. Ты представляешь себе, что это значит? Эта энергия только в три с небольшим раза меньше всей выработанной в нашей стране электроэнергии по плану пятидесятого года.

— Значит, из трех таких кирпичей можно взять столько электроэнергии, сколько за год дадут все электростанции в стране? — недоверчиво проговорил Тим.

— Ну конечно!.. Не нужно будет добывать уголь, нефть. Получай эту энергию хоть из воды. Ее на земле достаточно. Если бы узнать, что собой представляют космические лучи, да получить их в лаборатории, тогда все можно будет сделать.

— Я думаю, — проговорил Бабкин, — ученые недаром изучают высокие слои атмосферы. Не знаю, что они там найдут, но для них сейчас все важно, хотя бы состав воздуха, который исследуется анализатором... И влажностью его они тоже интересуются. Значит, и наш прерыватель пригодится для науки.

Вадим нехотя согласился с ним. Никакой фантазии нет у этого Бабкина. «Пригодится...» Разве можно так говорить?..» Он взглянул на товарища и с удивлением заметил, что Тим сидит в одних носках. Куда же делись его прекрасные туфли?..

— Вот что, Дим, — после недолгого молчания проговорил Бабкин,— может быть, и на самом деле из-за нас сорвутся эти важные испытания. Но уж если мы здесь, то следить за всем надо. Понимаешь... по-хозяйски... Все записывать, замечать, как и что работает.. И от этого польза будет...

— Да тут трудно разобраться, — попытался было возразить Дим.

— А если надо?

Вадим внимательно посмотрел на товарища и, вынув из кармана тетрадь, сказал:

— Значит, разберемся...

Неожиданно в кабине стало совсем темно. Дим подумал, что захлопнулся люк. Нет, не похоже. Он взглянул вниз. Ничего не видно. Сизая мгла закрыла землю. Неужели гроза? Выдержит ли ее лаборатория? Дим поежился, как от холода.

Резкий порыв ветра высоко подбросил вверх летающий диск. Вадим больно ударился локтем о стенку и инстинктивно схватился за вертикальную трубку. В люке заметались клочья разорванной тучи. Раскаты грома доносились издалека, как гул приближающейся бомбардировки. Летающая лаборатория постепенно притягивалась к нижней кромке грозовой тучи.

Куда-то занесет сейчас эта черная туча летающий диск автоматической метеостанции?

Резкий толчок заставил Дима еще крепче вцепиться в трубу. Метеолаборатория вошла в тучу. Неожиданный вихрь закрутил, завертел ее, как оторвавшийся от дерева листок.

Бабкин тоже уцепился за борт люка и, стиснув зубы, смотрел вниз, стараясь определить высоту полета. Ему казалось, что в такой невероятной качке диск снизится настолько, что может удариться о землю.

Дим закрыл глаза и в отчаянии ждал, что вот-вот хрупкое сооружение летающей лаборатории переломится пополам, как лепешка. Иногда ему казалось, что диск поворачивается совсем вертикально и скользит вниз, как с крутой горы.

Оглушительный треск словно надвое разорвал металлическую оболочку диска. Сквозь сомкнутые веки Вадим увидел огненно-красный круг. Это блеснула молния в отверстии люка. Никогда в жизни он не видел молнии так близко. Чудилось, что до нее можно дотронуться, не вылезая из люка.

Снова удар... Багрецову показалось, что молния ворвалась в кабину и заметалась в ней, как в клетке.

(Продолжение следует)

В. НЕМЦОВ

Рис. К. Арцеулова

Научно-фантастическая повесть[1]

5. СТО СЕМЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ АМПЕР!

Инженер Дерябин был недоволен. Больших трудов стоило ему установить радиоаппаратуру в летающей лаборатории такой необычайной конструкции. При монтаже радиостанции он старался избежать каждого лишнего сантиметра кабеля, лишнего винта или скобки, лишь бы сократить вес всей автоматической установки, предназначенной для полета и за этот счет поставить в кабину как можно больше своих метеоприборов. Он упрямо спорил с конструкторами, которые никак не могли понять, что недостаточно выполнить технические условия, — надо обязательно и перевыполнить их. Радиостанция должна быть облегчена на двадцать процентов ниже веса, установленного техническими условиями.

О начальнике девятой лаборатории Никонове, сделавшем на целых триста сорок граммов тяжелее разработанный в центральном институте прерыватель, Дерябин не мог говорить спокойно. Для установки этого прибора Никонов прислал каких-то юнцов. К сожалению, они приехали очень поздно, почти в последний момент, а то бы он, Дерябин, отослал этот прерыватель Никонову обратно. — пусть облегчит его на триста сорок граммов.

И у Дерябина, с отчаянием боровшегося с лишними граммами веса в аппаратуре, сейчас возникло опасение, что летающая лаборатория не доберется до расчетного потолка. В сегодняшних испытаниях, при заранее заданном объеме диска, она должна была бы лететь на высоте в полторы тысячи метров, а вот еле-еле дотянула до семисот...

Дерябину казалось, что он никогда бы не решился сказать об этой неудаче профессору Демидову, для приборов которого и построена летающая лаборатория. Так казалось ему не потому, конечно, что он боялся профессора. Тут совсем другое: пожалуй, не найдется ни одного человека из тех, кто работает с Алексеем Фомичом, кто бы с легким сердцем взял на себя смелость сказать ему о неудаче. В присутствии Демидова все его сотрудники, сами того не замечая, говорят вполголоса, словно оберегая покой этого большого и простого человека.

Профессор Алексей Фомич Демидов не занимал видного поста. Он был только руководителем лаборатории. Однако методы его работы и его личные качества навсегда оставили за ним славу смелого ученого и человека редкого душевного обаяния.

И вот получилось так, что Дерябин, несмотря на все принятые им меры по облегчению веса летающей лаборатории, все же чувствовал себя виноватым, хотя и в меньшей степени, чем ее конструктор, инженер Поярков. Тот утверждал, что если аппаратура не будет превышать заданный вес, то летающая метеостанция, вызвавшая удивление многих специалистов своей необычайной формой, может подняться в ионосферу.

— Жалкое хвастовство! — ворчал Борис Захарович, стоя около записывающих приборов на приемном узле испытательного полигона. — Что-то он скажет, когда придется начать вторую серию испытаний уже в стратосфере? Неужели приборы Демидова не достигнут заданной высоты?..

Инженер смотрел на медленно ползущую ленту, на которой весело подрагивающее перышко вычерчивало показания приборов.

Привычным глазом читая прямо с ленты, Дерябин сквозь очки искоса поглядывал на конструктора и презрительно улыбался.

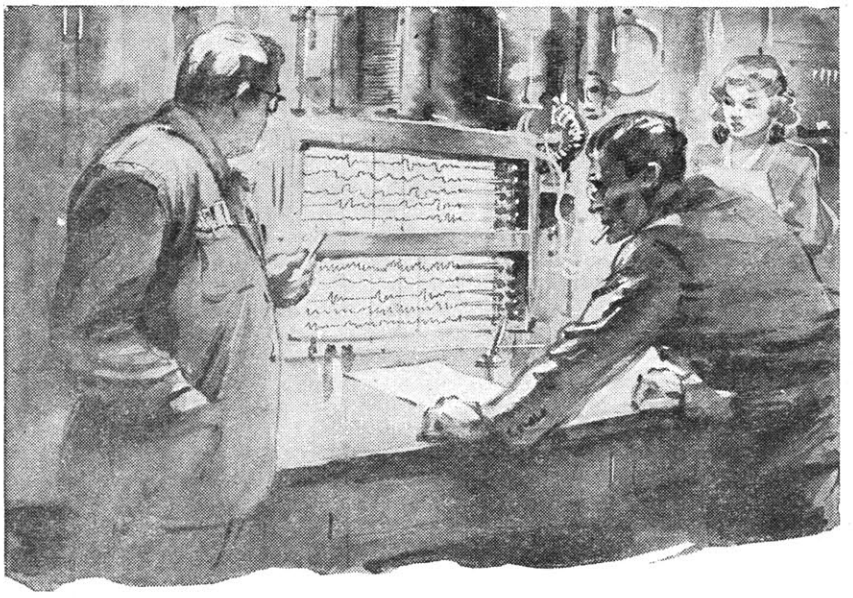
Поярков, зеленый и злой от бессонных ночей, нервно курил папиросу за папиросой, прикуривая одну от другой. Неужели он ошибся в расчетах? Конструктор часто обращался к дежурной радистке Ане, маленькой девушке с острыми локтями и быстрыми тонкими пальцами. Он просил ее расшифровать показатели радиовысотомера, периодически появлявшиеся на ленте.

— Те же семьсот метров, — тихо отвечала Аня. Она сама не меньше других была взволнована результатами первых испытаний.

Да только ли она одна? Все, кто находился сейчас на приемном узле, испытывали тревогу за исход испытаний. Столько месяцев длилась подготовка к полету, столько было проверок радиостанции, аппаратов, приборов, столько бессонных ночей!.. Летающая лаборатория должна подняться на такую высоту, где никогда не был человек и не залетал ни один радиозонд. О работах Демидова мало кому было известно. Однако некоторые ученые предполагали, что приборы профессора Демидова, поднятые в ионосферу, могут совершенно изменить наше понятие о явлениях, происходящих в глубинах воздушного океана.

Оригинальная и смелая форма летательного аппарата, предназначенная для испытаний приборов Алексея Фомича, вызывала большие споры

[1] Продолжение. Начало см. в № 1 «Вокруг света».



Инженер смотрел на медленно ползущую ленту...

среди специалистов. Многие из них утверждали, что летающий диск не будет обладать достаточной устойчивостью в воздухе. Однако Поярков доказывал им обратное не только расчетами, но и примерами, вспоминая, что планеры типа «летающее крыло», впервые построенные нашими инженерами много лет тому назад, были абсолютно устойчивы. Впрочем, сейчас доказательство налицо: необычная лаборатория вполне устойчиво держится в воздухе вот уже несколько часов.

Неслышно отворилась дверь.

На пороге показался человек в темном пальто и такой же шляпе. Стараясь не мешать работе, он снял шляпу и тихо подошел к столу. Он долго смотрел на скачущее перышко. Ветер из раскрытого окна лениво шевелил его совсем седые волнистые волосы. Из-под густых темных бровей чуть-чуть блестели прищуренные глаза. Видимо, свет в этой комнате слишком ярок, он мешает следить за движениями капризного перышка.

— Как испытания, Борис Захарович? — наконец спросил вошедший и поднял голову.

Дерябин замялся. Он не ожидал, что профессор обратится прямо к нему. Что он может ответить? Метеоприборы работают безукоризненно. А вот конструкция? Нет, пока еще ничего не ясно. Рано судить о возможностях летающего диска.

В этот момент старый инженер был всецело на стороне конструктора. Между собой они могли бы спорить, говорить друг другу неприятные истины, но сейчас инженер Дерябин считал, что за успех испытаний он должен отвечать вместе с Поярковым. Они вместе работали и были членами одного коллектива. И он сказал:

— Пока нет оснований для беспокойства, Алексей Фомич. Я уверен, что ваши установки будут испытаны на предположенной нами высоте.

— Вы считаете, что увеличение их веса не должно заметно повлиять на достижение заданного потолка? — как бы прислушиваясь к своим мыслям, спросил Демидов.

— Какое увеличение? — поспешил успокоить его инженер —Два десятка килограммов? Стоит ли об этом говорить, если вам удалось избежать необходимости поднимать в стратосферу магнит в пятьдесят шесть тонн, ранее применявшийся в подобных установках на земле.

Демидов взглянул на Пояркова.

— Значит, лаборатория сейчас находится на высоте в полторы тысячи метров?

Конструктор, сделав паузу, резко ответил:

— Нет!

Его худое подвижное лицо еще больше вытянулось и потемнело. На выручку ему пришел Дерябин:

— Как мы договорились, Алексей Фомич, — сказал он, — лаборатория ведет пока наблюдения в непосредственной близости от земли. Это нужно для испытания метеоприборов. Но я абсолютно уверен, что лаборатория достигнет высоты, на которую была рассчитана.

Поярков с благодарностью взглянул на инженера и, дождавшись, когда Демидов скрылся за дверью, понизив голос, спросил:

— Борис Захарович, вы в последний раз осматривали кабину перед полетом? Там не осталось лишнего балласта?

Дерябин уничтожающим взглядом из-под очков смерил молодого инженера. И он еще может так говорить! Из кабины вымели все мельчайшие стружки, которые оставались после сверления отверстий в каркасе. Из аккумуляторов вылили лишние капли электролита. А он говорит — балласт!..

— Простите меня, Борис Захарович, — волнуясь, говорил Поярков Он позабыл о потухшей папиросе, которая во время разговора прыгала у него во рту. — Я не могу ничего понять. Все расчеты показывают, что зона равновесия при данном объеме для нашей летающей лаборатории должна наступить значительно выше. Я ничему не верю. Установка Алексея Фомича оказалась на двадцать килограммов тяжелее. Это мне известно. Однако вчера вы решили поставить новый прибор, только что привезенный из Москвы. Вот о нем я ничего не знаю...

— Сейчас узнаете, — перебил его Дерябин. — Позовите мне кого-нибудь из этих молодых людей, что вчера прибыли из Центрального института, — попросил он лаборанта, стоявшего у двери. — Они вам расскажут о своем новом аппарате. Их прибор весит всего тысячу триста сорок граммов. Надо полагать, что подобный вес не мог служить препятствием к подъему лаборатории.

Поярков ничего не сказал. Выбросив папиросу, он снова подбежал к столу, за которым сидела Аня, и, смотря на ленту, записывала показатели влажности, направления ветра, интенсивности солнечного сияния. По-детски наморщив лоб, она следила за работой и других приборов, сигналы которых записывались в виде пересекающихся кривых на медленно вращающемся барабане.

Неподалеку от Ани сидел полный краснолицый радист. Поминутно вытирая запотевшие наушни и, он принимал по телефону координаты, сообщаемые пеленгаторными станциями, следившими за местоположением летающей лаборатории.

Лаборант, посланный на поиски техников, прибывших из Москвы, вернулся.

— Борис Захарович, их нигде нет.

— Уехали?

— Нет, они не выходили с полигона.

— Откуда это известно?

— Узнавал у часового.

— Чепуха! — раздраженно заметил Дерябин. — Где же они могут быть? Аня, вы сегодня утром не видели этих молодцов, что вчера к нам пожаловали из Москвы?

— Нет, Борис Захарович.

— Вы с ними вчера разговаривали? Они не сообщили вам, когда собираются уезжать?

— Нет, Борис Захарович. Но они еще не уехали.

— Вы в этом уверены?

— Ну, конечно. — Аня удивленно посмотрела на собеседника.

— Почему? — уже не скрывая своего раздражения, спросил инженер.

— Я здесь дежурила всю ночь, и они со мной не простились.

— Очень убедительный довод, — проворчал Дерябин. — Поищите еще.. — сказал он лаборанту. — Может быть, они где-нибудь спят.

Он хотел добавить что-то еще, но в этот момент перышко на барабане неожиданно запрыгало там, где отмечались показания радиовысотомера. Оно вычерчивало крупные зигзаги, словно стараясь выскочить за пределы вращающегося цилиндра.

Поярков бросил папиросу и впился глазами в барабан.

Что это с летающей лабораторией? Она мечется над землей, словно попала в ураган. Линия высоты стала похожа на запись пульса лихорадочного больного.

— Включить третью линию! — приказал Дерябин.

Завертелись новые барабаны. На них послушные перья по приказу автоматических приборов летающего диска вычерчивали изломанные кривые.

— Видите, — показал Дерябин на вращающиеся цилиндры. — Здесь полная автобиография сегодняшней грозы. Обратите внимание, — взял он конструктора за руку, — резко упало давление. Смотрите, какая ионизация воздуха... Вот сама молния сообщила нам, какова ее сила.

Инженер вынул из кармана счетную линейку и, взглянув на масштабную сетку на барабане, передвинул на линейке движок.

— Так, так, — обрадованно проговорил он. — Вполне достаточная сила — около ста семидесяти тысяч ампер.

Поярков с удивлением смотрел на Бориса Захаровича. Неужели его не беспокоит, что эта многоамперная молния пронижет насквозь летающий диск?

— Ну, как приборы?..—торжествующе заметил Дерябин, снимая очки. Лицо его расплылось в улыбке. — Четкость в любых условиях? Смотрите на анализ воздуха, — указал он на барабан. — Эта красная линия отмечает процент озона.

Перышко поползло по бумаге, оставляя за собой тонкий след, похожий на растягивающуюся жилку. Вдруг жилка оборвалась, и перо беспомощно скользнуло вниз.

6. «ОН ВИДЕЛ МОЛНИЮ СОВСЕМ БЛИЗКО»

Удивительное и странное ощущение. Темно. Сквозь стенки изолированной кабины не проникает ни малейшего звука извне. Щелкают реле в приборах. В аккумуляторах чуть слышно лопаются пузырьки водорода. Качает, но как качает!.. Летающий диск, попавший в грозовую тучу, — это не корабль на волнах во время шторма. Пожалуй, ни одному штурману не снилось, что его рубка могла бы испытывать такую качку с амплитудой колебаний в сотни метров.

Закрыты оба люка (на всякий случай: говорят, что во время грозы бродят шаровые молнии, залетающие в окна). Дим и Тим лежали на гофрированном полу, уцепившись за скользкие трубки. Трубки тоже вели себя неспокойно, то поднимаясь, то опускаясь. Видимо, они работали в системе стабилизации летающего устройства, удерживая диск в горизонтальном положении.

Пожалуй, трудно себе представить такое острое ощущение падения и взлета, какое испытывали нечаянные пассажиры летающей лаборатории.

Дим потерял всякое представление о времени. Ему казалось, что ветер играет диском, как погремушкой, причем роль дробинок в этой алюминиевой игрушке выпала на долю техников из лаборатории № 9.

...Гроза, наконец, прошла. Она словно растворилась в воздухе тихо и незаметно.

Дим и Тим сидели некоторое время молча, будто ожидая повторения бури в воздушном океане. Затем, оправившись от этой неприятности, Тим подошел к люку и открыл его.

Земля, свежая и радостная, расстилалась перед ним. Обрывки туч, как клочья грязного дыма, проносились около самого люка, временами скрывая от глаз зеленое, яркое поле, светившееся под солнцем.

Багрецов подполз к люку и жадно вдохнул воздух, насыщенный озоном. Здесь, на высоте, запах озона чувствовался особенно остро.

«Сейчас на земле.—подумал он,— специалисты уже исследуют показатели состава воздуха до и после грозы, переданные по радио с летающей метеолаборатории. И это, наверное, очень важно. Но как они удивятся, когда я им расскажу о своих впечатлениях от молнии. Она была абсолютно розового цвета...»

Вадим провел рукой по укрепленному рядом с люком закрытому кожуху из прозрачной пластмассы. В нем находился барабан с тонким стальным тросом.

«Вот еще новая, загадочная техника, — подумал Дим. — Неужели этот трос нужен для того, чтобы сбрасывать его при посадке, как гайдтроп с воздушного шара? Ведь здесь же нет никого, кто мог бы бросить этот трос вниз. Неужели тоже автоматически?»

Осмотрев со всех сторон барабан, Багрецов пришел к заключению, что перед ним обыкновенная лебедка. Даже зубцы с собачкой. Трос освобождается автоматически, при помощи реле. Его было видно сквозь прозрачный кожух. От реле шли провода в кабину.

«Вероятно, там находятся приборы, управляющие этой лебедкой, — подумал Багрецов. — На заданной высоте радиовысотомер включает реле, которое освобождает зубчатое колесо лебедки. Под действием тяжести какого-нибудь привязанного на конце троса груза тот опускается вниз, а люди в месте посадки лаборатории, поймав трос, подтягивают дирижабль к земле».

Однако все эти предположения казались Багрецову не совсем убедительными. Что, если капризами воздушных течений летающую лабораторию занесет в тайгу или в пустынные степи? Тогда как?.. Впрочем, может быть, трос будет волочиться по земле, задевая за деревья, траву и кустарник. За что-нибудь да и зацепится... В этом случае реле автоматически сработает, в верхней части оболочки откроется клапан, газ выйдет, и дирижабль мягко сядет на землю.

«Хоть бы поскорее и в подходящем месте», — невольно подумал Дим. Его совсем не прельщала возможность опуститься в Кара-Кумах или даже в степях Заволжья.

Дим долго рассматривал лебедку, затем махнул рукой и прошел в центральную кабину. Здесь самое сердце летающей лаборатории.

Маленькая лампочка, присоединенная вчера вечером к аккумулятору, горела не ярче свечи. Ее желтый свет тускло блестел на металлических трубках, спускающихся с потолка. Эти трубки подходили к ящичкам многочисленных приборов, которых вчера Вадим не заметил. Теперь он начал придирчиво осматривать установку занося в тетрадь свои наблюдения. Все, что он видел в этой летающей лаборатории, поражало Дима своей легкостью, почти невесомостью. Все каркасы приборов, видимо, были сделаны из каких-нибудь магниевых сплавов, отличающихся особенно легким весом. Больше того, в тонких, как картон, конструкциях были высверлены дырки для облегчения веса.

Теперь Багрецову стало понятным, почему им было строго-настрого приказано делать такую аккуратную пайку, чтобы на проводах прерывателя не оставалось ни одной лишней капельки олова.

«Не проверить ли кстати, — подумал он, — как работает прерыватель? Неужели опять отказал? Нет, этого не может быть. Теперь он тикает четко, как часы. Надо послушать».

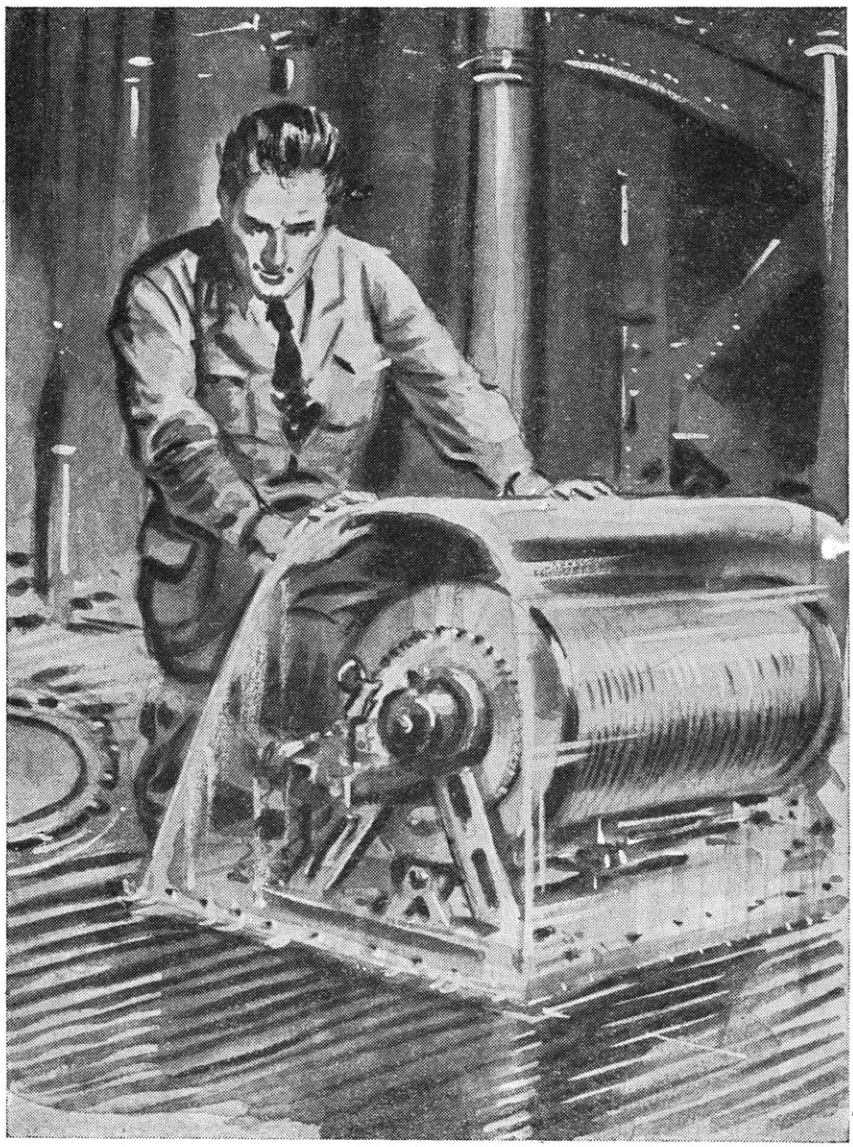
Багрецов решил включить приемник, но когда он прикоснулся к рычажку переключателя, то заметил, что тот уже был включен.

Вадим надел наушники телефона и прислушался. Полное молчание. Видимо, за ночь, пока работал приемник, разрядился аккумулятор. Лампочка, которую вчера Бабкин присоединил к запасному аккумулятору, еле заметно тлела. Неужели так и не удастся услышать работу прерывателя?

Молодой техник был упрям. Он опытным взглядом осмотрел установленные в несколько этажей аккумуляторы, питающие радиостанцию, и другие установки лаборатории. «Почему бы не присоединить приемник к этим клеммам?» — подумал он, изучая расположение подводящих проводов.

И Багрецов, достав из кармана плоскогубцы и моток провода, занялся привычным делом.

Вскоре все было готово. У приемника ярко вспыхнула лампочка шкалы, и из телефона, лежавшего на по-



Дим провел рукой по закрытому кожуху из прозрачной пластмассы.

лу, послышались характерные прерывистые сигналы автоматической передачи. Багрецов схватил наушники, надел их на голову и, вытерев выступивший от волнения пот, стал слушать.

По счастливой случайности ему удалось закончить свою работу именно в тот момент, когда радиостанция, управляемая часовым механизмом, начинала свою очередную передачу. Дим слышал знакомые сигналы, передававшие направление ветра, температуру, затем послышались сигналы непонятные: работали какие-то новые приборы. Наконец включился прерыватель, сделанный в лаборатории № 9. Он работал отлично, наверное, лучше всех приборов, установленных в летающем диске.

Багрецов хотел потуже подтянуть гайку у клеммы, к которой он присоединил провод от приемника, но провод обломился и гайку пришлось отвертывать снова.

Неожиданно из-под нее выскользнул наконечник желтого кабеля, шедшего куда-то в глубь кабины. Где-то над головой послышался треск.

Дим мгновенно поймал кабель и дрожащими руками попытался подсунуть его конец под гайку. От волнения у него ничего не получалось. Из-под клеммы прыгала и трещала искра.

Заставив себя преодолеть охватившую его растерянность, Вадим уверенным движением затянул гайку. Шум прекратился. В наушниках, повисших на шее неосторожного техника, слышались ритмичные сигналы, похожие на звенящие капли, ударяющие по стеклу. Значит, ничего не испортилось. Все работает нормально.

Вадим подумал, что сейчас мимо летающей лаборатории, как облако, пронеслась новая неожиданная неприятность.

Он спокойно выключил приемник, снял наушники, привычными движениями смотал шнур и только тут почувствовал противную слабость, растекавшуюся волнами по всему телу.

Пытаясь побороть ее, он встал, подошел к щиту, прислушался к монотонному тиканию реле и часовых механизмов, затем для чего-то заглянул под кожух умформера и вдруг неожиданно для себя увидел голубоватый свет, проникающий откуда-то снизу между ящиками с аппаратурой.

Больно ударившись головой о щит, Вадим наклонился. Прямо перед ним было круглое окошечко с толстым стеклом, как в водолазном скафандре.

Но что это? Внизу плескались волны. Они постепенно приближались. Уже можно было рассмотреть их гребешки, покрытые пеной.

Багрецов почувствовал, как пол уходит из-под ног. Летающий диск стремительно снижался. Неужели он неосторожно выключил реле клапана, выпускающего газ? Нет, не может быть! Ведь он тогда правильно присоединил провод...

— Димка, скорее! — услышал он голос Бабкина.

Багрецов бросился к люку. Вцепившись в поручни лестницы, там стоял, наклонившись всем корпусом вперед, Тимофей. Он, казалось, приготовился к прыжку. До воды оставалось не больше десяти метров.

7. К ЮГУ ОТ МЫСА ФОРОС

На земле внимательно следили за полетом летающего диска.

Испытания проходили нормально. Но до чего же взволновался конструктор Поярков, когда перо, вычерчивавшее на барабане кривые анализа воздуха, вдруг остановилось. Хорошо, что другие приборы работали, и это успокоило как Пояркова, так и всех остальных участников испытаний. Значит, диск находится в воздухе, а с анализатором случилась, видимо, какая-то авария.

Час новой передачи радиограмм летающей лабораторией еще не наступил, поэтому работники института старались хоть чем-нибудь убить медленно текущее время ожидания.

Дерябин, зажмурившись, сидел в кресле, пытаясь разгадать причину порчи анализатора. Конструктор смотрел в окно и тихо барабанил пальцами по стеклу. Аня сосредоточенно чистила апельсин.

За дверью послышались тяжелые шаги. Вошел Демидов и остановился взглядом на Дерябине. Тот словно почувствовал этот взгляд, открыл глаза и торопливо поднялся с места.

Задребезжал звонок телефона.

— Алексей Фомич, вас вызывает Москва, — сказала Аня, протягивая Демидову трубку и в то же время стараясь прикрыть бумагой очищенный апельсин.

— Спасибо, — Демидов взял трубку. — Испытания? Пока успеш-

но. Несомненно. Как только лаборатория достигнет стратосферы, доложу... Нет, нет никаких опасений.

Когда разговор по телефону окончился, Демидов отвел Бориса Захаровича в сторону и сказал:

— Попрошу дублировать на пленке записи анализатора воздуха. Это будет особенно важно за пределами стратосферы.

— Хорошо, — мог только ответить инженер. Он надеялся, что прибор, который до этого неоднократно испытывался, случайно испортился во время грозы и снова начнет работать. Иначе... Нет, он даже не хочет думать об этом. Он знал, какое огромное значение для исследований атмосферы имеет этот прибор.

— Сколько весит анализатор? — неожиданно спросил Поярков, поворачиваясь спиной к окну. Он искал причины, почему его летающий диск все-таки оказался тяжелее расчетной величины. Неужели он не достигнет нужного потолка?

Два инженера стояли друг против друга, и каждый думал о своих неудачах. Эти неудачи были разными, но вместе с тем общими — и не только для инженеров, создавших летающую лабораторию. От успехов испытаний зависело очень многое, но далеко не все знали, зачем был построен этот странный диск. Профессор Демидов не занимался метеорологией и, как мы уже говорили, его меньше всего интересовала погода.

...Воспользовавшись перерывом в передаче сигналов и дождавшись, когда профессор ушел в свой кабинет, Аня подошла к лаборанту, которого посылали найти московских техников. Он только что вернулся и дожидался возможности доложить Дерябину о результатах своих вторичных поисков. На вопрос Ани он только руками развел.

Смутное подозрение постепенно начало проникать в сознание девушки. Она вспомнила восторженный рассказ Багрецова о необыкновенных путешествиях, о романтике поисков, о метеостанции в горах Тянь-Шаня. Такой парень на все может пойти, чтобы испытать «волнение неизвестности», как он сам говорил. Но другой-то — скромный, серьезный и спокойный. Как он мог решиться на это?..

— Борис Захарович! — Аня робко дотронулась до рукава инженера, углубившегося в изучение кривых анализатора. — Техников все-таки не нашли. Мне кажется, что они... там...

— Где, где там? — раздраженно спросил инженер. — Договаривайте.

Аня стояла растерянная и недоумевающая. Дерябину стало не по себе от своей неуместной вспышки. Он был убежден, что эти мальчишки не могли выкинуть такой штуки.

— Позвать мне дежурного по полигону, — распорядился инженер.— Надо все-таки выяснить, куда же исчезли эти молодцы.

Перед ним, словно из-под земли, вырос высокий молодой человек в полувоенном костюме.

— Я здесь, товарищ начальник.

— Найти немедленно техников, которые вчера приехали. Обыщите весь полигон. Все здание, ангар, склады... Пошлите бойцов проверить забор. Может быть, эти молодцы вылезли где-нибудь в другом месте, мимо проходной.

— Ну, что вы, товарищ начальник, — с улыбкой возразил дежурный. — У нас же охрана.

— Знаю, но лучше предположить самое невероятное: что часовой заснул и пропустил техников мимо себя, — чем придумывать всякую чепуху, — добавил он, бросив свирепый взгляд на Аню.

Дежурный мгновенно исчез.

Инженер устало подошел к столу и опустился в кресло.

«Вот так история! — подумал он. — Неужели эта девица права? Но как? Когда они могли проскользнуть в кабину? Перед самым отлетом он был в ней и проверял приборы. К тому же эти ребята должны были покинуть полигон раньше. Он помнит, как они доложили ему, что все готово. Зачем нужно было им оставаться? И, самое главное, техники не могли знать, что метеостанция поднимется в воздух... Может быть, доложить Алексею Фомичу и прекратить испытания? Тем более, что анализатор не работает».

Борис Захарович медленно встал и, чувствуя, что его ноги словно стали чужими, тяжелыми, пошел к столу пеленгации.

— Координаты? — спросил он у дежурного.

Дежурный показал ему карту. Последняя точка пересечения двух невидимых линий лежала где-то неподалеку от Херсона.

— Когда теперь возьмете пеленг? — спросил инженер.

— В тринадцать часов двадцать минут.

До этого времени, то есть почти целый час, радиостанция летающей лаборатории не должна была включаться. Автоматические радиометеостанции рассчитываются на кратковременную работу в течение суток. Специальный механизм периодически, обычно четыре раза в сутки, на несколько минут включает радиостанцию, затем снова выключает. Если бы вся установка работала постоянно, то аккумуляторы разрядились бы в течение нескольких дней, вместо того чтобы работать многие месяцы.

Все это хорошо знал Борис Захарович. Ему было досадно, что летающая лаборатория не достигла заданной высоты, но при первых испытаниях все могло случиться. Собственно так и должно быть.

Но не об этом думал инженер. Он знал, что аппаратура, которую он заказывал и устанавливал, работает безупречно и четко, вот только, к сожалению, подвел анализатор.

— Товарищ начальник, — перебил его мысли появившийся в комнате дежурный, — еще раз все обыскали...

— Ну и что же? — оборвал его Дерябин. — Нашли хоть какие-нибудь следы?

— Нет, но... — замялся дежурный, оглядываясь на бойца, стоявшего за дверью. — Приходько, зайди сюда.

Щупленький паренек в пилотке робко подошел к столу. В руках у него болтались на шнурках остроносые желтые ботинки.

— Что это? — удивленно спросил инженер.

— Где вы их нашли? — взволнованно вмешалась Аня.

— Да на баштане, — почему-то покраснев, ответил боец, встретившись с глазами радистки. — Коло полигона, — добавил он. — Один на межи лежав, другой тут же, близенько.

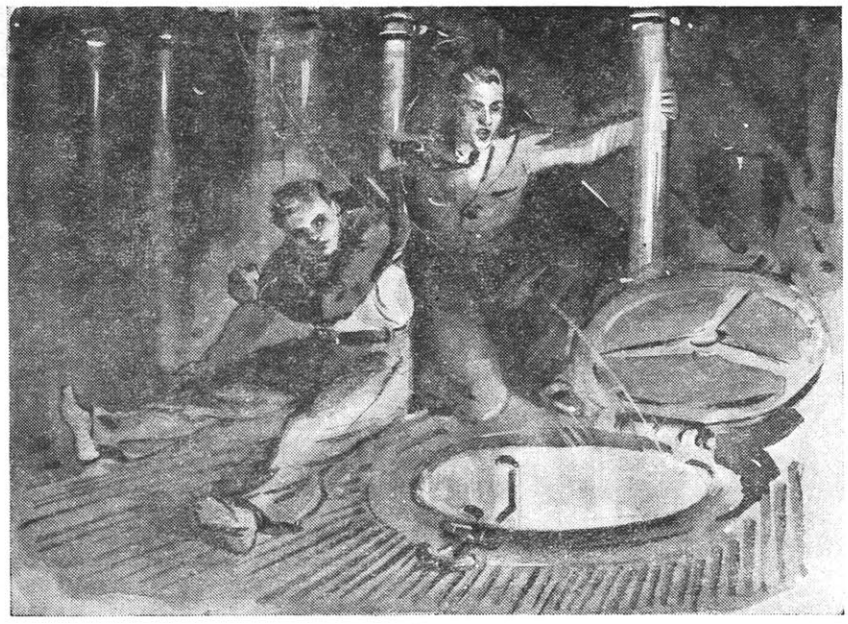
— Борис Захарович, — обратилась к Дерябину Аня, стараясь скрыть свою растерянность. — Я ничего не понимаю, но эти туфли я видела на технике, которого вы ищете... Знаете, на том, что пониже ростом и посерьезнее...

— Прежде всего ботинки рассмотрели? — насмешливо заметил инженер. — Какая тонкая наблюдательность. Кроме того москвича, что «посерьезнее», никто таких носить не может?..

— Нет, нет, — быстро заговорила Аня, боясь, что ей не поверят. — Я эти смешные туфли не могла не заметить... Хорошо помню... Даже царапину на носке...

— Понятно, понятно, — перебил ее Дерябин.—Верю. Но тогда действительно можно предположить, что эти молодцы по какой-то одной им ведомой причине решили перелезть через забор, причем предварительно

Щупленький паренек в пилотке робко подошел к столу.



Застывшими, стеклянными глазами смотрит он в люк.

сняли ботинки. Один из этих любителей приключений второпях потерял их. Значит — веско добавил он, — эти юнцы не могли остаться в летающей лаборатории...

Инженер задумался, посмотрел на ботинки, казавшиеся в этой обстановке нелепыми и смешными, и, устало взмахнув рукой, сказал дежурному:

— Расследуйте все это дело. Узнайте, кто в эту ночь стоял на посту, допросите разводящего. Позвоните в Москву: может быть, эти молодцы уже прибыли в институт.

Он взглянул на часы и снова подошел к приборам. Сейчас должна начаться очередная передача. При первых испытаниях установка должна работать, включаясь каждый час.

Вспыхнула контрольная лампочка: это автоматически включился приемник. Завертелись диски с бумажными лентами, на которых сейчас будут записываться наблюдения автоматов, установленных в летающей лаборатории. Пока же перья оставляли на лентах длинный спокойный след.

Поярков подошел к радисту, дежурившему за столом пеленгации.

— Где сейчас находится лаборатория?

Тот почтительно встал и молча указал карандашом на карту.

Острие карандаша упиралось в точку, лежащую в море к югу от мыса Форос.

— Как вы думаете, Борис Захарович, — обратился к Дерябину конструктор. — Может быть, нам удобнее всего провести сейчас испытания по седьмому пункту программы?

— А не боитесь? — с улыбкой спросил Дерябин. — Вдруг что-нибудь случится до основных испытаний на больших высотах?

— Нет, — твердо сказал Поярков. — В этом деле я всецело полагаюсь на вас.

Дерябин помедлил, затем испытующе взглянул на конструктора.

— Ну что ж, начнем. Сейчас попрошу Алексея Фомича, — сказал он и, круто повернувшись, вышел из комнаты.

8. «КУДА МЫ ЛЕТИМ?»

Бабкин гораздо раньше Багрецова увидел море. Для него это не было неожиданностью. Он знал, что сильный северо-западный ветер скоро домчит летающую лабораторию до моря. Компаса у него не было. Но тень летающего диска пересекала тени от деревьев и столбов, и, сопоставляя их направление и следя за движением тени лаборатории, Бабкину нетрудно было определить, что она направляется на юго-запад. Он ждал, что скоро покажется море, но не хотел об этом говорить Димке. Мало ли что может быть, а вдруг ветер изменится. Зачем понапрасну беспокоить парня?..

Но ветер не менялся.

Отвесные лучи солнца падали на землю. Тень уже стала почти круглой. Она бежала по степи, словно стараясь во что бы то ни стало обогнать все: облака, плывущие рядом, ястреба, летящего совсем низко над землей, машину на дороге. Попадая в ерики — овраги, тень вся изгибалась, как-то неожиданно перекручивалась и снова вылезала на простор.

Выгнув спину, как черный кот, она перемахивала через рощи, дома, заборы и бежала к морю.

Показалась тонкая кружевная оборка — пенистая линия прибоя. Тень пересекла ее, словно разорвала надвое. И вот уже не тень, а гигантская батисфера скользит под водой.

Море, как синяя бумага, исчерченная мелом. Кажется, что кто-то пишет на ней формулы, цифры, белые запятые.

У Тимофея зарябило в глазах. Ему показалось, что вверх взлетела какая-то цифра, похожая на тройку. Это чайка скользнула над волной. Вот еще чайка... Еще и еще...

Белокрылые птицы поднимаются все выше и выше. Кажется, что они вьются под самым люком лаборатории, становятся огромными и мохнатыми, похожими на пенистые гребни волн.

Тимофей провел рукой перед глазами. Что за чертовщина? Неужели все это ему кажется?

Уже не фантастические птицы, а волны, настоящие волны поднимались к люку стратостата. Только сейчас Бабкин почувствовал, что летающая лаборатория быстро снижается: знакомое ощущение медленно опускающегося лифта.

В первое мгновение Тимофей растерялся. Что делать? Волны ворвутся в люк, кабина наполнится водой, и все сооружение пойдет ко дну.

Может быть, закрыть люк? Нет, все равно легкая конструкция не выдержит ударов волн, ее исковеркает, изломает...

До берега далеко. Кто может спасти эту необыкновенную лабораторию, впервые в мире совершающую свой полет? О себе Тимофей не думал. Он готов был выброситься в море, лишь бы освободившаяся от лишнего груза лаборатория взмыла вверх и рано или поздно долетела до берега. Но Димка? Как можно оставить его?..

Лаборатория медленно спускалась вниз. Тимофей уже мог рассмотреть лопающиеся пузырьки на зеленоватой воде. Нельзя терять ни секунды времени.

Бабкин крикнул. Он позвал товарища, но сам не узнал своего голоса. Вот он, Дим, рядом. Застывшими, стеклянными глазами смотрит он в люк.

— Прыгай, Димка, прыгай, — повторял Тимофей. — Я за тобой. Может быть, доплывем.

Но Вадим точно ничего не понимал. Он смотрел вниз и, казалось, ничего не слышал.

— Димка, пойми, — кричал Бабкин: — если мы не выпрыгнем, все разобьет волнами!.. Прыгай, я тебе говорю!

— Нельзя... Нельзя, — как в бреду шептал Багрецов. — Я плавать не умею! — в отчаянии выкрикнул он. — Что ты от меня хочешь?

Он бросился в глубь кабины и исчез в темноте.

Бабкин не мог вымолвить ни слова. Как он забыл о том, что Дим не умеет плавать? Вспомнил бы он об этом раньше, так придумал бы что-нибудь другое, как только почувствовал снижение летающей лаборатории. А сейчас поздно...

Но что это?..

Тим вдруг почувствовал, как лета-

ющий диск на мгновение словно остановился в воздухе и быстро пошел вверх. Взглянув в люк, Бабкин заметил удаляющиеся пенные узоры. Они расплывались на воде и становились все меньше и меньше.

Подняв голову, Бабкин увидел Вадима. Он стоял, прижав к животу тяжелую банку аккумулятора, и удивленно смотрел вниз, на удаляющуюся поверхность моря.

— Ничего не понимаю... — недовольно проговорил он, ставя аккумулятор на пол. — Я было хотел освободиться от балласта, а тут...

Он объяснил, что решил выбросить из кабины несколько тяжелых аккумуляторов, которые были присоединены параллельно основному комплекту. Работа радиостанции и механизмов от этого не должна была нарушиться, если не считать уменьшения продолжительности действия установки. Ему это сразу бросилось в глаза, когда он присоединял к аккумуляторам приемник.

Бабкин оправился от неприятного ощущения грозившей опасности. Он старался выяснить причины столь неожиданного снижения и быстрого подъема, но путного объяснения им не находил.

Сейчас он был спокоен. Тихая радость словно обволакивала все его существо. «Молодец Димка! — мысленно решил он, искоса поглядывая на своего товарища. — Головастый! Здорово придумал выбросить балласт. Если бы не этот неожиданный подъем, то пришлось бы воспользоваться Димкиной находчивостью. Зачем же рыб кормить? Но все же хорошо, что не выбросили аккумуляторы. Ведь это чужое имущество, даже не своего института. Это не ботинки, которых ему сейчас совсем не жалко. Вот была бы история!.»

И, переживая эту неприятность, к счастью, не случившуюся, Бабкин хмуро сказал:

— Отнеси назад аккумулятор. Что стоишь? А потом — ты проверил, работает радиостанция?

— Конечно. Я сейчас же присоединил все как следует.

— И прерыватель?

— Точно.

— Может быть, перерыв в работе был. Ты запиши, когда аккумулятор отсоединил. На земле беспокоятся...

— Нет, в это время радиостанция не должна была включаться. Интересно, как это все получается... — мечтательно продолжал Вадим, садясь рядом с товарищем. — Сидит внизу у приемника девушка Аня... Слушает передачу, в которой говорится только о погоде. А мы не можем даже переменить тему разговора. Если бы я сумел добраться до радиостанции, то послал бы Ане радиограмму...

— Вот тогда я бы тебя заставил выпрыгнуть из люка, — проворчал Тимофей. — Определенно.

— Почему? — удивленно спросил Дим, сделав при этом невинные глаза.

— А потому. Не срывай испытания! Чудная твоя голова. Да если бы испытания были неудачными, то за этой лабораторией сразу же отправили самолет и взяли бы ее на буксир. Значит, все идет нормально. Теперь представь себе: на полигоне узнают из твоей дурацкой радиограммы, что мы здесь. Конечно, испугаются за нас и посадят лабораторию на землю.

— А ты этого не хочешь? — с усмешкой спросил Дим.

— А ты?

Багрецов замялся. Собственно говоря, он не испытывал никакого удовольствия от этого полета, особенно после того, как летающий диск стал снижаться над морем. Но он понимал, насколько были серьезны и важны первые испытания летающей лаборатории. Он знал, что по несчастной случайности успех этих испытаний теперь во многом зависит от него и Бабкина. Смогут ли они, люди, которых здесь быть не должно, не помешать спокойной и четкой работе автоматов? Надо сделать так, чтобы там, внизу, никто не мог об этом знать. Тим, конечно, прав.

Море было покрыто голубоватой дымкой. Тень от стратостата уже растаяла в ней. Куда, в какие края гонит ветер воздушный корабль? Может быть, скоро встретятся ему чужие берега?

Дим взглянул на Бабкина, удобно устроившегося на лесенке. Избрав себе это место наблюдательным пунктом, он смотрел вниз.

Багрецов хотел поговорить с товарищем, но тот всегда был неразговорчив, а сейчас и вовсе почему-то спрятался в свою скорлупу. Вадим почувствовал себя одиноким и затерянным.

Он взял свою «тетрадь с мемуарами», где уже на нескольких страничках были записаны результаты наблюдений за механизмами летающей лаборатории, и, перебирая листки, остановился на одном из них.

«Пусть меня называют мечтателем, — читал он в дневнике, — но как не помечтать о том, что будет завтра?.. Какой станет техника?.. Но нет, не это главное. Какими будут люди через несколько десятков лет? Каким будет тот механик, что сменит меня, Вадима Багрецова за монтажным столом в лаборатории? (Я уверен, что монтажный стол останется, потому что при коммунизме будет еще больше научных институтов, тогда будут строить еще больше опытных приборов.) Мне хотелось быть похожим именно на того безыменного техника, который будет сидеть на моем месте. Я часто проверял себя. «А как бы поступил он?» Он мне представляется таким же восемнадцатилетним, как и я. Когда я думаю о его характере, мне невольно приходят на ум комсомольцы: Матросов, Чекалин, Кошевой. Он может быть похожим только на них. Я хотел бы также видеть в нем черты людей, работающих в институте: инженер-майора Никонова, комсорга Сергеева и кое-что от Тимки Бабкина. Мне кажется, что он (назовем его просто «Карпов») смотрит на меня издалека и оценивает каждый мой поступок, каждый мой шаг, словно проверяя, насколько сегодняшний комсомолец Багрецов похож на человека завтрашнего дня? Я знаю, что быть похожим на него очень не легко. Во многом приходится себя сдерживать, следить за собой, испытывать неудачи, но я абсолютно убежден, что жить иначе нельзя...»

Вадим встряхнул головой. Из тетради выпал карандаш и скрылся в голубоватой мгле.

Бабкин вопросительно посмотрел на товарища. Он что-то хотел ему сказать, но колебался, не зная, как тот примет его сообщение.

— Ветер с севера, — наконец сказал он, указывая вниз.

Багрецов наклонил голову над люком. Приглядевшись, он мог рассмотреть бугорки волн, освещенные заходящим солнцем. Сильный ветер гнал стратостат на юг. Отблески солнца на волнах ясно указывали направление полета.

— Так, как ты думаешь, куда мы летим? — решил проверить свои подозрения Багрецов.

— К туркам... — буркнул Бабкин.

— Ну и что же будет? — слегка растерявшись, спросил Дим.

— Не знаю, вероятно, большие неприятности, — не поднимая головы, ответил Тимофей.—И все из-за нас...

Дим невольно вздрогнул и посмотрел вниз. Море казалось темнофиолетовым, как чернила. Уже ничего нельзя было рассмотреть на поверхности, кроме блестящей, тянувшейся на запад красно-медной полосы, отблеска угасающего солнца.

Вадиму показалось, что воздушный корабль уже пересек ее, как меридиан.

9. КОРАБЛЬ МЕНЯЕТ КУРС

— Тим, а Тим, — уже в который раз за время своего путешествия услышал Бабкин знакомый оклик.

— Ну? — как всегда, немногословно ответил он.

— Сколько часов ты можешь продержаться на воде? — неожиданно спросил Вадим.

— Не знаю, не считал, — лениво ответил Бабкин. — А что?

Багрецов не ответил. Он мучительно искал выхода из создавшегося положения и досадовал на себя, что не умеет плавать. Сразу пойдет на дно, как чугунная чушка... Может быть, использовать банки от аккумуляторов, сделать из них поплавки?.. Но из банок очень трудно вытащить пластины. Или взять коробки от приборов?.. Тоже ничего не выйдет: в них много дырок. Неужели вот так бесцельно сидеть и ждать, когда эта летающая лепешка сядет сама на какие-нибудь анатолийские сады?..

Нет, этого не могли бы допустить

инженеры, строившие лабораторию. Они все должны были предвидеть. Создали же они такую прочную конструкцию, что она выдержала испытания в грозовой туче?

Но что же делать?

Багрецову казалось, что выхода нет. Он всеми силами старался не думать о создавшемся положении. Это бесполезно, только мучаешь себя. Уж лучше снова очутиться в грозовой туче и с нею вернуться обратно.

«Какая молния!» — опять вспомнил Дим ослепительную, словно раскаленную добела полосу, метнувшуюся рядом с люком. И все-таки, несмотря на гигантскую величину этой искры, ее энергия ничтожна в сравнении с энергией неизвестных мельчайших частиц, мчащихся к нам из мирового пространства. Они проникают всюду сквозь воздух и воду. Даже под землей обнаруживаются их следы. Эта энергия сильнее «гамма-лучей», пронизывающих металл. Если бы эти невидимые частицы не задерживались атмосферой, они бы все на земле превратили в пар. Это не жалкая молния!

И мечтатель Дим увидел, словно перед глазами, необыкновенный мир. Люди уже разгадали природу этих частиц и овладели полностью тайной атомной энергии. Начались чудесные превращения вещества!

— Тим, — окликнул он Бабкина.— Представь себе удивительную землю...

— Очень она мне нужна! — проворчал Бабкин. — Лучше опуститься на свою воду, чем на чужую землю.

— Да я не о той земле! Представь себе, что самым прочным из всех ядер является ядро серебра. В этот металл можно будет превратить многие вещества, освободив их атомную энергию.

— Ну и что же? — заинтересовался Тимофей.

— Вот и представь себе, что всюду нас будет окружать серебро. Серебряные тротуары, крыши, одежда из тонких серебряных ниток.. Мебель и оконные рамы, садовые скамейки, изгороди...

— Понятно, можешь не продолжать. Мне не очень нравится твой серебряный мир, но...

Сильный толчок, словно от неожиданного поворота, прервал речь Бабкина. Он пошатнулся и, еле удержавшись на ногах, сел на пол.

Послышался свист форсунки. Что-то загудело, завыло. В открытый люк ворвался ветер, отбросил вверх волосы опешившего от неожиданности Дима, поднял на голову расстегнутый пиджак Бабкина и заметался внутри кабины.

Когда Тимофей взглянул вниз, то увидел, что летающий диск несется по темнеющей солнечной дороге прямо на восток.

— Реактивный!.. — радостно прошептал Бабкин. — Определенно!

— И управляемый, — добавил Дим, восторженно взмахнув рукой.

Шум прекратился так же внезапно, как и начался.

Видимо, на земле, как предположил Багрецов, человек, стоящий за пультом управления, считал, что теперь уже можно было выключить реактивную установку, для того чтобы летающая лаборатория могла благополучно приземлиться на своей территории.

— А может быть, это просто автоматика? — недоверчиво проговорил Бабкин, прислушиваясь к шуму ветра в люке. — Перед полетом рассчитали, когда нужно включить реактивный мотор, вот механизм и сработал. По инерции пролетит, потом опять...

Он замолчал, словно ожидая, что ракетная установка включится вновь и предусмотрительно взялся за рычаг, чтобы снова не упасть при толчке.

— Нет, — выждав некоторое время, убежденно заметил Багрецов. — Я все же думаю, что наша лаборатория управляется по радио. Иначе чем же объяснить ее неожиданный спуск над морем и затем такой же быстрый подъем? Надо полагать, что там, внизу, на пульте управления испытывали маневренность летающего диска. Над морем это делать удобнее. А то еще случайно стукнешь лабораторию о землю...

— Опять новая теория, — махнул рукой Бабкин.

— Именно так. Управляемая летающая лаборатория! Теперь я абсолютно покоен, — подчеркнул Дим. — И если хочешь, мне даже приятно участвовать в испытании реактивной установки... Подумать только, больше двух тысяч лет тому назад человек пытался взлететь в воздух на ракете, но эта мечта его осуществилась лишь в наши дни!

— Кто же это пробовал тогда летать? — недоверчиво спросил Тимофей.

— Какой-то китайский мандарин, Ван-Гу. Он хотел подняться на воздушных змеях, поднимаемых в воздух ракетами. Соорудив специальный аппарат с сорока семью ракетами, мандарин сел в него. Сорок семь прислужников должны были поджечь ракеты. Случайно произошел взрыв, и изобретатель погиб.

— Кстати, ты помнишь, — продолжал Дим, — ведь раньше думали, что ракетная установка пригодна только для межпланетных путешествий?

— Да, романов много об этом написано, — промычал Бабкин, посматривая вниз.

— Однако ни один из героев этих романов, мчавшихся в ракете на Луну или на Марс, никогда бы не добрался туда живым.

— Почему?

— Я думаю, что за пределами атмосферы он бы погиб от действия космических лучей. Ты обратил внимание, что ни в одном из таких романов ничего не говорится об этих лучах.

— Ну еще бы! О свойствах космических лучей тогда ничего не знали. Впрочем, для защиты от них можно поставить свинцовые экраны.

— По последним данным, на высоте ста километров от земли приборами обнаружены лучи, проходящие сквозь свинцовый экран толщиной в двенадцать сантиметров.

— Ого! — невольно воскликнул Бабкин. — Тяжеловат получается экран для межпланетного корабля. Но, главное, он все равно полностью не защищает людей.

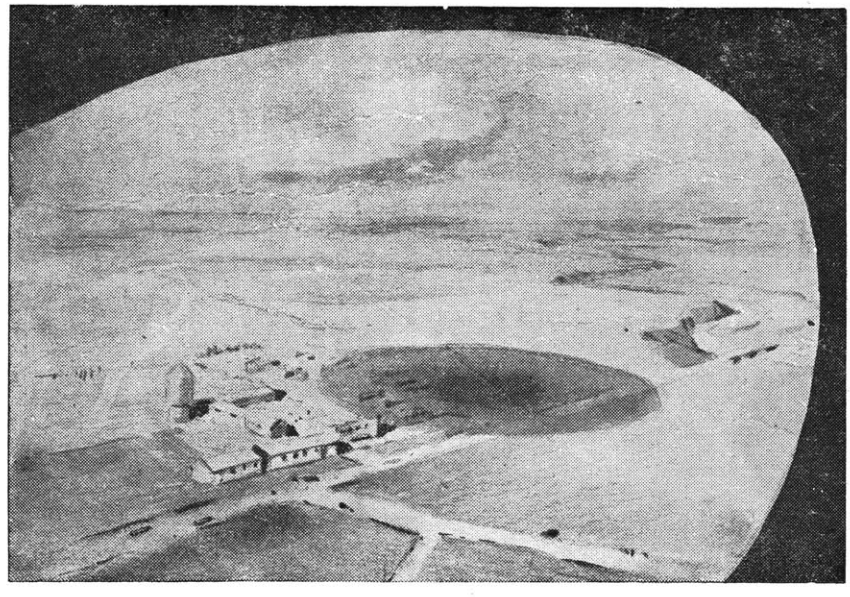
— Понимаешь, Тим, мне кажется, что эта установка... тоже...

— Что тоже? — насторожился Тимофей.

— Нет, нет, — быстро спохватившись, сказал Дим. — Я просто так подумал.

Бабкин недовольно взглянул на него и направился в центральную кабину.

(Продолжение следует)



ВЛ. НЕМЦОВ

Рис. К. Арцеулова

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Молодые техники из научно-исследовательского института, занимающегося конструированием метеорологических приборов, Вадим Багрецов и Тимофей Бабкин впервые отправились в командировку. Приехав поздней ночью на испытательный полигон, они установили привезенный с собой электронный прерыватель в кабине автоматической радиометеостанции. При последующей проверке на приемнике оказалось, что прибор не работает. Техники, никем не замеченные, снова проникают в кабину для исправления своего прерывателя. Неожиданно для них люки закрываются. Метеостанция отправляется в свободный полет. Во время своего невольного путешествия в летающей лаборатории молодые техники узнают, что это устройство имеет форму диска и управляется с земли по радио.

10. ИСПЫТАНИЕ МУЖЕСТВА

Багрецов сидел у края люка и смотрел вниз. Он был абсолютно спокоен. Никакого страха! Словно он не летит над морем, а сидит у окна своей комнаты на четвертом этаже.

Откуда пришла к нему эта удивительная смелость? Да ведь случись с ним такая история во сне, он бы проснулся в холодном поту...

Вадим с детства боялся высоты. «Впрочем, что греха таить, — вспоминал Вадим, посматривая на темнеющее море, — не только высоты — многого. Пожалуй, никто из моих друзей не сможет упрекнуть меня в отчаянной смелости. Особенно после того, как я в испуге попятился однажды от ужа, вынырнувшего из-за куста.

Багрецов передернул плечами, словно для того, чтобы отогнать от себя это неприятное воспоминание, и в этот момент услышал шаги Бабкина. Он возвращался из центральной кабины.

— Определенно, анализатор не работает, — сурово сказал Тимофей. — Наверно, во время грозы попортился.

Немного помедлив, он опустился в колодец люка и, уцепившись за последнюю ступеньку лесенки, старался рассмотреть, нет ли на внешней обшивке корабля каких-нибудь поручней или ступенек, по которым можно было бы добраться до края диска, а там подняться наверх, к приборам, вынесенным за пределы кабины.

Багрецов с тревогой смотрел на товарища. Ему было страшно за него. Как только он не боится вертеться на этой тонкой лестнице, как циркач на трапеции?

Продолжая свои исследования, Бабкин, наконец, увидел нижнюю поверхность диска. Она светилась бледным, отраженным светом моря.

Тимофею удалось нащупать, а затем и увидеть скобки, идущие, как лесенка, по обшивке корабля к самому краю диска.

Тим посмотрел вниз. Море действительно стало черным, оправдывая свое название, и только на гребнях невысоких волн прыгали огоньки — мерцающие отблески заката. Казалось, что при первом порыве ветра они погаснут, как свечи.

— Я сейчас попробую забраться наверх, — сказал Бабкин. — Надо посмотреть, что там случилось.

— Тимка, сорвешься!—в отчаянии закричал Багрецов, увидев, что тот собирается вылезть из люка. Он бросился вниз по лесенке и схватил товарища за руку.

— Ты что? — удивленно спросил Бабкин.

— Как что? Нельзя же лезть очертя голову...

— Да и я думаю, что для страховки надо было бы веревкой, что ли, обвязаться

— Специально для нас припасли ее здесь, — хмуро отозвался Дим.

Он невольно осмотрелся по сторонам и заметил тускло поблескивающий прозрачный кожух лебедки с тросом. А что, если использовать этот трос?

— Тимка, посмотри внизу, можно ли достать трос? Понимаешь, там какой-нибудь груз должен быть. Как в выпускной антенне...

Бабкин наклонился, причем ему пришлось повиснуть чуть ли не вниз головой. Осмотревшись, он сказал:

— Есть здесь такой, только не достать.

Вадим взглянул на закрытую лебедку. Если бы найти способ освободить трос! Вероятно, он удерживается каким-нибудь электромагнитным приспособлением. Вот здесь подходит кабель. Если отсоединить его, то цепь разорвется, реле освободит собачку у зубчатого колеса, под действием груза колесо завертится и трос спустится вниз.

Вадим вынул из кармана отвертку и осторожно вывернул винт, присоединяющий кабель.

— Тим, смотри!—крикнул он, заметив, что в кожухе что-то щелкнуло и колесо слегка повернулось. Через мгновение оно завертелось быстрее, и Вадим услышал, как Тим крикнул:

— Есть!

— Тащи к себе!

— Попробуй достань, — отозвался Бабкин. — У тебя ремень был?

[1] Продолжение. Начало см. «Вокруг света» №№ 1 и 2, 1949 г.

Вадим снял с себя прочный ремень армейского образца и опустил его в люк.

— На.

Тимофей несколько раз взмахнул ремнем, чтобы зацепить трос пряжкой и подтянуть его к себе.

Но ремень только скользил по тросу.

Наконец после многократных попыток ремень захлестнулся вокруг стального троса, и Бабкин подтянул его к себе.

Он вылез из люка, вытер пот со лба и стал тащить трос в кабину.

Трос оказался очень длинным, вероятно, метров сто, примерно таким же, как тот, что употребляется при буксировке планеров за самолетами.

— Наконец-то! — облегченно вздохнул Тимофей, когда о край люка стукнулась грушеобразная гирька, прикрепленная к тросу.

— Ремень крепкий?—спросил он, критически осматривая крепление пряжки. — Выдержит, если что?

Еще раз внимательно осмотрев ремень и подергав его, Бабкин тщательно, надежным морским узлом привязал к нему стальной трос. Также, не спеша, он надел ремень и застегнул его на себе.

Багрецов смотрел на Бабкина невидящими глазами. Через минуту Тим спустится по тонкой лесенке и станет карабкаться по горизонтальной качающейся стене, где шумит ветер, где ждет его внизу холодная пустота. Страшно! Сколько неприятных минут вынесет он, прежде чем доберется до наружных приборов!

Вадим понимал, что анализатор надо исправить. По емкости аккумуляторов он предполагал, что полет рассчитан на многие дни. Он видел в кабине часовые механизмы с месячным заводом. Прерыватель, который они привезли из института, должен был обладать максимальной экономичностью, чтобы питания хватило на много дней. Нельзя, чтобы хоть один прибор испортился. Нарушится вся система исследований. Но смогут ли выдержать такой продолжительный полет люди? Если питания для приборов хватит на многие дни, а может быть, и недели, то у людей, попавших в общество автоматов, пищи не было. Люди, к сожалению, не могут питаться электрической энергией, как созданные ими приборы.

Дим смотрел на своего друга. Тот медлил, все еще проверяя надежность крепления троса к ремню.

«Но почему Тим должен испытать этот страх? — подумал Багрецов. — Почему он должен сейчас вылезать из люка, а не я? Ведь я же гораздо лучше знаю устройство анализатора?..»

Вадим взглянул вниз. Моря уже не было видно. Густая лиловая мгла подымалась к отверстию люка.

«А как бы поступил сейчас Карпов?» — мелькнуло в голове у Багрецова, и ему неожиданно сделалось холодно. На этот вопрос мог быть только один ответ.

Вадим взглянул на часы.

— Погоди, Тим, — остановил он товарища.—Сейчас снова включится радиостанция. Надо послушать, может быть, испортился еще какой-нибудь прибор, а мы и не заметили. Исправлять, так все сразу... Как ты думаешь?

— Не мешает, — согласился Бабкин.

Он вздохнул, снял ремень, аккуратно положил его около лебедки и направился в центральную кабину.

Вадим для видимости пошел было за ним, но затем незаметно вернулся и быстро опоясался ремнем. Свернув кольцом метров десять троса, он закрепил его в отверстии шпангоута, чтобы в крайнем случае, если вдруг сорвешься, повиснуть вблизи от люка. Но нет, этого с ним не может случиться! Напрасные страхи.

Быстро, чтобы его не застал Тим, Багрецов спустился вниз по лесенке и взглянул вниз. Мелкая дрожь пробежала по всему телу.

Где-то далеко еле заметно светилось море.

— Димка... — услышал он издалека, как сквозь слой ваты, голос Бабкина.

Раздумывать было некогда. Дим опустил вниз ногу, как бы пробуя, холодна ли вода, и холод, леденящий холод словно подкатился к его сердцу. «Трус, жалкий трус! — думал о себе Дим, чувствуя, что еще немного — и он выскочит обратно из страшного люка. — Хвастун, хвастун!.. Трус несчастный...»

Он сидел, застыв, на лестнице, не в силах оторвать глаз от манящей бездны. Казалось, что все его члены скованы, что он не может шевельнуться.

«Так вот он какой, оказывается, Димка Багрецов, — с тайным ужасом думал он о себе. — Вот, когда настала проверка... Значит, ты нисколько не похож на того человека, которому старался подражать. Парашютистка, еще девчонка по возрасту, вылезает на крыло и смело прыгает вниз. А ты боишься, даже привязанный, вылезти из кабины».

Густая краска стыда постепенно от лица начала разливаться по телу, словно разогревая сердце и мускулы.

Внезапная решимость овладела Димом. Нога, опущенная в пустоту, уже не чувствовала холода и искала опоры, чтобы прочно закрепиться на

Повиснув всем телом над бездной, Багрецов полез вверх.

внешней поверхности корабля. Вадим нащупал скобку, согнулся дугой, как-то ловко вывернулся и уцепился рукой за вторую скобку снаружи. Еще немного, и он, повиснув на мгновение в воздухе, обеими ногами стал на спасительные упоры, идущие лесенкой по низу диска.

Вадим огляделся. В черных тучах у горизонта светилась красная тонкая полоса, похожая на остывающий раскаленный прут. Внизу, в темноте, серым графитовым отблеском отсвечивало море.

Цепляясь ногами и руками за скобки, повиснув всем телом над бездной, Багрецов, как обезьяна, полез вверх. Иногда нога скользила и отрывалась от спасительной опоры. В эти минуты Дим чувствовал, как останавливается сердце, как судорожно сжимаются пальцы на холодном металле и словно примерзают к нему, как на морозе.

Но вот он как будто добрался до края диска.

Есть ли там, наверху, такие же скобки? Дим на мгновение повис на краю. Диск резко накренился, словно пытаясь перевернуться, и скользнул вниз, но Дим уже быстро перелез через его край. Здесь он увидел расположенные по всей окружности диска странные объективы, похожие на огромные блестящие зрачки. Таких приборов Дим никогда не встречал. На четвереньках, удерживаясь за скобки, Багрецов пополз к центру, где торчало куполообразное возвышение с установленными на нем метеоприборами и кольцеобразной антенной. Это вещи знакомые.

Дим передохнул и осмотрелся. Чувство радостного волнения и гордости за самого себя охватило его. Скоро он доползет до приборов.

Откуда-то пришло настоящее спокойствие, сознание исполненного долга.

Показались первые звезды. Они плыли над головой, кружились и опускались вниз, как светлячки. Багрецов чувствовал какое-то непонятное, никогда еще не испытанное опьянение: может быть, от ветра, моря и высоты.

Корабль, плывущий в струе воздушного течения, слегка покачивало. Он поднимался вверх и снова бесшумно скользил вниз, где в черной воде, казалось, рождались бледные мерцающие звезды.

Но первое ощущение радостного торжества быстро прошло. Надо было все-таки добраться до приборов. Осторожно, стараясь не сорваться, полз Вадим по верхней поверхности летающего диска, цепляясь за выступы сварных алюминиевых листов. Голова кружилась, противная тошнота подступала к горлу.

Вдруг Багрецов почувствовал, что его кто-то тянет назад. Он уже позабыл о тросе, поэтому это ощущение ему показалось страшным. Кто может быть здесь, на крыше летающей лаборатории?..

Он остановился, протянул руку назад и уцепился за трос. Неужели он не пустит его дальше? В эту минуту Вадим пожалел, что оставил такой маленький запас. Но еле заметное подергивание ремня подсказало ему, что Бабкин на месте и сейчас дает об этом знать.

Дим дернул за трос три раза, затем еще три и в ту же минуту почувствовал, как его натяжение ослабело. Теперь можно ползти дальше. Тим догадался и освободил еще несколько метров троса.

Впереди вспыхнули красные сигнальные огни. Видимо, они горели со всех сторон диска.

Ну, конечно, так и есть, огни расположены по кругу!

Медленно и осторожно продвигался Багрецов к центральному возвышению на корабле. Вот оно уже совсем близко. Дим боялся встать во весь рост. Ему казалось, что эта огромная тарелка слегка наклонится и человек, стоящий на ее плоскости, просто скатится вниз.

Но вот, наконец, и приборы. Дим прежде всего начал рассматривать установку для взятия проб воздуха. Не нужно быть специалистом, чтобы обнаружить неисправность в клапане! Удивительный народ эти инженеры! Неужели они не предполагали, что летающий диск может попасть в грозовую тучу? Здесь нужна совсем другая прочность.

Наконец клапан исправлен. Дим пополз обратно.

Вдруг злобное шипение послышалось где-то на противоположной стороне диска. Оглушительный шум падающего водопада разорвал тишину. Диск рванулся вперед. Встречный ветер сразу сделался плотным, как каменная стена. Он сорвал Димку с гладкой поверхности диска и бросил вниз.

На мгновение Багрецов увидел где-то над головой свои ноги на фоне вырывающегося из сопла пламени.

Высоко над землей летел человек.

II. ЧЕЛОВЕК НАД ЗЕМЛЕЙ

Председатель правления колхоза «Новый путь» старик Соселия не совсем твердой походкой шел по темной улице уснувшего селения. Он опирался на руку одного из своих гостей, недавно прибывшего в местную МТС тракториста Миколы Горобца.

— Осторожнее, Симон Артемович, осторожнее, не упадите, — стараясь быть возможно мягче и вежливее, говорил Микола, с трудом подыскивая слова. Они почему-то сразу ускользали из его сознания. Найдет подходящее слово, а оно опять исчезло. Лови его за хвост. Ой, и хмельная эта кахетинская горилка!

Микола Горобец в числе других трактористов был месяца два назад направлен в местную МТС для помощи и обмена опытом. Ему понравились здешние люди, жаркое солнце и виноградники. Он даже примирился с опасными горными склонами, где нелегко водить трактор. Но срок командировки кончался, и Микола спешил к себе на родину.

Соселию пришелся по душе положительный и знающий свое дело тракторист, проживший у него целый месяц. Потому-то сегодня, в день проводов, старый Соселия достал из погреба бочонок хорошего вина. Надо проститься с гостем, как полагается, тем более, что он немало хорошего сделал для колхоза.

Ночь выдалась лунная. Еще звучали веселые и протяжные песни, еще много оставалось вина, но Соселия решил именно сейчас поговорить с отъезжающим специалистом о самом важном, самом неотложном.

— Посмотри, — издалека начал он разговор, указывая на темные, чуть серебрящиеся под луной вершины гор. — Такие горы у вас есть? — Он указал на курчавый склон. — Такой виноград у вас есть?

Тракторист вежливо молчал, видимо, выжидая, когда Соселия выскажется до конца.

Сухая, смуглая рука старика протянулась в сторону скотного двора.

— Такие барашки у вас есть? — снова спросил он.

— Нету, Симон Артемович, нету, не бачив, — мешая русскую речь с украинской, сказал Микола.—Но вы не сомневайтесь — все будет!

— Такие барашки? — удивленно спросил Соселия.

— Точно.

— Такой виноград?

— Угу... Опытный сад пока завели.

— И горы?.. — уже гневно спросил старик.

Горобец посмотрел на него, хотел было признаться, что таких гор нет и не может быть на Черниговщине, что это самые лучшие горы в мире и пусть старик не думает, что ему здесь не нравится... Все это хотел сказать Микола, но уверенность, что нет ничего на свете, чего бы не смогли сделать у них на Черниговщине, заставила его ответить иначе.

— Колы треба... будуть и горы!

Старик молчал. На светлый серп луны набежало легкое облачко. Сразу потемнело, курчавый виноградник слился с черным силуэтом гор. С них сползла серебристая окраска, и они уже не казались такими высокими.

Соселия долго ничего не говорил. Он смотрел себе под ноги, где дымилась дорожная пыль, и нарочно ворошил ее палкой, словно стараясь найти в ней ответ на свои думы. «Конечно, такой тракторист мог бы руководить МТС при нашем колхозе, — думал Соселия. — Но разве этот человек останется здесь, среди гор, если он считает, что даже эти горы можно сделать у него дома? Гордый человек — это хорошо, а вот хвастун—совсем, совсем плохо».

Микола почувствовал, что его ответ пришелся не по душе председателю. Что-то, видимо, он здесь перегнул... Может быть, не так его понял Соселия?

— Послушайте меня, Симон Артемович, — начал он, бережно придерживая старика под руку. — Я хотел сказать, что мы, советские люди, все можем сделать... И реки, и горы... А за яким бисом нам на Черниговщине горы? Поле ровненькое, трактор иде гарненько... Куда не подывишься — небо. Такий кругом простор. Бачив я машину новую, — пояснил он, — экскаватор называется, один ковш у нее, як хата, — такий великий. Землю зачерпнет этим ковшом, повернется, та высыпет на другу сторону. Зараз гора вырастет... Вот я и говорю, все можно сделать — даже горы.

Старик молчал.

— Я бачу, Симон Артемович, вы мне не верите, — уже слегка растерянно проговорил Микола: ему никак не хотелось на прощанье огорчать гостеприимного хозяина, к которому он успел привязаться. — Но скажите, Симон Артемович, рокив пятьдесят назад вы не верили, що могут люди летать?.. А зараз я видав у Киеве дуже швыдкие самолеты, — рассказывал Микола, стараясь показать свою осведомленность в технике, — ракетными называются. За один час мабуть... тыщу километров пройдут. А то есть еще самолеты без людей... Сами летают.

Старик молчал, недовольно постукивая палкой по земле.

— Вы мне не верите, Симон Артемович, — безнадежно махнул рукой Микола.—Думаете, это брехня?! Ни... Здается мне, що скоро не только самолеты без людей, но и сами люди будут летать без самолетов, взяв в руки яку-нибудь бисову ракету и зараз поднявся выше хаты..

Соселия только головой покачал. Нет, у них на Черниговщине не умеют пить вино. В этом он убедился.

— Дывись! — неожиданно крикнул Горобец, указывая куда-то вверх.

Старик нехотя поднял голову.

Высоко над землей летел человек. Его было отчетливо видно в свете луны. Он поднял кверху руки, как бы стремясь взлететь еще выше, к тусклым красноватым звездочкам, плывущим над ним.

Огоньки удалялись, а вместе с ними улетал и человек без крыльев.

И, может быть, только сейчас Соселия поверил трактористу Миколе. Он собственными глазами видел летающего человека. А если так, то почему же не поверить, что люди смогут создавать горы? Люди, они все могут.

Но сам Микола Горобец в эту минуту уже ни во что не верил. Он стоял посреди улицы, протирал глаза, махал перед собой руками, чтобы отогнать это странное и непонятное видение. Он в отчаянии озирался по сторонам, смотрел на старика, стоявшего рядом с ним, прислушивался к звучному хохоту загулявших гостей и не верил, что он, Микола Горобец, находится в привычном ему мире, что сейчас он просто стоит на деревенской улице около скотного двора... Нет, ничего этого нет!

— О, бисова горилка, чего ты не зробишь! — сказал Микола про себя, и ему сразу стало легко от этого простого объяснения загадки летающего человека.

* * *

Бабкин несколько раз звал Димку, чтобы тот послушал, как работает радиостанция. Но тот не отвечал. Обеспокоенный молчанием товарища, Тимофей возвратился к люку.

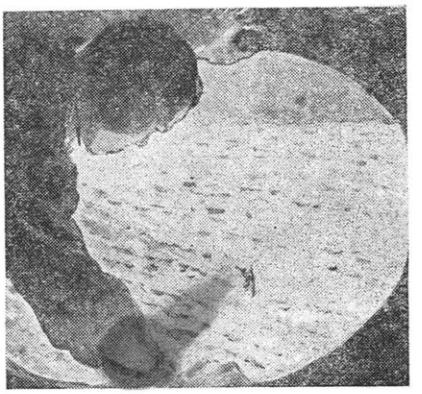
В этой части корабля было уже темно. Синий сумрачный свет, поднимавшийся из круглого отверстия люка, отражался на потолке кабины и сразу же поглощался темнотой.

— Нашел время для шуток! — пробормотал Бабкин, стараясь подавить в себе охватившее его волнение.

— Димка! — сердито крикнул он в темноту.

Ответа не было. Тимофей прислушался. Около люка что-то шуршало.

Бабкин подошел поближе и увидел тонкий трос, скользивший по краю люка. Он постепенно уползал из кабины.



Теперь он мог яснее рассмотреть фигуру, повисшую над морем.

— Димка, вернись! — в отчаянии крикнул Тим. — Вернись, я тебе говорю! — кричал он, наклонившись всем телом над люком.

В этот момент Бабкин заметил, что трос натянулся.

Тим осторожно подергал за трос. Может быть, Дим почувствует, что Бабкин здесь и ждет его возвращения?

В ответ на это Дим дал знать, что сигнал принят.

Бабкин решил немного освободить трос, чтобы Димке было удобнее возвращаться.

Тимофей до сих пор не мог понять, как это его товарищ, никогда не отличавшийся смелостью, смог решиться на поступок, который даже ему, Бабкину, казался почти невыполнимым? Правда, он и сам хотел пробраться к наружным приборам, но заставить себя решиться на это стоило бы ему больших усилий. А Димка?.. Нет, это невероятно! Это совсем на него не похоже.

Сейчас его томило беспокойство, как бы не случилось чего с Димкой. Хорошо ли он застегнул ремень? Не потеряет ли он там сознание от страха?

Бабкин чувствовал в своих руках холодную сталь троса; она казалась ему струйкой воды, текущей по ладоням. Он боялся выпустить из рук эту беспокойную струйку и до боли в ногтях сжимал ее, как только мог.

Резкий рывок. Тимофей упал, ударился о край люка. Инстинктивно руки искали опоры. Трос, обдирая кожу с ладоней, вырывался из кабины.

Кольца троса мечутся около люка, проваливаются в пустоту и тянут за собой эту стальную веревку, разматывая ее с барабана лебедки.

Откуда-то из пространства в кабину врывается сдавленный крик, заглушаемый ревом реактивного мотора. Барабан с отчаянной скоростью и пулеметным треском зубчатки продолжает вращаться.

Бабкин бросается к нему. Он скользит по гладкому кожуху окро-

вавленными руками, пытаясь остановить сумасшедше трещащий барабан. Нет, невозможно, все закрыто! Сквозь прозрачный кожух видно, как блестят, пересекаясь и вздрагивая, последние метры стального троса.

Выдержит ли его крепление на конце, когда падающее тело мгновенно остановится?..

Бабкину хочется задержать, остановить эту последнюю минуту. Но что он может сделать?!.. Оторвать идущие к реле провода? Но тогда трос, наверное, совсем освободится.

Нет, не так! Но что, что предпринять?.. Тимофей всем телом ложится на лебедку, точно стараясь удержать ее.

Снова толчок. Барабан останавливается. Воздушный корабль словно прыгает вниз.

...Тимофей лежал, не в силах оторвать рук от влажного кожуха. Наконец он приподнял голову. Ему показалось, что прошло несколько часов с того времени, как остановился барабан лебедки. Бабкин поднялся и медленно пополз к люку.

Над морем стояла тишина. Легкий ветер словно поднимался от воды. Он обвевал лицо молодого техника, мокрое от пота, а может быть, и от слез (в этом никогда бы не сознался Тим). В холодном свете луны тонкая, как лунный луч, протянулась блестящая линия. Трос был натянут.

Море казалось усыпанным серебряными монетами. Они плавали и мерцали в темноте. На фоне этого беспокойного дрожащего света Тим разобрал где-то далеко плывущую в пустоте, поникшую фигуру.

— Димка! — закричал он и сам не узнал своего голоса, чужого и хриплого.

Бабкин прислушался. Ему казалось, что откуда-то из глубины он слышит шорох моря, шипение пены на гребнях волн. Нет, это ветер шелестит по обшивке воздушного корабля.

— Димка! Отвечай, отвечай же, Димка! — в отчаянии выкрикнул Тимофей.

Снова молчание.

Надо во что бы то ни стало поднять Димку сюда! Но это невозможно, до троса нельзя дотянуться. В этой стороне нет никаких скобок или выступов, уцепиться не за что.

Тимофей снова взглянул вниз.

Луна вышла из-за туч, и теперь он мог яснее рассмотреть фигуру, повисшую над морем. Димка держался за трос, подняв руки над головой, словно протягивая их вверх в мольбе о помощи.

* * *

Падение, казалось Багрецову, продолжалось вечно. Он вначале не чувствовал за собой троса и ждал, что через какие-нибудь несколько секунд ударится о воду, потеряет сознание и — все будет кончено.

Серебряная поверхность моря то приближалась, то уплывала куда-то вниз или вставала стеной — иногда справа, иногда слева. И на волнах качался серп луны, словно срезая невидимые колосья.

Туда, к морю, падал Димка.

Неожиданно натянувшись, трос резко рванул его за пояс. Как от удара под ложечку, остановилось дыхание. В глазах завертелись и фейерверком пронеслись какие-то огненные колеса...

Очнулся Багрецов от ощущения холода.

Вадим боялся открыть глаза. Неужели он снова увидит под собой море? Неужели он опять висит в пустоте? В его руках был холодный стальной трос.

Словно испытывая свою стойкость, Дим открыл сначала один глаз.

Темнота. Какие-то далекие светящиеся точки.

Он открыл другой глаз и посмотрел вниз. Длинной цепочкой пробегали прибрежные огоньки. Видимо, это была дорога.

Вадим поднял голову и взглянул вверх. Далеко в небе светились красные звездочки — сигнальные огоньки летающей лаборатории.

А кругом — пустота. Черное небо с россыпью звезд. И в этом небе один, совсем один человек, повисший над землей.

Дим почувствовал, как противные холодные капли поползли ему за воротник. Дождь?.. Нет, это снова вернулся страх, и по спине ползут капли пота. Немеют руки, словно намертво прикованные к тросу, кружится голова, и снова в отчаянии стучит сердце, будто стараясь выпрыгнуть из груди.

Что может быть страшнее высоты, когда не чувствуешь нигде опоры, когда ветер несет тебя, словно пылинку? Он подует сильнее, закружит, закачает тебя в воздухе, сорвет с троса и бросит на землю.

Дим закрывает глаза и ясно представляет себе раскручивающиеся жилки троса там, наверху, у лебедки. Они постепенно выскакивают из-под болта, свертываются в спирали, блестящие и колючие, и начинают лопаться...

— Дим, а Дим! — услышал он знакомый голос, прилетевший сверху. В нем слышалось отчаяние.

— Слышу!.. Слышу!.. — кричал Димка, задирая голову.

Он пробовал подтянуться, но трос был тонким и руки скользили по нему. Нет, взобраться в кабину немыслимо.

Багрецов взглянул вниз.

Под ним плыла необыкновенная земля. Невысокие горы, словно сметаной, облитые лунным светом. В черноте долин, как угольки догорающего костра, светились окна домов. Блестящая бетонированная дорога лентой охватывала горы и пряталась в ущельях.

Вечер был праздничный. Откуда-то из глубины долин взлетала вверх веселая песня, стеклянные дробные

Багрецов расстегнул ремень и бросился вниз.

звуки саза, похожие на трели мандолины.

Земля манила. Она раскинулась перед Димкой спокойная и счастливая. Она протягивала к нему мягкие лапы елей, поднимала вверх, как заботливые руки, ветви раскидистых буков.

Ветер свистел над головой. Звенел, как натянутая струна, стальной трос.

Уже пропали огоньки селений. Горы подступали все ближе и ближе. В свете луны они казались покрытыми пеплом.

Высокая зубчатая стена двигалась навстречу. Как черным мхом она заросла лесом, и только на самой вершине торчали остроконечные скалы.

Бортовые сигналы воздушного корабля параллельными линиями вычерчивали в небе свой путь.

Еще немного, и они погаснут. Ветер примчит корабль к самой скале, приподнимет его и со всего размаха ударит об острые камни. Летающий диск не сможет перелететь через скалы. Он идет прямо на них.

Дим с отчаянием смотрел на приближающуюся гору. Вот уже можно различить в темноте ветви деревьев, увидеть глубокую трещину, тянувшуюся с самой вершины до подножия, мелкий кустарник, ползущий по склону, голое засохшее дерево...

В волнении Вадим закрыл глаза. Ветер кружил его на тросе, как на гигантских шагах. О, если бы хоть на минуту прекратилась эта безумная игра!..

Он боялся услышать треск над головой. Тогда конец. Погибнет лаборатория, а в ней... Тим. И все, весь огромный человеческий труд через мгновение должен превратиться в груду обломков.

Не задумываясь больше, Багрецов расстегнул ремень и бросился вниз, на темнеющие ветви уже совсем близких деревьев.

В этот момент он не мог видеть, как летающая лаборатория спокойно повернула в сторону, обходя неожиданное препятствие.

Красные звездочки сигнальных огней ракетами взметнулись ввысь, словно салютуя победе.

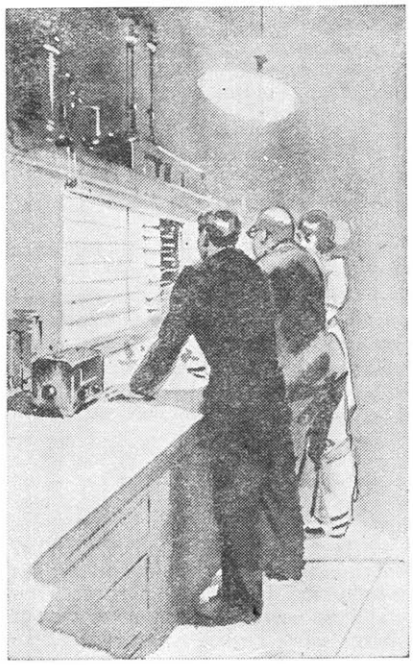
12. А В ЭТО ВРЕМЯ НА ЗЕМЛЕ...

— Ничего не понимаю! — растерянно проговорил Поярков, рассматривая ленту. — Мы начали испытания уже по одиннадцатому пункту программы. Но что же это? Ваши приборы то не работают, то вновь дают показания, — обратился он к Борису Захаровичу.—Опять на ленте появились отметки анализатора воздуха. Ведь он же был испорчен?

Дерябин бросился к столу и, взглянув на ленту, облегченно вздохнул. Теперь у него все в порядке.

— Борис Захарович! — снова обратился к нему конструктор. — Вы уверены, что так и должно быть?

Старый инженер хотел было заме-



Наступил решающий момент.

тить, что при первых испытаниях в аппаратуре вполне возможны неожиданности, иначе незачем ее испытывать. Но он промолчал: сейчас было не до этого. Необходимо сказать профессору, что теперь все приборы работают. Ведь Алексей Фомич очень беспокоился, что при основных испытаниях не будут взяты пробы воздуха. «Однакоже, — недоумевал инженер, — почему это анализатор воздуха вновь начал работать совершенно нормально? Неужели его неисправность объяснялась грозовыми явлениями? Вот если бы он, Дерябин, мог сию минуту, не ожидая окончания испытаний, посмотреть на этот прибор!»

— Какова скорость подъема? — спросил Борис Захарович у радистки.

Аня нагнулась над записями, пошевелила губами и ответила:

— Пять метров в секунду.

— Почти расчетная величина, — пояснил Поярков. — Как видите, ваши опасения, что летающая лаборатория не достигнет нужного потолка, пока преждевременны.

— Не понимаю, — возразил инженер, — почему диск вдруг начал подниматься? Может быть, здесь играет роль восходящее течение? Ведь лаборатория сейчас летит над горами.

— Нет, это все не то, — махнул рукой конструктор и задумался.

— Ну что ж, подождем следующей передачи, — сказал Дерябин. — А вы, — обратился он к конструктору, — меньше всего думайте о неудачах. Уверен, что утром мы сможем начать основные испытания приборов Алексея Фомича.

Шаркая ногами, Борис Захарович прошел в свой кабинет.

Настала тишина. Выключились ондуляторы, замерли барабаны с лентой.

Аня встала из-за стола, слегка расправила узкие плечи и, походив немного по комнате, села на черный кожаный диван.

Поярков стоял у окна и, закрыв глаза, раскачивался из стороны в сторону. По временам он, словно механически, зажигал папиросу и, не докурив ее, доставал новую.

Наконец он со злостью выбросил только что зажженную папиросу и, резко повернувшись, подошел к столу.

Вот последние расшифрованные показания, занесенные в журнал. Высота три тысячи метров, температура, влажность, давление... Нет, все в порядке: барограф отметил давление, примерно соответствующее данной высоте. Но тогда что же могло случиться? Почему летающая метеостанция сразу вырвалась вверх? Поярков настолько верил в непогрешимость своей конструкции, что все это ему казалось невероятным. Почему раньше летающая метеостанция, несмотря на значительное увеличение ее объема, не могла подняться до расчетной зоны равновесия? Почему так неожиданно она стала набирать высоту? Чем он может объяснить это явление? И главное, что особенно неприятно в этом деле, — проклятое сознание собственного бессилия.

Аня долго сидела, боясь нарушить молчание. Она чувствовала, как велико горе конструктора. Но что ему сказать? Нелепо и неловко говорить сейчас слова утешения.

— Смотрите, умывается, — неожиданно услышала она тихий шопот Пояркова. Аня вздрогнула и посмотрела в угол, куда указывал конструктор.

Не обращая ни на кого внимания, под ярким светом люстры на полу сидела мышь и забавно умывала мордочку. Она, видимо, была очень занята этим делом, и даже громкий смех инженера не сразу заставил ее спрятаться в щель под шкафом.

— В детстве у меня был белый мышонок. Это такие уморительные создания, — сказал Поярков, повернувшись к Ане. — Не правда ли?

— Да, да, — растерянно ответила девушка, думая о чем-то своем. — Вы знаете... я подсчитала, сейчас он может быть уже в стратосфере.

— Я не позавидовал бы и этому мышонку, если бы он оказался в кабине летающей лаборатории, когда она достигнет заданного потолка. — Конструктор задумался и, словно про себя, добавил: — Ионосфера начинается примерно с восьмидесяти километров.

— Серафим Михайлович, — обратилась к нему Аня, — а не лучше ли все же, чтобы там был живой человек?

— Где? В ионосфере? Там и мышонок не выживет. А, кроме того, зачем это нужно? Аппараты справляются без человека гораздо лучше. Вы сколько времени можете не спать? — неожиданно спросил он.

— Не знаю... Наверное, суток двое или трое.

— А механизмам все нипочем, они не устают.

— Ну, хорошо, — согласилась Аня. — Но ведь лаборатория может залететь куда угодно... Ну, скажем, за границу.

— Не позволим, — улыбнулся инженер. — Вы же заметили, что корабль изменил свой курс над морем? Это Борис Захарович ему приказал по радио — посылкой соответствующих импульсов он включил мотор. Причем, как вы, вероятно, догадываетесь, газы реактивного мотора должны были вырваться из сопла, прямо противоположного нужному направлению полета. Вы ведь знаете, что трубы этого мотора расположены по всей окружности диска. Таким образом, можно выбрать любое направление его движения. Это похоже на так называемые газовые рули. Мотор, сконструированный инженером Северцевым, очень экономичен, и на корабле нет больших запасов горючего, тем более, что мотор включается лишь в случае необходимости: когда нужно изменить курс или при достижении потолка, когда диск поднимется за пределы плотной атмосферы.

— А если какой-нибудь самолет ночью налетит на ваш корабль?

— У него, как и у всякого самолета, есть бортовые огни.

— Понятно — согласилась Аня.— Но ваш диск сам может налететь на какую-нибудь гору. Что тогда?

— И это невозможно, — оживился конструктор, — радиолокатор, установленный наверху корабля, словно матрос на вахте. Он дает знать автоматам, управляющим включением тех или иных труб реактивного мотора. Он предупреждает о препятствии, возникшем на пути Радиолуч отразится от горы и, попадая на приемник, установленный на диске, включит мотор Газы с огромной скоростью потекут сквозь нужную нам трубу. Диск просто свернет в сторону.

Конструктор с мягкой улыбкой взглянул на девушку и спросил:

— Теперь вам понятно, что человек там, наверху, совсем не нужен?

— Это верно, — с некоторым сомнением в голосе подтвердила Аня.— Но вот сейчас там что-то случилось, а вы...

Она не закончила своей фразы, чувствуя, что задела конструктора за живое. Поярков чуть вздрогнул, но сразу овладел собой.

— Да! — резко сказал он. — Я очень бы хотел быть там, наверху, и видеть все недостатки нашей конструкции. Тем более, что такой ни у кого и никогда еще не было. Но это первое испытание. — задумчиво продолжал он, словно успокаивая сам себя. — Скоро над нашей землей будут плавать десятки летающих лабораторий. И не нужны там люди. Понимаете, не нужны!..

Поярков встал и зашагал по комнате.

— Простите, пожалуйста, — сказал он, остановившись около Ани. — Может быть, вам скучно меня слушать, но мне интересно знать, как воспринимает конструкцию летающей лаборатории обыкновенный человек, не специалист, однако достаточно знакомый с техникой. Ну вот, скажем, вроде вас. Предположите, что нам нужно достигнуть пятидесяти километров высоты. Как это сделать? Каким способом?

— Стратостат? —. робко спросила Аня.

— Он должен быть управляем — это первое условие, затем абсолютно надежен — это второе... Кроме того, приборы Алексея Фомича требуют большой площади. Вы видели, что объективы расположены по всей окружности диска?

— Значит, ракетная установка нужна только для передвижения? — не отвечая на вопрос, поинтересовалась Аня.

— Да, это особенно важно на больших высотах. Там другие моторы не работают. И потом реактивный мотор позволит диску подниматься в очень разреженной атмосфере. Стратостат имеет свой потолок, это не ракета.

— А если бы там были люди?

— Зачем бесцельный риск? Я думаю, что космические лучи могут представлять собой серьезную преграду для смельчаков. Легкая воздушная лаборатория без ненужного груза, без людей сможет подняться на такую высоту, где не был ни один человек. Хладнокровно и точно ее приборы расскажут обо всем, что интересует человека в воздушном океане.

— Я читала, что наши советские стратонавты установили рекорд высоты. Поднялись на высоту в двадцать два километра и по несчастной случайности погибли...

— В то время я еще мальчиком был, — задумавшись, проговорил конструктор.—Я не мог этому поверить. Уж очень нелепой мне показалась смерть этих молодых ученых. Много дней я повторял фамилии: Федосеев, Васенко, Усыскин... Они похоронены в кремлевской стене.

— И если, — после долгого молчания продолжал инженер, — испытания будут удачными, почем знать, может быть, из этой конструкции выйдет что-нибудь другое, например, совершенно безопасный воздушный корабль. Он будет летать в стратосфере, где очень слабое встречное сопротивление воздуха. Он не сможет разбиться, потому что наш диск легче воздуха. Вы понимаете, Аня, — абсолютная безопасность. Только бы прошли эти испытания!..

В комнату вошел Борис Захарович. Он держал в руках очки и подслеповато озирался по сторонам. Сейчас его лицо казалось очень добродушным и совсем не похожим на лицо строгого начальника, которого так боялась Аня.

Наконец Дерябин надел очки и, увидев Пояркова, оживленно разговаривавшего с Аней, улыбнулся. Ему понравилось, что конструктор, несмотря на не совсем удачные испытания, держит себя с достоинством, спокойно и даже с видимым удовольствием беседует с девушкой.

— Аня, — обратился он к ней, — мне приснилось, что вы пропустили передачу.

Радистка вспыхнула и, взглянув на часы, пробормотала:

— Что вы, Борис Захарович!.. Разве я могу?..

По мере того как стрелка подвигалась к цифре «2», конструктора охватывало волнение. Наступал решающий момент. Вот еще несколько минут — и все выяснится. Неужели лаборатория не сможет подняться в стратосферу, не говоря уже о больших высотах?..

Зажужжали моторчики, поползли ленты, похожие на серпантин. Застучали ондуляторы.

— Сколько? — спросил Поярков у Ани, наклонившись всем корпусом над прибором.

Аня молчала, следя за прыгающим пером. Оно только начало отмечать высоту.

Томительной паузой между передачами поползла черная линия. Еще немного...

— Девять километров! — чуть не крикнула Аня и повернулась к Пояркову. — Скоро можно начать испытания по двенадцатому пункту.

Он облегченно вздохнул и опустился на стул.

— Температура? — быстро спросил Дерябин.

— Минус пятьдесят пять.

(Продолжение следует)

Б. НЕМЦОВ

Рис. К. Арцеулова

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ[1]

Молодые техники Багрецов и Бабкин, проверяя действие сконструированного ими прерывателя, никем незамеченные проникают в кабину летающей автоматической метеостанции. Неожиданно люки закрываются — станция отправляется в свободный полет. Во время своего невольного путешествия молодые техники узнают, что станция имеет форму диска и управляется с земли по радио. В пути Багрецов, выбравшийся на поверхность диска для исправления анализатора, выполнив работу, срывается и повисает в воздухе на тросе, которым он был подвязан. Затем, отцепившись, падает на землю. Ученые, руководящие полетом, удивлены тем, что анализатор, который они считали выбывшим из строя, вновь начал давать сигналы.

13. ТОЛЬКО ВВЕРХ!

Воздушный корабль стремительно поднимался ввысь. Продолжались испытания универсальной летающей лаборатории пока еще по одиннадцатому пункту программы.

Радиостанция регулярно передавала показания сложных приборов.

Приборы работали четко и бесперебойно, что вызывало некоторое беспокойство у инженера Дерябина. Он считал, что в первых испытаниях обязательно должны обнаружиться какие-нибудь недочеты. Разве все так сразу учтешь?

В кабине воздушной лаборатории отопления не было, пребывание в ней экипажа не предусматривалось. Правда, закрывалась она герметически, что было очень важно для многих находящихся в ней аппаратов. Поэтому можно было надеяться, что и человек, случайно оказавшийся в кабине, не будет испытывать неприятностей от изменения давления.

Общий объем дискообразной конструкции летающей лаборатории мог изменяться. Этим она несколько напоминала проекты цельнометаллических аппаратов Циолковского, где гофрированная оболочка должна была расшириться от внутреннего давления газа при уменьшении давления на высоте.

Но на какую высоту может подняться фантастический диск Пояркова? Выдержит ли его оболочка при большой разнице давления? Может быть, диск достигнет предельной высоты, и тогда...

...Бабкин почувствовал резкий поворот, затем стремительный подъем вверх.

В первые минуты Тимофей не мог понять, что же это с ним случилось? Неужели снова начала работать какая-то автоматика. Но странно, зачем понадобился этот крутой поворот?

— Димка! — закричал Тимофей, направляясь к люку.

Никакого ответа! Что за шутки? Где же Дим мог спрятаться?

Бабкин инстинктивно наклонился над люком. Но что это? Трос пропал!

Опустившись еще ниже, Бабкин увидел, что тонкая серебряная нить повисла, как паутинка, прижимаясь к корпусу диска.

Сомнений не было: Димка исчез.

Убегала земля, освещенная луной. Расплывались в тумане реки, словно наполненные сверкающей ртутью. Черные зубчатые тени гор постепенно теряли свои очертания.

Мелькнуло у самого люка серебристое облачко, похожее на елочную вату, осыпанную прозрачными блестками, и сразу стало темно.

Тим поежился от холода и, поднявшись вверх по лесенке, уселся около люка. Со стоическим спокойствием, которое, надо сказать, ему не очень легко давалось в этом положении, он думал обо всем происшедшем.

«Несомненно, Димка поступил правильно. Наверное, зацепился за какое-нибудь дерево на вершине горы и сумел в этот момент освободиться от троса. Молодец Димка, не растерялся! На самом деле, что нам здесь делать вдвоем? Правда, — тут же поправился Тим, — с ним как-то веселее... Что-то сейчас он делает? Удастся ли ему сегодня добраться до какого-нибудь селения? А может быть, с ним что-нибудь случилось, он разбился?..» Нет, Тим не мог допустить этой мысли!

Настало время передачи. «Удалось ли Димке исправить анализатор? — думал Тимофей. — На большой высоте его показания будут особенно важны».

«Так... Это влажность, направление ветра... Очень хорошо! Анализатор работает четко. Удивительный парень Димка! В таких условиях суметь исправить прибор! Это не каждый сможет...» — подумал Бабкин, вспомнив о своих колебаниях.

Холод, словно ледяная вода, медленно растекался по кабине. Тимофею казалось, что вода подобралась уже к нему и ползет тонкими струйками по гофрированному полу.

Надо закрыть люк.

Бабкин в последний раз посмотрел на землю, где уже чувствовалось приближение рассвета, и захлопнул крышку внешнего люка.

Воздушный корабль продолжал подниматься. Тимофей решил тщательно изолировать кабину, сохранив в ней нормальное давление. Он вытащил из кармана плоскогубцы и стал с большим трудом поворачивать болты на внутренней стороне крышки,

[1] Продолжение. См. «Вокруг света» №№ 1, 2, 3, 1949 г.

чтобы прижать ее к бортам люка. Это же он сделал и со второй крышкой.

Теперь Тимофей был относительно спокоен: давление в кабине нормальное. Воздуха, вероятно, тоже хватит, так как объем кабины достаточно велик.

«Впрочем, — невольно подумал он, — хватит, если, конечно, полет будет продолжаться не очень долго».

В летнем костюме Бабкину становилось холодно, однако он стоически выносил эту неприятность.

«Димка даже зимой иногда ходит без шапки...» — думал Тим, направляясь к радиостанции. «Без шапки, но не в одних носках», — поправил он себя, чувствуя обжигающий холод металла под ногами.

Подпрыгивая на ходу и ударяясь головой о потолок кабины, Тим добрался до радиостанции и постарался устроиться на краю каркаса, где стояли аккумуляторы.

Здесь ему казалось немного теплее, — не так чувствовался холод металла, тем более, что Тим сидел на ребре дюралюминиевой конструкции.

«Сколько может быть градусов сейчас в кабине? Определенно не меньше десяти градусов мороза. Это еще пустяки, выдержим», — думал он.

Бабкин хотел согреться резкими движениями, но его положение на тонкой жердочке было столь неустойчиво, что от этой попытки пришлось отказаться. Спрыгнуть на пол он не решался: чего доброго ноги примерзнут к полу.

Вот когда он по-настоящему пожалел о потерянных ботинках. И зачем он выбросил второй? Все-таки было бы легче. «Мог бы стоять, как аист, на одной ноге», — с усмешкой подумал Тим.

Он знал, что скоро в кабине станет еще холоднее. Мороз медленно будет сковывать движения, усыплять... Уже не захочется лишний раз растереть руки, пошевелить пальцами ног...

Сбросив с себя пиджак, он положил его под ноги и запрыгал на одном месте, размахивая руками.

«Сейчас я похож на Димку, — опять вспомнил он о товарище. — Он также размахивает руками, только бестолку».

Тимофей устал отогреваться. Он надел пиджак и снова забрался на свою алюминиевую жердочку.

Воздушный корабль поднимался все выше и выше. Бабкин догадывался об этом, но не хотел об этом думать.

Он беспокоился за судьбу Димки. Может быть, только сейчас Бабкин почувствовал, как он ему дорог... Решился вылезти из кабины: вот это настоящее мужество! Ведь даже он, Тимофей, долго колебался, чтобы решиться на это. И вот не успел...

Тим сейчас по-новому оценивал поступки своего товарища. Он совсем не похож на других. В нем есть что-то детское и вместе с тем большое и умное. При первой встрече никто не мог разобраться в его характере.

Димку надо хорошо знать...

Неужели он его больше никогда не увидит? Нет, этому нельзя поверить!

Стратостат поднимался все выше и выше...

Когда же закончатся эти тяжелые испытания?

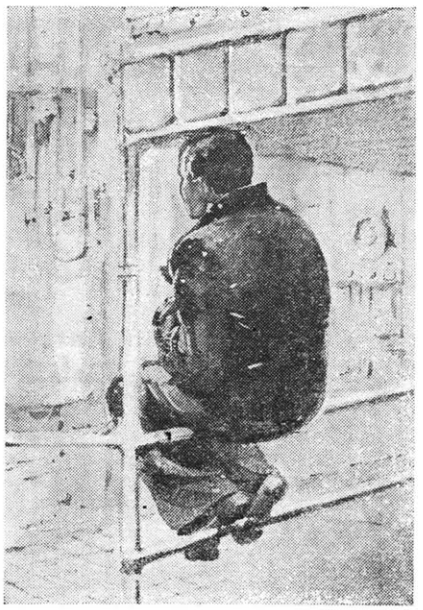
Приборы покрылись мелкой изморозью.

Советские люди! Инженеры, выдумавшие необыкновенный диск, скользящий в холодных просторах стратосферы! Вы радуетесь каждому метру завоеванной высоты. Вы испытываете приборы, созданные вашим талантом и упорством. Если бы вы знали, что вместе с созданными вами аппаратами там, наверху, далеко от теплой родной земли, испытывается воля и мужество человека!

Из скромности этот юноша даже самому себе не мог признаться в тайном стремлении подняться выше всех над землей, подняться на такую высоту, где никогда не бывал человек. «Чтобы ни один летчик мира, кроме, конечно, наших, советских, не смог бы никогда побить этот рекорд»,— так думал он.

Бабкин нащупал рукой приемник, нашел таким же способом наушники и надел их. Металлическое оголовье больно обожгло виски, словно мгновенно примерзло к коже.

Включив приемник, Бабкин стал



Он надел пиджак и снова забрался на свою алюминиевую жердочку.

терпеливо ждать начала передачи; он хотел быть уверенным, что радиостанция и приборы даже при этой низкой температуре работают нормально. Мало ли что может быть при первых испытаниях, а вдруг потребуется здесь что-нибудь исправить снова.

Он заметил, что на одном из приборов стеклянная трубка покрылась льдом. Надо записать!

Бабкин чувствовал, что у него постепенно отмерзают пальцы на ногах, они совсем занемели. Поджав колени к подбородку и взяв пальцы ног в ладони, Тим начал отчаянно их растирать. Сердце словно остановилось от холода.

В телефоне послышалось знакомое булькание сигналов. Радиостанция работает...

«Что она передает? Высота 7 500.. Давление 300... Какое низкое давление на этой высоте! А выше еще меньше... Если там открыть люки, то, наверное, я стал бы похожим на рыбу, вытащенную из глубины...»

Тим вспомнил картинку в учебнике, где была нарисована рыба с вылезающими из орбит глазами. Он невольно поежился. «Чепуха какая! И лезут же в голову такие дурацкие мысли!»

Температура 45 градусов. Хорошо, что воздух в кабине еще не совсем успел охладиться. Здесь все-таки теплее, чем снаружи. Тим помнит, что однажды в Москве мороз доходил до сорока градусов. Тогда было очень трудно дышать. А сейчас? Нет, зачем об этом думать!

Так шли минуты. Летающая лаборатория приближалась к невидимой границе стратосферы.

14. ВНИЗ ПО ГОРНОМУ СКЛОНУ

На освещенную луной поляну сквозь заросли ежевики пробирался шакал. Он был тощим, похожим на бездомную собаку, с выступающими, едва скрытыми облезшей шерстью ребрами. Шакал постарел, он уже с трудом добывал себе пищу и питался чем попало: лягушками, ящерицами, случайной падалью.

Он уже не прятался в кустах и, пренебрегая осторожностью, понурой рысцой домашнего пса бежал через поляну.

Перебежав на другую сторону освещенного пространства, шакал остановился, поднял голову и совсем по-собачьи завыл на луну.

Однако на этот раз не только луна могла обратить на себя внимание видавшего виды бродяги-шакала.

Тоже наверху, но уже совсем близко к земле, в темной листве дерева шакал заметил бледную человеческую руку, безжизненно опущенную вниз.

Шакал, видимо, не боялся людей. Возможно, что за всю его долгую жизнь они ничего ему не сделали плохого. Все-таки он решил подождать в тени, — может быть, этот человек сейчас спустится с дерева и пойдет своей дорогой.

Но человек не имел никакого намерения даже изменить свое положение.

Шакал подождал еще немного. Может быть, человек мертв?

Луна поднялась совсем высоко. Шакал зевнул, лениво вылизал свою облезшую шкуру и завыл. Это никчемное занятие вскоре стало и ему

самому противно. Через минуту он хрипло откашлялся и замолк.

...Как сквозь сон, слышал Дим завывание ветра. Неужели он еще висит на тросе? Нет, нет, он помнит, что спрыгнул вниз.

Но что с ним? Вадим провел рукой по лицу. Она стала мокрой, что-то липкое текло по шее, по лбу...

Темно. Вадим сделал попытку открыть глаза. Опять ничего не видно.

Страшная догадка мелькнула в сознании. Неужели он повредил глаза, упав на колючие ветви?.. О, какая мучительная боль!.. Он еще не мог понять, где эта боль — она растекалась по всему телу, — но мучительнее всего он чувствовал ее где-то на лице.

Он снова попытался приподнять веки, но их ресницы слиплись.

Дим в отчаянии чуть ли не руками разодрал веки, залитые запекшейся кровью, и прямо перед собой увидел блестевшие в лунном свете, словно вырезанные из жести, дрожащие листики.

Он взглянул на небо, туда, где скрылось яркое созвездие летающего диска. Он искал его среди мириадов ярких звезд. О, если бы хоть на мгновенье показались красные огоньки!..

Дим понимал, что летающая лаборатория, освободившись от ненужного балласта, может достигнуть стратосферы. Невольно ему представился блестящий диск с черными значками странных объективов, направленных вверх. Зачем они? Что ищут они в холодной пустыне? «Но как же с Тимкой? — снова подумал он о нем. — Потеряет сознание, замерзнет, и воздушный корабль будет долго носить его над землей...»

Надо бежать в селение, сказать, дать телеграмму, чтобы спустили вниз этот корабль... Бежать, пока не поздно.

Багрецов попробовал пошевелиться. Все тело болело, покрытое ссадинами. Острый сук прорвал пиджак и проходил где-то около ребра. В этом месте особенно чувствовалась боль.

С большим трудом отцепившись от веток, Вадим попробовал спуститься вниз. Кровь из рассеченного лба заливала ему глаза. Он ничего не видел и только инстинктом угадывал, куда поставить ногу. Перенеся тяжесть тела на левую ногу, он вдруг почувствовал такую острую боль, что у него помутилось в глазах.

«Неужели сломал? — пронеслось в мозгу. — Как же я смогу тогда предупредить?..»

Нога соскользнула с ветки, и Вадим сорвался вниз. Хорошо, что невысоко. Впрочем, он теперь мало считался с высотой. Ему и столетние деревья казались низенькими, почти карликовыми.

Дим привстал и, вытерев рукавом липкую кровь с бровей, огляделся по сторонам.

Горный склон. Трава, словно покрытая инеем. Совсем черные, остроконечные тени от деревьев, падающие на ярко освещенную поляну. Все это чем-то напоминало лунный пейзаж.

Все же, пересиливая боль, Вадим шел...

Багрецов попытался встать, но тут же вскрикнул от боли. Наступить на ногу невозможно. Подождать утра? Нет, нет... Будет поздно.

Выломав себе какую-то кривую палку, Дим попытался, опираясь на нее, пройти несколько шагов. Нога нестерпимо болела, она распухла и словно налилась свинцом.

Все же, пересиливая боль, Вадим шел, вернее ковылял, по освещенной поляне, поминутно отдыхая и набираясь сил.

Вот уже совсем близко черная тень леса. Вадиму очень не хотелось расставаться с приветливой поляной, где все видно, где все ясно. Что-то он встретит в лесу? Найдет ли дорогу? Сможет ли он выбраться из чащи?..

Вадим знал, что надо итти только вниз, в долину. Там он обязательно встретит людей. Но как бы не сбиться с пути? Склон может быть неровный, кое-где придется снова подниматься. Как он тогда определит нужное направление?

Багрецов услышал позади себя шорох, оглянулся и оторопел.

За ним осторожно крался какой-то зверь. Его тень была огромной, может быть, поэтому и сам зверь показался Диму тоже очень большим. Холод закрался в сердце.

«Может быть, это пантера?..» — неожиданно мелькнула мысль. Дим не так давно прочитал, что в Армении они иногда встречаются. А где он сейчас находится? Вполне возможно, что и в Армении...

В эту минуту Вадим неожиданно для самого себя пожалел, что он сейчас не на тросе. Там было, пожалуй, безопаснее.

Длинная тень зверя не шелохнется. Чего он выжидает?

Позабыв о больной ноге, Вадим бросился на зверя, высоко подняв над головой суковатую палку. Пособачьи поджав хвост, шакал с жалобным визгом метнулся в кусты.

Дим опустил палку и, опираясь на нее, быстро заковылял к деревьям.

Новое испытание встает перед ним. Как тяжело найти в себе мужество, чтобы заставить замолчать боль, боль в ноге, во всем теле. Не чувствовать или, вернее, заставить себя не чувствовать, как теплые струйки крови текут из рассеченного лба, как постепенно становится мокрой рубашка, прилипая к ране у ребра.

Нет, он так не дойдет. А нужно скорее, скорее, чтобы предупредить людей на полигоне: «Довольно! Кончайте испытания. Там, наверху, — человек!»

Багрецов сел на траву, сбросил пиджак, разорвал рубашку и непослушными пальцами стал перевязывать рану на боку. Повязка съезжала, свертывалась жгутом. Слезы выступали из глаз от боли... Ну вот, как-нибудь.

Он перевязал лоб и, вытерев остатками рубашки слезы и кровь на лице, поднялся и, отдыхая у каждого дерева, продолжал свой путь.

Сквозь черную узорчатую листву пробивался лунный свет. Его косые лучи, похожие на светящиеся стеклянные трубки, упирались в землю и словно преграждали дорогу.

Полузакрыв глаза, Дим, как лунатик, спускался вниз по склону. Он спотыкался, падал и, поднявшись, смотрел на спокойное небо, снова пытаясь отыскать улетевшие звезды. «Где сейчас Тим?»

Колючий кустарник до крови исцарапал ему ноги. Добравшись до дерева, он повисал на нем всем телом, чтобы только не опуститься на землю. Этого Дим больше всего боялся. Тогда уже не подняться.

Наступало утро. В просветах деревьев кусочки неба казались бледно-лиловыми чернильными кляксами. Скрылась луна, и лес потерял всю свою таинственность.

Черные узловатые стволы бука и

ореха вставали сплошной стеной. Багрецов уже не чувствовал под ногами пологого склона. Направление потеряно. Так Дим никогда не сможет спуститься в долину.

От потери крови и от голода кружилась голова. Дим споткнулся и свалился на землю. Пытаясь подняться, он скользнул по короткой траве руками, но зацепиться было не за что.

Что-то мягкое и влажное попало между пальцами. Дим поднес руку к лицу и сразу почувствовал характерный запах кизиловой раздавленной ягоды. Видимо, она сохранилась здесь еще с прошлой осени. Поискав немного, он нашел еще несколько ягод, которые с жадностью съел. Кровь на губах смешалась с кисловатой мякотью кизила.

Небо заметно светлело. Оно уже стало слегка розоватым, словно тоже окрасилось кизиловым соком.

Опять итти... Дим поднялся и, наклонившись всем телом, ринулся сквозь кустарник. Он ничего не видел. Он чувствовал, как острые колючки впиваются в его тело, как тянутся за ним, словно зубастые змеи, цепкие плети ежевики. Они останавливают его, обвивают ноги, тянут назад...

Вадим перочинным ножом разрезает запутавшиеся плети и снова идет.

Вся его одежда разорвана в клочья, в ней застряли сотни колючек. Длинные иглы терновника, как гвоздями, раздирают тело.

Неужели нехватит сил?.. Только бы не упасть!.. Не упасть!..

— Тим, а Тим, — шептал он искусанными до боли губами, словно стараясь найти в себе мужество дойти до конца ради его спасения. Он чувствовал, что Тимофею сейчас еще тяжелее. Где он? Какую тысячу метров проходит сквозь облака освободившийся от груза воздушный корабль?

Вадиму уже кажется, что он слышит откуда-то сверху, из далеких межзвездных пространств, голос друга: «Дим, а Дим!.. Здесь холод и черное небо... Я не вижу земли...»

Дим снова рванулся вперед, но вдруг оступился и покатился вниз по крутому склону.

15. «ТАМ ХОЛОД И ЧЕРНОЕ НЕБО»

Летающий диск уже поднялся на высоту в шестнадцать тысяч метров.

В полу кабины осветился застекленный люк. Утро вползало сквозь него вкрадчиво и незаметно. Заблестел иней на стенках и приборах. Кабели, подходящие к радиостанции, стали белыми, похожими на обындевелые ветки.

Тим отогревал дыханием замерзшие пальцы. Он уже не может ничего записать.

«Может быть, довольно. Пора закончить испытания», — мелькнула спасительная мысль. Стоит только отключить все приборы, тогда обязательно лабораторию спустят вниз. Надо скорее, скорее, пока еще не погасло сознание.

Нет, лаборатория, наверное, еще не достигла предельной высоты. Испытания должны продолжаться!..

Бабкин вскочил на ноги. Стараясь делать как можно больше движений, он бил себя до боли по груди, по ногам. Все, что угодно, только бы не поддаться холоду.

«Пора!.. Пора закончить этот страшный полет»,—сверлило в мозгу.

Рука уже протягивалась к приборам. Вот здесь надо отсоединить питающие проводя. Все сразу выключится. Приемное устройство (оно работает от других аккумуляторов) получит приказание с земли, щелкнет реле, управляющее объемом стратостата. Диск сделается плоским и, как парашют, начнет опускаться вниз. Постепенно станет теплеть, потечет по стенкам весенняя капель, растает иней... И вот уже настоящая земная весна горячим ветром ворвется в люк...

А потом в кабину войдет инженер Дерябин. Он сначала, конечно, удивится, затем проверит выключенные приборы и укоризненно посмотрит на Бабкина. Больше ничего не скажет. Испытания сорвались...

Окоченевшая рука, протянутая к кабелю питания, бессильно падает вниз. Тимофей не может прекратить испытания.

Хотелось спать... Спать, только спать!.. Бабкин уже не чувствовал ощущения голода. Он взглянул на хитроумные приборы. Почему на трубках лед? Надо все это записать. Пальцы уже не держат карандаш. Тим вытащил из кармана два куска проволоки, присоединил их к аккумулятору и зачищенными концами проводов дотронулся с двух сторон до сердцевины карандаша.

Тим сразу почувствовал, как быстро нагревается карандаш. Он держал его в руках, словно миниатюрную грелку, и с волнением ощущал живительное тепло в окоченевших пальцах.

Через несколько минут Тим взял тетрадь Багрецова и стал записывать свои наблюдения. «Что с Димкой сейчас?..» — подумал Тимофей, отложив в сторону горячий карандаш.

Ему мучительно хотелось услышать голос своего друга. Пусть говорит, что хочет... Тим никогда не улыбнется, он никогда не станет ему противоречить. Он со всем будет соглашаться.

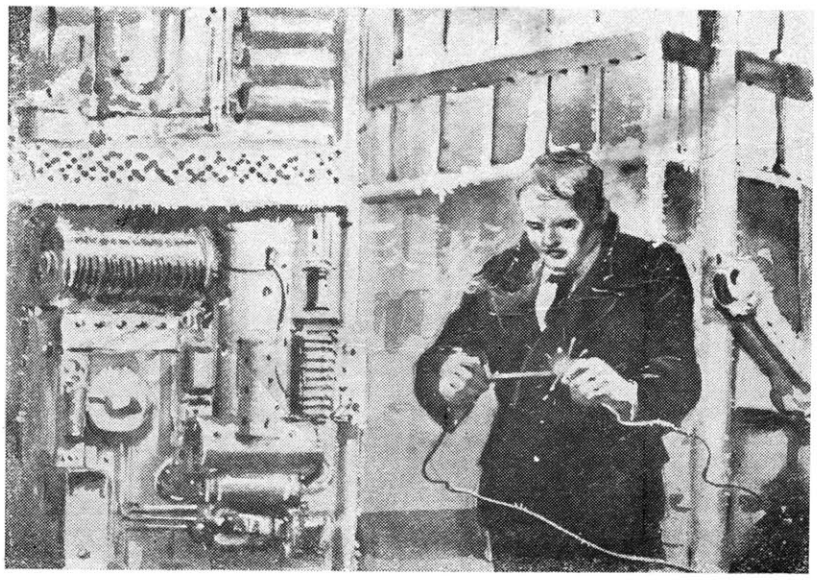
Бабкин развернул дневник на пятой странице.

«Я снова думаю о тебе, мой далекий друг, — читал Бабкин, вспоминая о наивной Димкиной мечте. — Я знаю, что ты благороден и умен,— писал Дим.—Наши люди, воспитанные страной, отдали тебе все самое лучшее, что накопили в себе за долгие годы великих работ и великой войны за счастье человека. Ты никогда не знал и не будешь знать того, что знали твои сверстники в страшные годы войны. Тебе не приходилось спать, свернувшись у станка и дрожа от холода. Тебе не приходилось ходить в разведку в кубанских плавнях по пояс в воде. Ты не знал и не узнаешь лишений и голода.

Совсем немного из всего этого я видел в детстве. А твое детство пройдет без тени. Тебе почти перестанут встречаться даже мелкие неприятности.

Но сможешь и ты, если это потребуется, быть хорошим солдатом и в палящий зной и в морозную ночь часами итти, не думая об усталости! Признаюсь, мой друг, мне страшно сейчас смотреть вниз. Я боюсь, что на мою долю выпадут еще более тяжелые испытания. Хватит ли у меня мужества, чтобы вынести их?

Я верю в тебя, мой далекий сверстник. Я знаю, что спорт закалит твое тело, ты будешь вынослив и здоров. И, самое главное, ты с детства должен быть приучен к тому, чтобы уметь побороть в себе страх. Мне это очень трудно было до сегодняшней



...Зачищенными концами проводов дотронулся до сердцевины карандаша.

ночи... Я не знаю, я не уверен, но мне кажется, что летающая лаборатория в основном построена для изучения космических лучей.

Как много еще нужно сделать! И даже мне, простому технику, которому еще много надо учиться, кажется смешным истошный крик заокеанских дельцов. Они сделали атомную бомбу, страшное оружие войны, и доказывают, что этим они открыли тайну атома. Будто отныне для них нет преград в использовании атомной энергии. Жалкие хвастуны! Мальчику известно, что в их атомной бомбе не используется и тысячная доля энергии ядер урана.

Не страшные призраки атомных бомб встают перед нами, когда мы строим лаборатории. Мы видим страну изобилия... И, может быть, тяжелый труд шахтера и нефтяника скоро станет достоянием истории. Люди избавятся от жестоких болезней (я слышал, что продукты ядерного распада излечивают рак). Я думаю, что и работать тогда придется людям не больше двух часов в сутки при такой дешевой энергии...

Впрочем, если бы эту тетрадь увидел Бабкин, он бы опять сказал, что я просто мечтатель. Нет! Я уверен, что так и будет...»

Тимофей в волнении закрыл дневник. «Так вот он какой, Димка!.. Но что это он тут пишет о космических лучах? Неужели он прав?»

силы, скрепляющие атомное ядро. Но как?..

...Бабкин снова и снова, нагревая карандаш, прикладывал его к ногам, но тепла от него было очень мало. Тогда Тим решился на другое. Он знал, что аккумуляторы соединены группами. Если отсоединить часть из них, то работа радиостанции и приборов не нарушится. Уменьшится только число часов работы всех установок. На это можно согласиться.

Тимофей взял несколько аккумуляторов, соединенных последовательно, и замкнул их на двухвольтовую банку.

От усиленной зарядки аккумулятор начал нагреваться, кипеть. Теперь уже можно было прикладывать руки к большей площади нагревающегося предмета. Это не карандаш.

Бабкину казалось, что даже в кабине стало теплее. Но это было только предположение. Горячий аккумулятор не мог обогреть кабину. Сквозь окружающий ее газ в кабину проникал мертвящий холод стратосферы.

Приложив руку к горячим стенкам банки, Тимофей сидел неподвижно. Ему казалось, что по всему телу разливалась приятная теплота. Но ощущение это было обманчиво: так чувствует себя замерзающий человек.

Тим приоткрыл глаза и взглянул в люк. Сквозь толстое стекло, слегка запорошенное инеем, виднелось ослепительно белое море облаков. Радужная тень дирижабля скользила над ним.

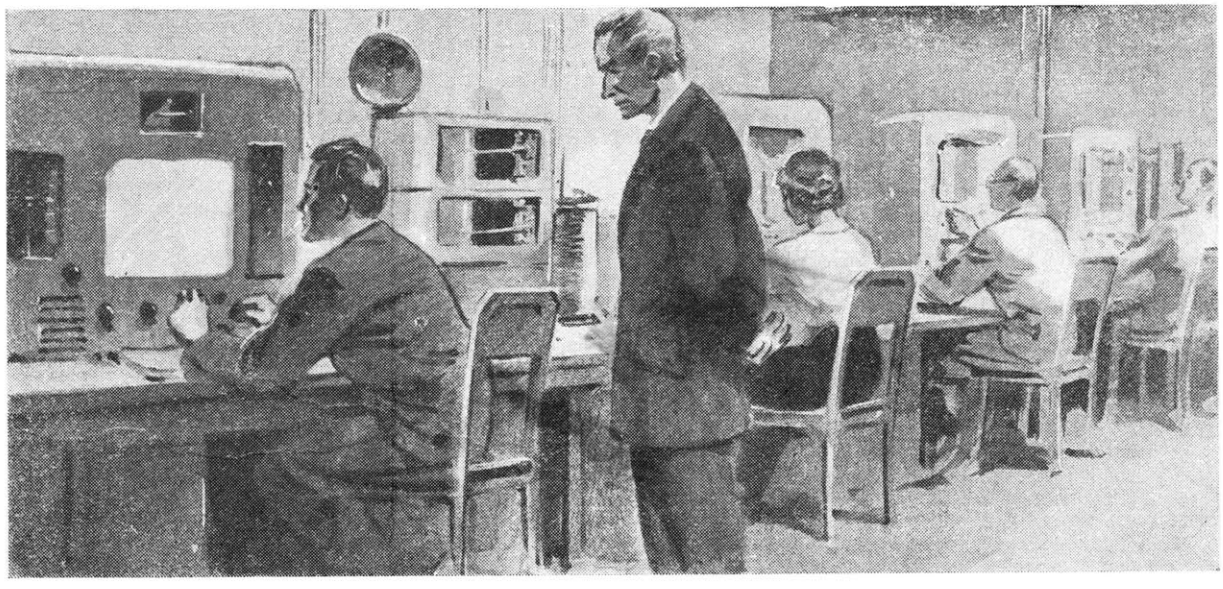
лопнула стеклянная трубка. Прозрачная жидкость тонкой струйкой вытекала из нее. Еще минута, и прибор уже не будет работать. Значит, там, на земле, никто не услышит его сигналов?

...Окоченевшими пальцами Тим пытался закрыть трещину, но пальцы ему не повиновались. Казалось, еще немного, еще одно усилие, и лопнет кожа на ладонях. Пытаясь отогреть руки, Бабкин дышал на них. Ему было далеко до аккумулятора. Растирая руки спиртом, вытекающим из трубки, он снова зажимал трещину в стекле.

Уже ни одна капля спирта не сочилась из-под его пальцев. Они мертвой хваткой застыли на трубке прибора и, может быть, никогда не разожмутся...

Если бы знал профессор Демидов, изобретатель новых аппаратов для измерения интенсивности космических лучей, что сейчас успех его изобретения находится буквально в руках молодого техника, который до этого никогда не видел подобных приборов, то вряд ли он мог бы этому поверить.

Аппараты его были расположены по окружности гигантской летающей лаборатории. Все они были связаны централизованным управлением с радиостанцией, находящейся посредине диска. Тонкие трубки подавали в камеры пары спирта. (Именно одна из этих трубок и лопнула.)



...Через плечо техника взглядывал на светящийся экран...

Бабкин думал, что аппараты для подсчета интенсивности космических лучей обычно ставят на гору. Разве он мог предполагать, что можно сделать легкие аппараты и поднять их в воздух на летающем диске? Он слышал о космических лучах, блуждающих в мировых пространствах. Ученые говорят, что изучение этих частиц поможет раскрыть таинственные

Ничто не интересовало Бабкина. Он задыхался.

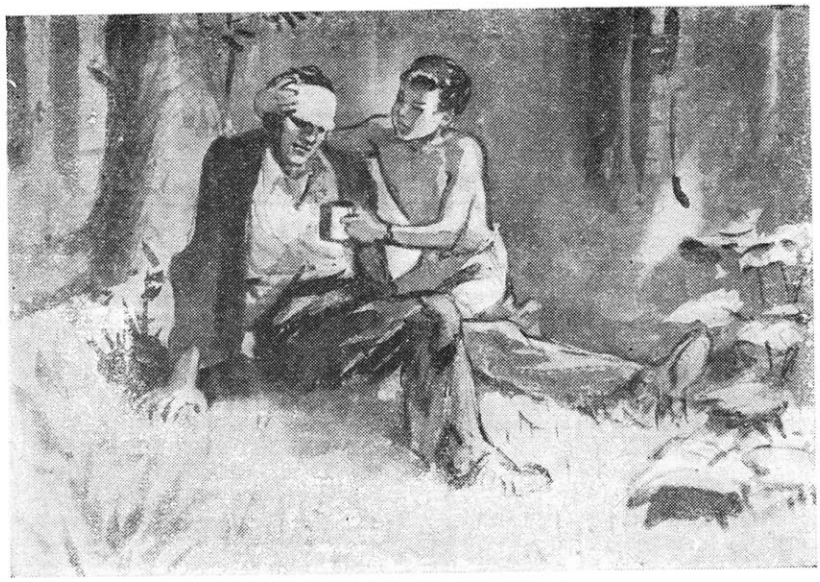
Послышался легкий треск на щите у приборов. Тимофей встрепенулся. Что там могло случиться?

Еле передвигая ногами, он приблизился к щиту и стал осматривать приборы. Неужели какой-нибудь из них испортился?

Так и есть! У одного аппарата

Профессору Демидову удалось создать камеры с очень концентрированным магнитным полем, что сильно снизило их вес.

В каждой из них были заложены свинцовые пластины разной толщины. Внизу — там, на земле, — на специальных экранах лаборанты определяли степень проницаемости космических лучей сквозь эти преграды.



Мальчуган поднес ему ко рту кружку.

Камеры Демидова намного превосходили по своим качествам известные ученым счетчики космических частиц. Они позволяли вести подробные наблюдения и анализировать свойства космических лучей. Видные специалисты предполагали, что это изобретение поможет разгадать многие тайны, связанные с данной областью науки.

Бабкин ничего этого не знал. Сейчас просто испортился один из приборов. Бабкину все равно, он так же зажимал бы трещину в банке аккумулятора, если бы она случайно появилась.

Уж если он здесь, то все приборы должны работать.

«Надо заметить, на какой высоте лопнула трубка, — думал Тим. — Внизу инженеры разберутся, отчего это случилось, то ли от разности давлений, то ли от мороза...»

Почти теряя сознание, он стоял, подняв руку к щиту, и считал минуты, сколько времени может выдержать, скоро ли прекратится эта мучительная пытка.

Нет, так нельзя! Капли, словно слезы на стволе березы, катились по стеклу.

Тим сунул руку в карман. «Чем бы стянуть трубку крепко-накрепко?» Ничего в кармане нет... Вот только палочка постоянного конденсатора от прибора. Бабкин взглянул на нее и заметил, что она залита с двух сторон какой-то массой. Надо расплавить ее.

Взяв аккумулятор, Тим пропустил ток по проводу, обмотанному вокруг конденсатора. Разогретая масса потекла по картонной трубке. Теперь залить стекло! Скорее, пока не застыла расплавленная смесь!.. Ну, кажется, течь меньше. Надо крепко замотать бумагой.

Бабкин вырвал лист из Димкиной тетради. «Школа мужества», — прочел он на листке и туго обмотал им стеклянную трубку прибора.

Пропитав бумагу жидкой массой, он взглянул на исправленный прибор. Уже ни одна капля спирта не сочилась сквозь надежный пластырь.

Тимофей с облегчением вздохнул и посмотрел в люк.

Он не мог определить, на какой высоте сейчас находится летающая лаборатория, но то, что он увидел внизу, показалось ему невозможным.

Погода была на редкость ясна. Каспийское море блестело, словно отлитое из серебра, со всеми своими заливами. Рядом вырисовывалось Черное море.

Крымский полуостров казался не больше пятачка... Словно нитки елочной канители были видны Волга, Дон, Днепр. Их истоки терялись в лиловой мгле.

Отсюда, с этой высоты, Бабкину казалось, что видит он в радиусе примерно до двух тысяч километров. Огромные черные пятна лежали на земле. Это тени от облаков. Сейчас в Ростовской области пасмурная погода. Такая же и около Батуми.

Бабкин не мог оторвать глаз от люка. Ему невольно казалось, что сейчас на этой «карте» он найдет и границы родной страны. Надо проверить, на какой высоте он сейчас находится. Он взял наушники, надел их и подумал, что вот уже, наверное, целых полчаса летающая лаборатория находится на одной высоте. Бабкин не замечал, чтобы она поднималась. Не потолок ли это для нее?..

Что-то завизжало внизу, прямо под люком. Чудовищная сила прижала Бабкина к полу, и он почувствовал стремительный полет вверх.

16. РЕШАЮЩИЕ МИНУТЫ

Впервые в истории изучения космических лучей проводились столь сложные опыты с десятками приборов, поднятых на недосягаемую до сего времени высоту.

Комплексные установки, находящиеся в летающей лаборатории, должны были передавать по радио исчерпывающие данные, по которым можно было бы определить природу космических частиц, стремящихся долететь до Земли. Эти невидимые частицы обладают огромной энергией, во много раз более сильной, чем «гамма-лучи», полученные в лабораториях на Земле. Некоторые ученые предполагают, что эти таинственные первичные частицы, летящие к нам из далеких глубин вселенной, не доходят до нас потому, что теряют свою энергию на создание известных исследователям других частиц — мезотронов.

Подобные превращения получаются при столкновении космических лучей с атомными ядрами воздуха.

Этот вопрос, так же как и ряд других, должен был проверить профессор Демидов при помощи летающей лаборатории.

В лаборатории на вершине горы Алагез советскими учеными вот уже много лет подряд проводятся работы по изучению космических лучей. Накоплен большой научный материал. И не случайно поэтому профессор Демидов решил поднять изобретенные им аппараты в ионосферу именно на Кавказе, чтобы продолжить опыты своих предшественников, изучая космические лучи уже на других высотах.

Он предполагал проверить действие космических лучей на ряде веществ. Специальные приборы с различными веществами были расположены по окружности диска рядом с камерами.

Внизу, на десятках светящихся экранов и лентах записывающих приборов, регистрировались даже самые незначительные изменения вещества. Известно, что под сильным воздействием энергии, способной разрушить ядра отдельных атомов, можно превратить один элемент в другой: например, металл литий в газ гелий.

Способны ли на такие чудеса космические лучи?

Демидов тихо, стараясь не мешать операторам, ходил вдоль столов, заставленных аппаратурой. Около каждого прибора он останавливался и через плечо техника взглядывал на светящийся экран или медленно вращающийся барабан записывающего устройства.

На экранах вспыхивали голубые звездочки; они катились, словно по ночному небу, и гасли где-то внизу (около ручек настройки и фокусировки, если описывать это явление достаточно точно).

Невидимые и таинственные частицы материи попадали в объективы камер летающей лаборатории и, проходя через приборы, превращались в простые радиоимпульсы. Они мчались вниз, в этот зал, чтобы блеснуть на экране печальным или радостным вестником гибнущего или рождающегося мира. Мира далекого, может быть, отстоящего от Земли на расстоянии миллионов световых лет.

Юноши и девушки сосредоточенно, деловито записывали в разграфленные листки все, что они видели на экранах.

Потоки ливней голубыми нитями

прочерчивали тускло светившиеся синие прямоугольники под затемняющими козырьками. Словно брызгами холодной фосфоресцирующей жидкости иногда заливался весь экран. Может быть, в этот момент гибли там, в высоте, новые порции ядер воздуха.

Наконец-то начались основные испытания. Профессор Демидов готовился к ним три долгих, томительных года. Ему казалось, что никакая летающая конструкция не сможет поднять весь комплекс приборов, необходимых для всестороннего изучения вопросов, которым профессор отдал полжизни.

И вот час тому назад, когда летающий диск достиг своего потолка, настали решающие минуты. Нужно было включить реактивный мотор, расположенный внизу, в центре диска.

Теперь, уже не расходуя горючего на преодоление сопротивления воздуха, летающая лаборатория должна была подняться за пределы стратосферы.

Это был волнующий момент.

Дерябин вышел в соседнюю комнату, где находилась радиостанция. Оттуда он включит мотор.

Тишина. Все взгляды были устремлены на барабан, где перышко, как казалось всем, еле-еле вытягивало прямую линию высоты.

Демидов хорошо помнит эту минуту.

Перышко вздрогнуло и поползло вверх.

— Тридцать пять километров! — почему-то сразу охрипшим голосом проговорила девушка, следившая за высотомером.

Потом профессор опять говорил по телефону: его спрашивала Москва о том, как проходят испытания. Он сказал, что пока все благополучно. Ему нужно, чтобы летающая лаборатория поднялась выше ста километров.

Демидов вспомнил, что в этот момент он неожиданно подумал о том, что скоро люди будут устанавливать рекорды высоты где-либо у границ ионосферы... Выше аэронавтам будет труднее забраться. Кто знает, как будет чувствовать себя человек в мощном потоке лучей из далеких миров...

17. ДРУГ ИЗ ДАЛЕКИХ ЛЕТ

— Дяденька, а дяденька! — как сквозь сон услышал Дим тонкий мальчишеский голос. — Чего это с вами?..

В тот же момент Дим почувствовал, как холодная вода полилась ему в горло.

Он закашлялся и открыл глаза.

Перед ним на корточках сидел черноглазый мальчуган и держал в руке жестяную кружку. С деловитым любопытством и сочувствием он смотрел на израненного человека, неизвестно откуда появившегося в этих краях.

Дим почувствовал на лбу мокрую тряпку, приятно успокаивающую боль. Мальчуган приподнял голову Дима и, придерживая той же рукой тряпку, поднес ему ко рту кружку.

Сделав несколько глотков, Дим пришел в себя и с удивлением поднял глаза. Ему улыбался мальчуган — босоногий, в одних трусах, черный от загара, как негритенок. Даже вьющиеся волосы мальчика подчеркивали его сходство с негритенком. На вид ему можно было дать лет десять.

Он взглянул в кружку, выплеснул оттуда остатки воды и побежал к высокому обрывистому склону. Там, взяв кружку в зубы, мальчуган полез вверх, цепляясь за выступающие корни деревьев и пучки травы. Иногда он повисал на одной руке и, поворачиваясь всем телом к Диму, смотрел на него озабоченно и строго.

Обратно спускаться было труднее. Мальчик прежде всего боялся расплескать воду, поэтому ему пришлось балансировать на двадцатиметровой высоте, пользуясь при спуске только одной рукой и цепкими ногами.

Наконец он спрыгнул на траву, ухитрившись не пролить из кружки ни одной капли воды.

Подпрыгивая на ходу, довольный самим собой, а главное—«дяденькой», которому, видимо, стало лучше, так как он сейчас приподнялся на локте и вполне осмысленным взглядом смотрит на него, мальчик прибежал к Багрецову и хотел было снять с него пиджак, чтобы промыть рану на боку, которую он уже успел заметить.

— Спасибо, — остановил его Дим, пытаясь сесть. — Далеко здесь до деревни?

— Колхоза, — поправил его мальчуган. — Вы не дойдете, через гору надо.

— А ты скоро добежишь? — спросил Дим, смотря на поднимающееся солнце.

— Двадцать пять минут, — четко и важно ответил парнишка, взглянув себе на руку. Тут только Дим заметил, что его новый товарищ, кроме трусиков, носил еще и часы. Это было так необычно и трогательно, что Дим невольно улыбнулся.

Мальчик, заметив, что тот смотрит на его часы, восторженно сказал:

— Колхоз подарил.

— За что?

— Да так, — видимо, смутился мальчуган: — волка прогнал...

Багрецов подумал, что, пожалуй за такого парнишку нечего беспокоиться: он по праву займет свое место в будущем.

— Послушай, мальчик, — схватил его за руку Дим. — Беги скорее в свой колхоз. Там есть телефон?

— Конечно, есть, — с гордостью ответил тот. — Нам нельзя без телефона.

— Скажи, чтобы вызвали междугороднюю. Киев... номер... Да тебе негде записать...

— Зачем писать? Запомню.

— Нет, нет, — обеспокоился Дим, шаря по карманам. — Тут нельзя ошибиться. Человек погибнет.

Записной книжки в кармане не оказалось. Вадим вытащил ручку. Мальчик смущенно взглянул на свои запачканные смолой ладони.

— На, пиши, — сказал он, выставляя вперед грудь. — Только крупнее.

Багрецов начертил на его теле номер и рассказал мальчику о себе и о том, что нужно передать Дерябину или Ане. Пока Дим говорил, мальчуган дрожал от нетерпения: он чувствовал, что сейчас от него требуют самое важное, с чем он никогда не встречался в жизни.

Он хотел было бежать, но вдруг остановился.

— Подождите, я перетащу вас в тень, — сказал он, силясь приподнять Вадима за плечи. — Здесь будет очень жарко.

Багрецов приподнялся сам и тут же чуть не упал.

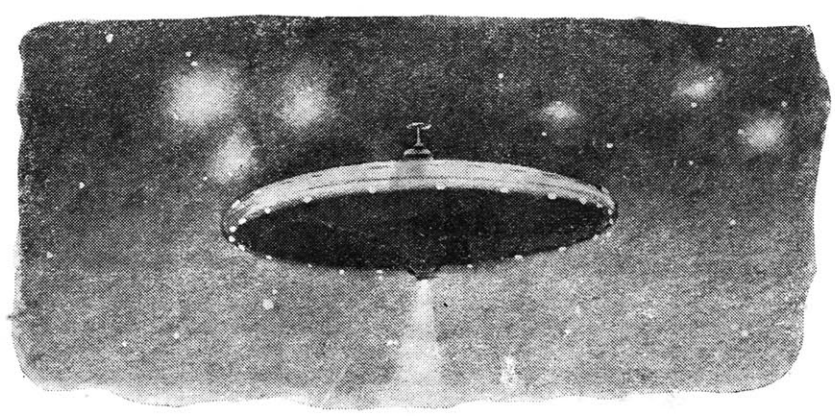
— Держитесь за мое плечо, — сказал мальчик. — Ничего, не бойтесь, теперь не упадете. А если кто раньше меня придет, — деловито заметил он, — скажите им, чтобы тащили прямо в дом Карповых.

— Куда, куда? — в волнении спросил Дим.

— Я говорю — Карповых. Ко мне, значит, к Юрке. Мы с матерью одни здесь остались. Как приехали во время войны, так и живем.

Вадим опирался на худенькое детское плечо и чувствовал, что этот, пока еще маленький, советский человек по праву может быть тем другом из далеких лет, другом, которого выдумал он, Багрецов...

(Окончание следует)



ВЛ. НЕМЦОВ

Рис. К. Арцеулова

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ [1]

Молодые техники Багрецов и Бабкин, проверяя действие сконструированного ими прерывателя, никем не замеченные проникают в кабину летающей автоматической метеостанции. Неожиданно люки закрываются — станция отправляется в свободный полет. Во время своего невольного путешествия комсомольцы узнают, что станция имеет форму диска и управляется с земли по радио. В пути Багрецов, выбравшийся на поверхность диска для исправления анализатора, выполнив работу, срывается и повисает в воздухе на тросе, которым он был подвязан. Затем, отцепившись, падает на землю. Ученые, руководящие полетом, удивлены тем, что анализатор, который они считали выбывшим из строя, вновь начал давать сигналы.

Испытания проходят успешно. Летающий диск должен подняться за пределы тропосферы. Мальчик Юра Карпов из ближайшего колхоза находит Багрецова и помогает ему добраться до села. Бабкин остается в диске один.

18. ЖАР И ХОЛОД

Бабкин понял, что летающий диск поднимается вверх. Технику казалось, что все его тело стало тяжелым, словно чугунным. В первый момент он не мог даже поднять руку, оторвать ногу от пола, такой невероятной показалась ему собственная тяжесть.

Понемногу он стал привыкать к этому ощущению. Наклонившись над зеркальным люком, он увидел, что земля подернулась синим туманом и только два серебряных моря, словно налитые ртутью, просвечивали сквозь синеву.

Тимофей взглянул на часы. Сейчас должна быть передача... Надев наушники, он прислушался. Странные и непонятные голоса пищали в телефоне. Видимо, передавался какой-то очень сложный комплекс сигналов.

Сквозь эти пискливые голоса он слышал треск включаемых и выключаемых реле, гудение моторов...

Тимофей отер пот с лица. Что такое? Почему ему стало жарко?

Он осмотрелся. По стенам кабины текли тонкие струйки: растаял иней. Через несколько минут струйки исчезли и обратились в пар.

Было жарко, душно, как в бане. Бабкину показалось, что это мотор нагрел так кабину, но он сразу отказался от этого предположения, так как кабина со всех сторон нагревалась равномерно.

Может быть, снаружи горит тепловая изоляция? Нет, здесь не может быть горения. Диск поднялся высоко, где, наверное, уже нет кислорода.

Техник рванулся к двери, ведущей в коридор. Оттуда на него пахнуло раскаленным воздухом. Может быть, там горит?

Бабкин вспомнил о пожаре стратостата. Там люди выбросились с парашютами. А он? Что может сделать он?..

Техник захлопнул дверь и припал к горячему стеклу. Земля далеко... До нее, быть может, сорок, пятьдесят километров...

Он чувствовал, будто трещат волосы, лопается кожа на лице, глаза покрываются твердой скорлупой и не могут уже смотреть.

Но почему, почему стекло такое горячее, что до него нельзя дотронуться? Ведь стекло не должно нагреваться. Там, за этой прозрачной перегородкой, — мороз!

Жара все усиливалась. Казалось, что стенки кабины стали красными, раскаленными, словно за ними бушевало невидимое пламя.

* * *

В правлении колхоза дежурил Горобец. Он составлял отчет о своей командировке. Завтра он навсегда покинет эти гостеприимные места и — почем знать? — может быть, иногда будет скучать по этим горным склонам, каких нет у него на Черниговщине.

— Скорее, товарищ Горобец, вызывайте Киев! — еще в дверях крикнул Юрка. Он прислонился у притолоки, задыхаясь от быстрого бега, беззвучно показывал себе на грудь, стараясь привлечь внимание Миколы.

— Вот скаженный! — усмехнулся тот: — Кричит, як с неба свалился.

— Да не я... Дяденька упал.

— Откуда?

— Да вы же сами сказали, — досадуя на непонятливость Миколы, разозлился Юрка. — С неба!

Подробно объяснять было некогда. Мальчик наскоро рассказал то, что ему передал Багрецов.

Горобец почувствовал, что сейчас все зависит от того, как скоро он сможет все это сообщить в Киев. Надо было сначала связаться по местному телефону с районным центром, затем уже вызывать столицу Украины.

Линия была занята. Напрасно Горобец требовал разговор-«молнию». Такой практики на местной линии не существовало.

---

[1] Окончание. См. журнал «Вокруг света» №№ 1, 2, 3 и 4 за 1949 г.

Но вот, наконец, его соединили с институтом. День сегодня праздничный, впрочем, ничего, дежурный должен быть на месте. Опять не везет! Дежурного вызвали к начальнику. Горобец долго ждал, теребя шнур у трубки.

— Мне нужно товарища Дерябина!— закричал он, услышав голос дежурного.

— Он очень занят и не может подойти к телефону.

— Тогда... радистку Аню.

— То же самое. Прошу вас позвонить попозже.

— Не могу, — заволновался Микола: — Мне они нужны очень срочно.

— А кто это говорит?

— Горобец... Тут, понимаете ли...

Нет, ничего дальше не мог сказать Микола. В телефоне что-то затрещало и равнодушный голос телефонистки прервал разговор, так как время истекло.

— Товарищ Горобец, — тронул его за рукав огорченный посланец — мне тот дяденька сказал, что эти люди обязательно должны чего-то сделать.

— Тоже дежурного посадили, холера ему в бок! Поучився бы здесь, який должен быть дежурный...

И Микола с остервенением стал снова крутить ручку телефона.

* * *

В кабине летающей метеостанции, на горячем металлическом полу, лежал техник лаборатории № 9 Тимофей Бабкин.

Как вытащенная из воды рыба, он широко раскрытым ртом жадно глотал воздух и смотрел на ребристый потолок, где дрожал синий отблеск то ли далекой земли, то ли облаков.

Жара постепенно спадала. Стенки кабины остывали, и Бабкин чувствовал, что и раскаленная плита под ним (таким казался ему пол кабины) тоже стала холоднее. Тимофей привстал и, цепляясь за ребра каркаса, пододвинулся к приборам.

Он стал придирчиво осматривать стеклянные трубки, не лопнула ли какая из них? Нет, как будто все в порядке. Только вот заклеенная им трубка слегка пропускает жидкость. Надо исправить. Он еще раз туго обернул ее пропитанной в масле от конденсатора бумагой и стал осматривать аккумуляторы. Удивительно, как это они не испортились от жары?

Но откуда появилась такая дьявольская температура? Надо записать. Он раскрыл Димкину тетрадь и, взглянув на часы, стал записывать. Мало ли что с ним может случиться на этой чортовой высоте. Так никто и не узнает, что за странные явления происходили в летающей лаборатории.

Мучительно хотелось пить, трудно было пошевелить языком, словно горячий песок наполнил весь рот. Он проник в горло. Тяжело дышать.

Тимофей закрыл глаза и снова увидел Димку... Он размахивал руками и что-то беззвучно говорил...

Знакомое с детства жужжание послышалось над самым ухом. Оно каким-то чудом прорвалось сквозь яростное шипение и вой реактивных моторов.

Бабкин машинально взмахнул рукой, и на тетрадь упала пчела — обыкновенная пчела с желтым полосатым брюшком. Неуклюже перебирая лапками, она торопливо поползла по исписанной странице.

Напрасно Горобец требовал разговор-«молнию»...

Видимо, эта неожиданная гостья земли выдержала мороз, спрятавшись где-либо у теплого работающего мотора метеостанции.

Техник с тайной радостью следил за пчелой. Он не был сентиментален, но это живое существо, так же случайно, как и он, Бабкин, оказавшееся в ионосфере, почему-то растрогало его.

Он смотрел на ее трепещущие слюдяные крылышки, на мохнатые лапки и боялся пошевельнуться, чтобы не спугнуть пчелу.

Бабкин невольно подумал, что, собственно говоря, и он сам похож на нее. Он так же беспомощен здесь, на высоте. Он ничего не может сделать, даже если эта дискообразная ракета помчится навстречу холоду космических пространств. Навстречу смерти...

Тим вспомнил, что прерыватель, который он монтировал, испытывался в термокамере при особых условиях, при температуре минус сто пятьдесят градусов! Он еще тогда удивился этому, но только сейчас понял, зачем это было нужно. Правда, кабина, видимо, сделана с тепловой изоляцией, а также окружена газом, но насколько всего этого достаточно, чтобы защитить живое существо от холода в двести семьдесят градусов?

Бабкин вздрогнул и поежился. Действительно, что-то стало холодно. Он взглянул на зеркальный люк и увидел, что стекло снова покрылось инеем.

Осторожно опустив тетрадь с ползавшей по ней пчелой на пол, Тимофей подвинулся к окну и стал слизывать освежающую снежную пыль.

* * *

Дискообразная ракета вертикально поднималась вверх со скоростью пассажирского самолета Ей не нужно было мчаться, обгоняя звук. Неторопливо и методично она несла свои многочисленные приборы сначала сквозь плотный воздух тропосферы, затем миновала слой озона, спокойно прошла сквозь невидимый ионизированный слой «Д», являющийся надежной преградой для длинных радиоволн, и теперь подбиралась к слою «Е».

Наша атмосфера — словно слоеный пирог; причем только нижние его слои — тоненькая корочка (если придерживаться сравнения с пирогом) — более или менее исследованы, все остальные пока еще темны и загадочны. Поэтому произвести своеобразный «разрез атмосферы» при помощи ракеты с приборами было очень полезно для исследования «темных слоев».

Ракета, в которой сейчас находился техник Бабкин, точно сообщала на землю все особенности неисследованных слоев. Инженер Дерябин предполагал, что эти данные, полученные только за одни сутки испытаний летающего диска, могут составить целый том. Ничего похожего не было в истории исследований воздушного океана.

Может быть, только сейчас Бабкин вполне ясно осознал, что представляют собой испытания, невольным свидетелем которых он стал.

...Как в сказке, где от волшебного слова мгновенно наступает весна, так и сейчас в обледеневшей кабине снова настала даже не весна, а жаркое лето.

Недоверчивый и рассудительный Бабкин меньше всего этого ожидал. Он не верил в сказки. С презрительной усмешкой он смотрел, как на пушистом инее, покрывавшем окно, в самом центре его, показались тонкие светлые прожилки, затем, постепенно расширяясь, они стали ручейками и разбежались в стороны.

Выпуклое стекло очищалось от снега, как пригорок под весенним солнцем.

Стало тепло. Исчез мороз космических пространств, о котором только что думал Тимофей. Он не мог поверить в эти чудеса. Он знал, что ракета не опускается, она летит вверх.

Нагнувшись над мокрым стеклом, Бабкин увидел землю.

В первый момент он даже не понял, что там, внизу... То ли облака, то ли горы? Да, конечно, облака. Но как они далеко!.. Повернув голову вправо, Тимофей, наконец, заметил, что у самой кромки облаков выступает земля. Именно «выступает» потому что она действительно кругла. Может быть, только начиная с этой

высоты, земля кажется шарообразной. Ее край пропадает в лиловой глубине... Да, таким здесь кажется горизонт. И невольно возникает странная мысль: «Может быть, это и есть «край земли»?..» Шагнешь, оступишься — и полетишь в космос.

Бабкину опять стало холодно. Но это было только нервное ощущение. В кабину снова возвращались тропики. Они властно заполнили ее всю, высушили и подогрели воздух. Пчела, словно ожила от зимней спячки и, взлетев с тетради, ударилась о стекло. Внизу, в сотне километров от этого круглого окна, распускались под солнцем медвяные цветы.

Лютый мороз — и тропическая жара! Холод — и опять нестерпимый зной!... Тяжелый и нелепый сон! Бабкин не понимал, что с ним происходит.

Вдруг в стеклянных трубках, идущих к приборам, на потолке появилось фиолетовое сияние. Яркозеленым светом вспыхнули толстостенные колбы с жидкостями. В колбе у самого потолка задрожал переливающийся всеми цветами радуги огонек.

Бабкин в первый момент растерялся; он подумал, что сейчас может быть взрыв. Но это скверное ощущение быстро прошло, и, собравшись с мыслями, он решил отметить все эти непонятные явления в тетради.

Скрупулезно и точно Бабкин записывал время продолжительность свечения и характер реакции. Он был уверен, что все это нужно.

Бабкин взглянул на окно. По стеклу металась пчела.

Неожиданно карандаш выпал у него из рук, в глазах помутилось, он едва не упал с перекладины аккумуляторного каркаса, где он сидел.

Нет, это ничего... Жара, наверное, так действует.

Однако новые страшные и непонятные ощущения заставили Бабкина собрать все свои силы, чтобы не потерять сознания.

Ему казалось, что сверху на него льется расплавленный металл. Обжигающие струи огненными змеями поползли по телу.

Страшная догадка мелькнула у Бабкина: «Не космические ли лучи?» Они, как бумагу, пронизали своими смертоносными иглами металлический каркас кабины.

От них никуда не денешься. Ни мороз, ни зной не остановили бы Бабкина: он все испытал, он все перенес, чтобы только не помешать этому небывалому полету. Но что же делать сейчас? Остановить?

Но как? Где находятся реле, выключающие моторы, он не знает.

Выключить питание? Невозможно. Замрут все аппараты, и тогда, наверное, прекратятся все начавшиеся реакции.

Нет, все это не спасет его. Стоит только выключить мотор, и вся лаборатория ринется вниз, уже ничем не удерживаемая в разреженной атмосфере. Где-нибудь у земли она ударится о плотный воздух и разобьется.

Надо лететь вверх, навстречу смертельным лучам!

Бабкин бессильно сполз на пол, к люку. На стекле лежала застывшая пчела.

Ракета продолжала свой полет.

* * *

Дежурный по сельсовету Микола Горобец, наконец, снова дозвонился до дежурного по научно-исследовательскому институту.

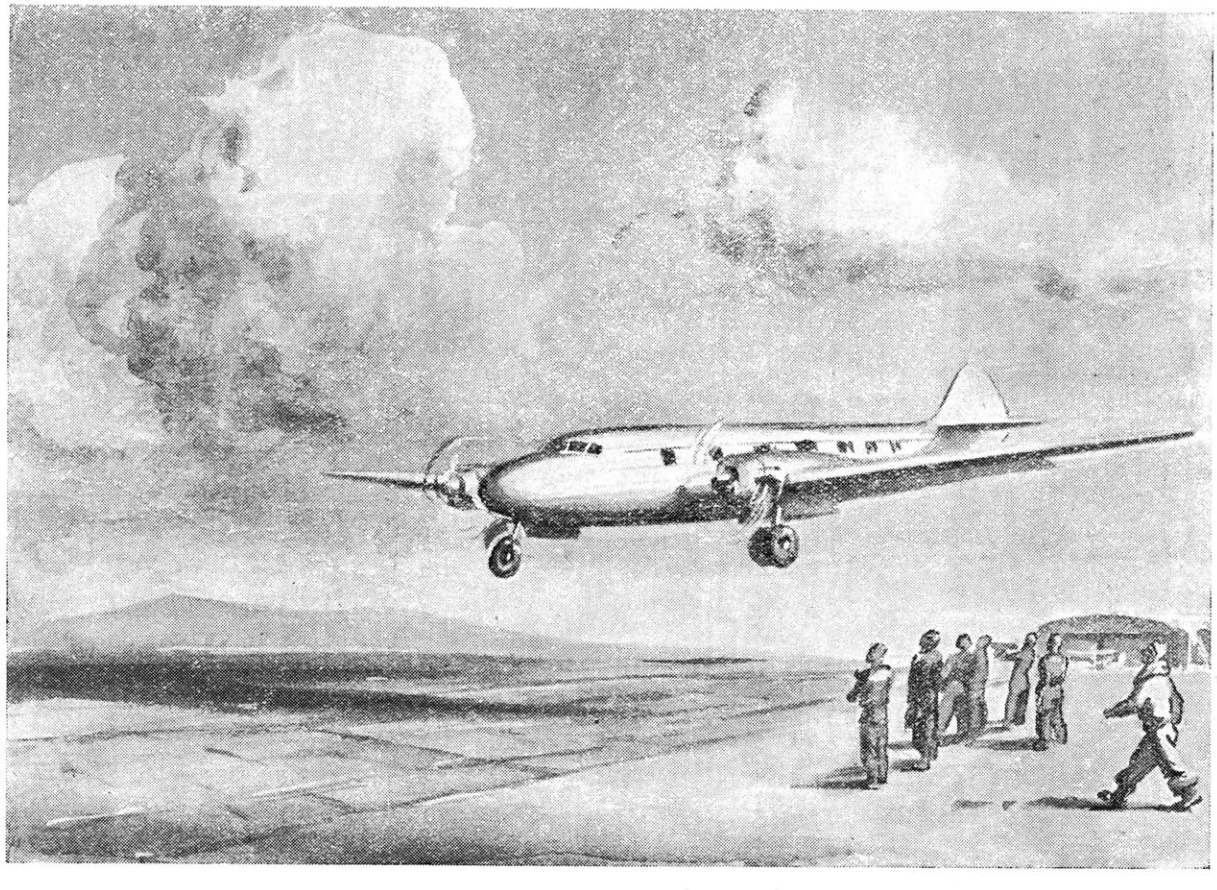
Тот ему сообщил, что он и сейчас не может подозвать к телефону ни инженера Дерябина, ни его помощницу.

— Почему? — опешил Горобец. — Опять заняты. Но мне...

— Они выехали в командировку, — спокойно сообщил дежурный.

19. ИСПЫТАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

На маленький аэродром летного училища, расположенного в нескольких десятках километров от колхоза, где дежурил Горобец, садился большой транспортный самолет.



На аэродром летного училища садился большой самолет.

Учлеты выбежали из помещения и с недоумением смотрели на странного гостя. Что с ним случилось? Может быть, вынужденная посадка?

Однако, как потом стало известно, начальник школы еще рано утром получил радиограмму, где его предупреждали о прибытии на аэродром самолета со специальным заданием.

Вот самолет уже на земле. Винты лениво вычерчивают в воздухе блестящие полосы и останавливаются.

Учлеты спешат к двери кабины. Оттуда вылезает трубчатая лесенка, и по ней спускается строгая на вид девушка. Она сурово окидывает взглядом улыбающихся юношей в летных комбинезонах, и те мгновенно становятся серьезными.

Видимо, эта пассажирка имеет самое непосредственное отношение к специальному заданию.

Несомненно, ребята были правы, Аня играла немаловажную роль в заключительном этапе испытаний.

Из кабины вышли конструктор Поярков, инженер Дерябин и профессор Демидов. За ними постепенно выходили и другие сотрудники института, принимающие участие в испытаниях летающей лаборатории.

Основные исследования были закончены, и теперь, уже на месте посадки лаборатории, оставалось повторить лишь некоторые пункты обширной программы испытаний.

Демидов сразу же отошел в сторону и, стараясь скрыть непонятное для его друзей волнение, углубился в записи последнего часа испытаний.

— Ничего, аэродром подходящий,— радостно проговорил Поярков, осматриваясь по сторонам. — Главное, защищен от ветра. Я думаю, что сегодня к вечеру мы спокойненько спустим диск, можно сказать, прямо на мачту радиостанции.

— Надо сначала ее поставить, — заметил Дерябин. — И потом я не думаю, чтобы Алексей Фомич стал особенно торопиться с этим делом. Он хотел еще проверить температурную кривую на больших высотах, а затем уже при спуске вновь зафиксировать ее. Правда, — инженер понизил голос, — это для него не главное. Вы заметили, как он был взволнован перед отлетом сюда. Редко я таким видел Алексея Фомича... Что касается меня, то я бы тоже еще раз посмотрел своими глазами на вновь записанную на ленте температуру в стратосфере и ионосфере. К погоде это имеет прямое отношение. Впрочем, — усмехнулся он, — может быть, после всех этих испытаний у вас есть какие-нибудь сомнения в надежности конструкции при длительном подъеме?

— Да нет, что вы!.. — смущенно заметил конструктор. — Теперь я уже ни в чем не сомневаюсь. Кстати, существование теплых поясов в стратосфере сравнительно недавно опровергалось видными специалистами. Они не предполагали, что в стратосфере такое большое количество озона, особенно поглощающего тепловые лучи.

— Однако это пока еще только предположение, что от нагревания озона солнечными лучами и образуется тепловой пояс в стратосфере, — возразил Дерябин. — Ничего, батенька, расшифруем все записи и тогда проверим, — улыбнулся он. — Хорошо, что анализатор воздуха снова начал работать на большой высоте. При обработке записей узнаем, сколько озона в тепловом поясе. Все это для предсказания погоды тоже очень важно.

— Вы знаете, Борис Захарович, — задумавшись, проговорил конструктор, — я никогда не предполагал, что в стратосфере еще столько неизвестного. Мы действительно обнаружили выше тридцати пяти километров начало первого теплового пояса. К пятидесяти километрам его температура достигает семидесяти пяти градусов. Кто бы мог раньше думать, что там, наверху, жарче, чем в Африке! А потом опять холод, и снова около восьмидесяти километров высоты, начинается второй тепловой пояс. О нем мы почти ничего не знаем. Говорят, что там происходят очень сложные физические процессы... Ультрафиолетовые лучи солнца разрушают молекулы воздуха. На этой высоте они сталкиваются с атмосферой... — Поярков, прищурившись, взглянул на инженера и со вздохом добавил: — Сколько тайн и загадок! А что делается еще выше — трудно даже предположить.

— Надо строить новую летающую лабораторию, — с улыбкой заметил Дерябин, — тогда не будет никаких тайн. Я думаю, — он взглянул поверх очков на молодого конструктора, — вы и это сделаете... Какой-нибудь диск, чтобы запустить его вверх километров этак... на тысячу...

— Нет, — не сразу отозвался инженер, — диск нужен для универсальной лаборатории, рассчитанной на длительные наблюдения. А туда, — он взглянул в синее бездонное небо, — мы пошлем просто ракету с приборами и парашютом.

Техники, прибывшие в самолете, быстро стали выгружать тяжелые ящики. Они перетаскивали их поближе к краю аэродрома и там ставили вплотную один к другому.

Заблестела на солнце кольцеобразная антенна, поднятая на высокой мачте.

Аня открыла один из ящиков и вытащила оттуда приемник. Все подбежали к ней.

— Итак, мы слушали передачу час тому назад, — сказал Дерябин. — Где это было, Аня? Не помните?

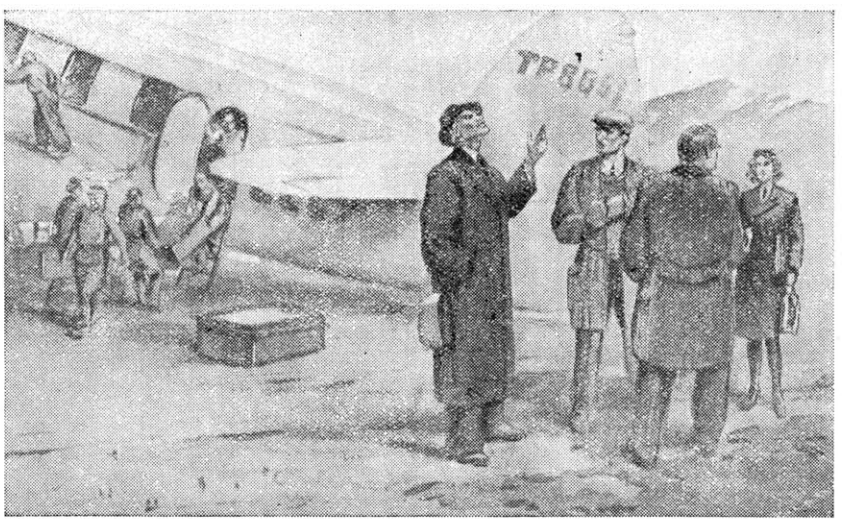
— По-моему, в районе озера Севан.

Профессор Демидов что-то высчитывал у себя в блокноте. Он жмурился, почесывал за ухом карандашом, лихорадочно перебирал листки, делал какие-то отметки. Затем он в волнении закрывал блокнот и шагал, заложив руки за спину, среди суетившихся техников. Профессор то не обращал на них никакого внимания, то вдруг останавливался перед одним из них и долго смотрел в лицо, словно пытаясь прочесть ответ на мучивший его вопрос. Наконец он отошел от радиостанции и зашагал по взлетной дорожке. Борис Захарович с тревогой посмотрел ему вслед.

— Вы товарищ Дерябин? — спросил инженера невысокий паренек, только что вышедший из помещения аэродромной радиостанции. Он протягивал ему листок бумаги.

— Быстро! — с некоторым удивлением проговорил Борис Захарович и взял листок радиограммы. Он прочел его несколько раз, затем задумался и пожал плечами.

Придется показать эту телеграмму Алексею Фомичу. Но если бы кто-нибудь знал, как это ему неприятно! Из-за каких-то нелепых предположений он, Дерябин, должен огорчать профессора. Вот он идет к нему на-



— Как бы я хотел быть наверху, чтобы своими глазами посмотреть на многие, пока еще неясные для меня явления.

встречу. Как четки и уверенны его шаги!..

Демидов еще ничего не говорил о результатах испытаний, но Борис Захарович знал, что в таких испытаниях сразу ничего нельзя определить: на все нужно время.

Алексей Фомич остановился в двух шагах от Дерябина и молча смотрел на него, словно что-то взвешивая. Наконец, вздохнув, он тихо проговорил:

— Или это действительно так, или ... я ничего не понимаю.

Демидов взял инженера под руку и, осторожно шагая по блестящей дороге, глухо и медленно ронял слова:

— То, что я узнал сейчас об интенсивности лучей, опровергает наши самые смелые предположения. На земле ни в одной лаборатории пока еще нельзя получить столь сильного радиоактивного излучения. На высоте в полтораста километров, где космические лучи не задерживаются атмосферой, в моих уловителях под действием этих лучей и других дополнительных факторов я обнаружил превращение вещества...

— Значит, насколько я понимаю, при этом освобождалась атомная энергия, — взволнованно перебил его Дерябин. — Так ведь этого не наблюдали пока еще ни в одной лаборатории мира?

— Не знаю, — сухо заметил Демидов. — Но во всяком случае, три часа тому назад это явление зарегистрировано приборами летающей лаборатории. Правда, пока только в одной установке.

Борис Захарович молчал, он не мог не оценить всей важности сообщения Демидова. Инженер знал, что до сих пор была использована атомная энергия лишь малоустойчивых радиоактивных элементов, вроде урана, а сейчас... Да ведь об этом можно было только мечтать!.. «Однако, — подумал Дерябин, — эта энергия получена на высоте в полтораста километров. Ее невозможно спустить на землю».

— То, что я вам сейчас сообщил,— прервал его мысли профессор, — только начало нашей большой работы. Подробный анализ всех материалов, полученных при сегодняшних испытаниях, позволит нам достаточно полно изучить действие космических лучей. Я думаю, однако, что эту вечную, неиссякаемую энергию мы тоже когда-нибудь используем.— Демидов остановился, недовольно взглянул вверх и добавил: — К сожалению, приборы не смогли передать на землю всего, что нужно. Как бы я хотел быть наверху, чтобы своими глазами посмотреть на многие пока еще неясные для меня явления. Одновременно с дополнительной проверкой температурной кривой мы снова повторим некоторые опыты уже на высоте в двести километров.

Дерябин вынул было телеграмму из кармана, затем снова спрятал ее.

Молча дошли до радиостанции.

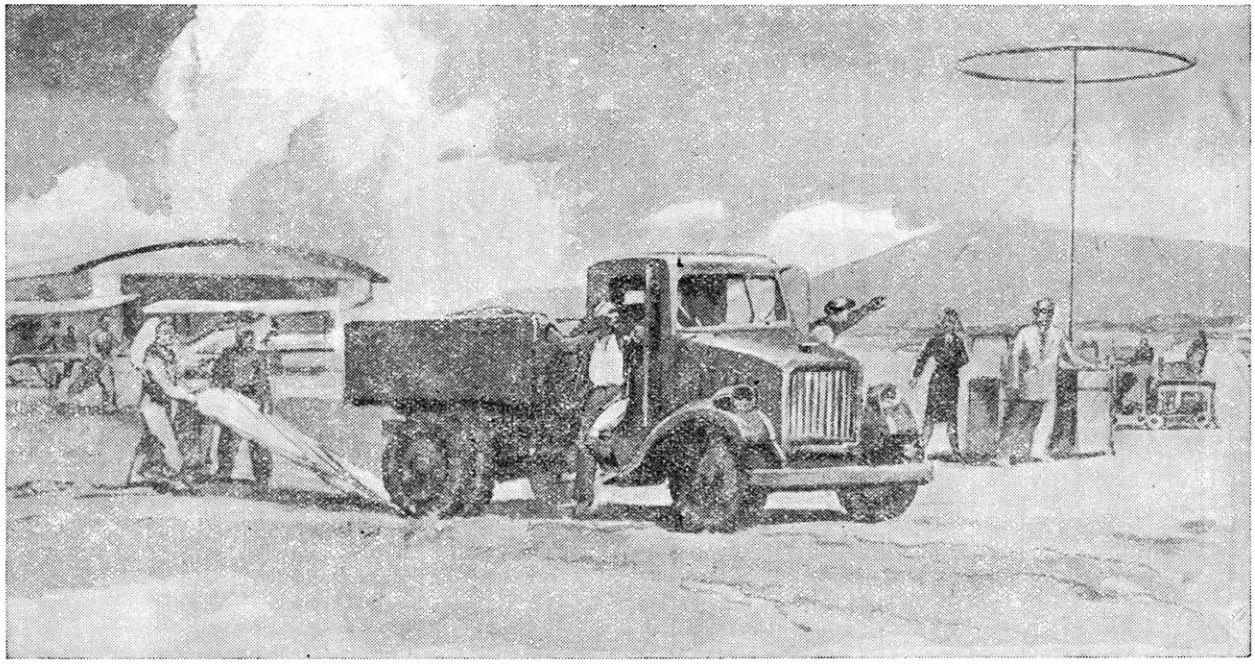
— Алексей Фомич, — наконец решился спросить его инженер. — Вам обязательно сейчас нужно повторить испытания или можно отложить это дело до завтра?

Дерябину очень неудобно было об этом спрашивать.

— Почему? — вмешался подошедший Поярков. — Почему бы нам сегодня не продолжить испытаний? Горючего в баллонах хватит даже при подъеме до трехсот километров. Кстати, вы же сами, Борис Захарович, интересовались температурной кривой.

— Правильно, но вот... — Инженер, видимо, не хотел говорить о причинах, побудивших его не производить дополнительных испытаний.

— Аня, — позвал он.



Одновременно открылись в кабине обе дверцы, и оттуда выскочили шофер и Багрецов.

Девушка быстро подбежала к инженеру и остановилась, молча ожидая, что он ей скажет.

— Простите, Алексей Фомич, — обратился к Демидову инженер. — Я должен тут кое-что выяснить.

Обернувшись к радистке, он спросил:

— Вы твердо уверены, что ботинки, найденные около полигона, вы видели на одном из техников, прибывших из Москвы?

— Я уже говорила об этом.

Демидов с удивлением прислушивался к разговору.

Борис Захарович со вздохом вынул радиограмму:

— Я, право, не знаю, как поступить, Алексей Фомич. Непредвиденное осложнение. По моему заданию в институте расследовали все, связанное с исчезновением техников. Сейчас вот в этой радиограмме сообщается, что ботинки могли быть сброшены откуда-то сверху, так как поблизости никаких следов не найдено. Кроме того, установлено, что техники не только не прибыли на аэродром, откуда они должны были лететь в Москву, но не появлялись и на вокзале...

— Они там, — прошептала Аня, взглянув вверх.

— Чепуха, девушка! — возразил конструктор. — С таким грузом наша лаборатория вряд ли смогла бы подняться до расчетной высоты.

Дерябин взглянул на солнце, клонившееся к западу, на пухлые облака, удобно разлегшиеся на вершине горы, и со вздохом проговорил, обращаясь к Пояркову:

— А может быть, они были в лаборатории? — Он подчеркнул слово «были».

— Ну что вы, Борис Захарович! — возразил конструктор. — Я никак не могу предположить, что случайные пассажиры выпрыгнули из кабины. Парашютов там не было.

— Но куда же тогда делись эти молодцы? — раздраженно спросил инженер.

Аня ничего не сказала. В глубине души она подозревала, что исчезновение молодых техников было связано с испытаниями летающей лаборатории. Но как это доказать? Нельзя же, на самом деле, спустить лабораторию на землю только затем, чтобы убедиться, что там никого нет.

Профессор Демидов выслушал все доводы и решительно проговорил:

— Придется на этом закончить испытания. Я не могу позволить себе продолжать их, если есть подозрения, что в кабине остались люди. Почему вы мне об этом раньше ничего не сказали? — с укоризной обратился он к Дерябину.

— Я и сейчас в это не верю, — ответил тот. — Может быть, все-таки продолжим испытания? — с надеждой спросил он у Демидова.

— Нет, Борис Захарович, — сурово сказал профессор. — Нам очень дорога наука, но если уж у нас появились сомнения, что там, наверху, люди, то... вывод ясен... Люди нам, конечно, дороже.

— Вы правы, Алексей Фомич, — слегка наклонив голову, сказал конструктор.

...По зеленому полю аэродрома мчалась грузовая машина. Она пересекла выложенное в форме «Т» сигнальное полотнище и потащила его за собой.

Напрасно дежурный стартер, размахивая флажком и что-то крича, бежал к ней навстречу. Напрасно учлеты старались ее остановить, догоняя и почти цепляясь за тянущееся вслед за машиной полотно. Машина, словно обезумев, летела к радиостанции.

Вот-вот еще немного, и она снесет все на своем пути...

Аня стояла около приемников и, широко расставив руки, словно загораживала собой свои аппараты.

Машина круто развернулась, на мгновенье наклонившись левым бортом в сторону радиостанции, и затормозила.

Одновременно в кабине открылись обе дверцы и оттуда выскочили шофер и Багрецов. На лбу юноши резко выделялось белое пятно повязки.

Вадим бросился к Дерябину и, не в силах произнести ни слова, поднял руку к небу. Техника обступили со всех сторон. Справившись с волнением, он, наконец, рассказал о человеке, оставшемся в летающей лаборатории.

— Пустить движок! — приказал инженер.

Сразу наступила тишина, затем послышался вздох двигателя, набиравшего в себя воздух, две-три вспышки в цилиндрах, и равномерный рокот четко работающего мотора пронесся над полем аэродрома.

Дерябин размеренным шагом подошел к пульту управления радиостанции и замер в ожидании. Через минуту он снова должен будет включить установку для управления летающей лабораторией с земли.

Аня, которой сейчас уже нечего было делать, так как она дежурила только на приемном устройстве, быстро подбежала к Багрецову и заботливым движением поправила у него сползавший со лба бинт.

Дим отвернулся, но Аня все же заметила слезы, блестевшие на его глазах. Аня поняла, что это не было слабостью, что этот мальчик, так много испытавший за прошедшие два дня, стал совсем другим, выпив первый глоток из великой чаши мужества.

20. ВЫШЕ РЕКОРДОВ!

Инженер Дерябин стоял у пульта управления. Внешне он был спокоен, но только внешне! Он чувствовал, что именно сейчас начинаются настоящие испытания, от которых зависит не только судьба талантливой конструкции молодого инженера Пояркова и драгоценных приборов Алексея Фомича, не только судьба изобретений самого Дерябина, которым он отдал всю свою жизнь, работая над телемеханическим управлением разными машинами. От удачной посадки летающего диска зависит жизнь человека, случайно оказавшегося в его кабине.

При таких испытаниях нельзя быть спокойным, но — надо... Малейшая ошибка, неправильно нажатая на пульте кнопка, поворот рычага не в ту сторону — все может привести к катастрофе.

Замелькали цветные лампочки. Это были сигналы приборов, готовых принимать команды.

Вращающееся зеркало радиолокатора указывает почти на зенит. Там находится стратосферная лаборатория. Ее силуэт виден на светящемся экране, расположенном около щита управления.

Черный круг словно повис в жемчужном небе мерцающего экрана.

Дерябин нажал красную кнопку на пульте. Вспыхнула над ней сигнальная лампочка, показывая, что там, наверху, приборами-автоматами принята команда с земли. Темный кружок на экране медленно пополз вниз. По приказу человека, находящегося на земле, движущиеся рычаги уменьшили объем диска, сдавили в нем газ, и летающая лаборатория пошла на снижение.

Радиолокатор не выпускал металлический диск из поля своего зрения, его силуэт все время был виден на экране.

— Двадцать тысяч метров, — сказал Дерябин через некоторое время, посмотрев на сетку экрана, где можно было определить расстояние до снижающегося диска.

Профессор Демидов и конструктор молча стояли около пульта.

За все время спуска диска никто не произнес ни слова. Лицо инженера, стоящего у пульта, было покрыто потом. Он не мог оторвать рук от кнопок управления, чтобы вынуть из кармана платок.

В ярком синем небе показалась серебряная точка. Она была еще высоко и совсем не над головой, как раньше указывало зеркало локатора. Сейчас невидимый радиолуч встречал снижающийся корабль с востока. Дерябин медленно повернул блестящий штурвал и одновременно нажал еще одну кнопку включения реактивного мотора.

Было видно, как серебряная точка стала постепенно расти. Инженер управлял летающим диском, попеременно включая то одно, то другое сопло его мотора, стараясь самым коротким путем привести корабль на аэродром.

Заметно снижаясь, диск шел по заданному курсу.

...Сравнительно небольшой металлический диск, похожий по форме на коробку барометра, словно отдыхая, лежал на зеленой траве, поблескивая своими гофрированными плоскостями.

Еще не успел растаять лед около нижнего люка. И странной казалась эта стеклянная корка под горячим солнцем, там, где некуда было спрятаться от жары.

Наконец крышку люка открыли. Ее приподняли внутрь, и профессор Демидов вместе с Борисом Захаровичем и врачом молча вошли в кабину. Багрецов хотел было броситься за ними, но Аня осторожно отвела его в сторону.

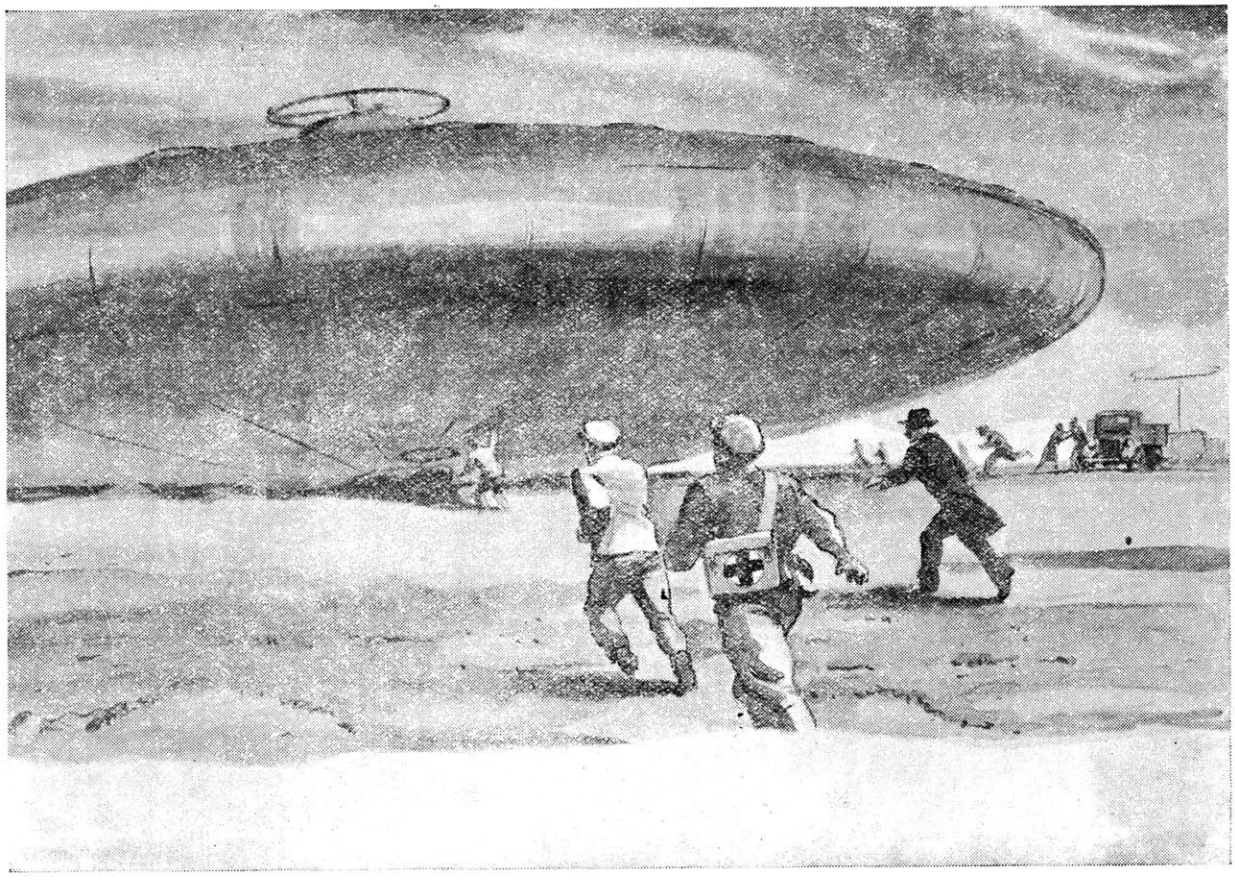
— Ничего, ничего, — успокаивал Вадим себя, шевеля побелевшими губами. — Они знают... Они сделают... Все сделают... — Он не мог оторвать взгляда от темного люка.

Из кабины долго никто не показывался.

Дим прислонился к радиатору грузовика, до крови закусив губу. Аня старалась сохранять спокойствие. Ее не меньше других тревожила судьба человека, только что спустившегося из ионосферы. Она понимала, что и его товарищ находится сейчас в тяжелом состоянии. Бледный от потери крови, он еле держится на ногах и только усилием воли заставляет себя не упасть.

Аня достала вату, бинты и вытерла капельку крови, показавшуюся из ссадины под глазом Вадима.

За движениями Ани ревниво наблюдали острые мальчишечьи глаза.



...диск, словно отдыхая, лежал на зеленой траве.

Мальчуган, прикрытый брезентом в кузове машины, сейчас приподнялся над бортом и оттуда смотрел на незнакомую девушку, которая так бесцеремонно сняла повязки, над которыми он трудился, заменила их новыми и сейчас не отходит от «дяденьки, упавшего с неба». Ведь его нашел он, Юрка. Мальчик не мог удержаться от любопытства, не посмотреть на летающий корабль, о котором ему рассказывал человек, выпрыгнувший оттуда без парашюта. Поэтому этот любознательный мальчуган и залез в кузов машины под брезент и вместе со взрослыми примчался на аэродром.

Не одно только любопытство заставило мальчика забраться в кузов, но и чувство дружбы. Он был пленен дерзкой смелостью этого простого, больше того, — самого обыкновенного человека, который мог, не стесняясь, даже плакать от боли, когда Юрка отрывал его рубашку от раны. Плакать, — и вместе с тем бросаться вниз на деревья ради спасения летающего корабля и товарища. Вот это человек!

Юрка, раскрыв рот, в отчаянии смотрел на Дима. Ему хотелось сделать для друга что-нибудь очень хорошее. Самое хорошее, на что он только способен. И вот, повинуясь этому внутреннему порыву, Юрка выпрыгивает из кузова и протягивает Багрецову самое дорогое, что только у него есть, — часы. Их ему подарили тоже за смелость, но разве его поступок может сравниться с тем, что сделал человек, найденный им в лесу?

Вадим с благодарностью взглянул на своего юного друга, грязного от дорожной пыли, на светлую полоску на его руке, до этого защищенную от солнца ремешком часов, на весь его такой знакомый и трогательный мальчишечий облик.

Взяв часы, Вадим бережно надел их на ту же протянутую руку мальчугана, на старое место, где светлела незагоревшая полоска, затем, обняв его за плечи, поставил рядом с собой.

Из люка кабины показались чьи-то ноги, может быть, врача. Да, это врач медленно выползал оттуда, видимо, поддерживая что-то на весу.

Бабкина несли все трое, стараясь не ударить его о борт люка. Когда Дим подбежал к своему товарищу, то прежде всего увидел его посиневшее лицо, закрытые глаза и вытянутые, словно по швам, руки.

Не помня себя от отчаяния, Дим схватил его за плечи и стал трясти.

— Тим, а Тим!.. — словно в бреду повторял он.

Бабкин приоткрыл глаза, увидел своего друга, хотел было протянуть ему руку, но рука не слушалась.

Техника осторожно положили на траву. Уже спешили санитары с носилками. Они умело подхватили больного и хотели было приподнять его, но Тим тихо проговорил:

— Не надо... Потом...

Он повернул голову, прижался щекой к горячей земле и жадно вдыхал ее запах. Он чувствовал ее близость, тепло, живительным током растекавшееся по всему его телу. Вот так бы лежать долго, долго, чтобы забыть о том, что было там, в высоте!.. Земля... Родная земля!..

Открыв глаза, он чуть слышно проговорил:

— Аппараты все работали... Лопнула трубка у самого верхнего... Пришлось исправить. — Он замолчал, видимо с трудом что-то припоминая, затем добавил: — Все наблюдения... там, в книжке...

...Когда санитарная машина со случайными «стратонавтами» скрылась, Поярков еще долго смотрел ей вслед.

— Алексей Фомич, — обратился он к Демидову, — я что-то беспокоюсь. Может быть, действие космических лучей проявляется не сразу?

— В этом отношении у нас нет убедительных данных, но, видимо, они не оказали на юношу губительного влияния.

— Почему? — удивился конструктор.

— Он заранее предусмотрел средство защиты.

— Какое?

— Мы с большим трудом нашли этого смелого и находчивого юношу под каркасом аккумуляторов. Многочисленные ряды свинцовых, горизонтально расположенных пластин создали ему надежный экран от возможного смертоносного действия лучей.

— Да, — задумчиво добавил Демидов, — это был первый человек, достигший ионосферы.

— Поставлен новый рекорд высоты, — тихо, словно про себя проговорил Поярков, смотря на темнеющий горизонт.

— Он не может быть засчитан, — помолчав, ответил Демидов: — при этом должны присутствовать спортивные комиссары, в кабине должны находиться запечатанные барографы. И потом это все-таки случайность, никто не предполагал, что с нашим диском могли залететь в ионосферу люди.

Профессор снова помолчал, развернул тетрадь с «мемуарами» Дима, в которой техники делали свои заметки о работе аппаратов, и, перелистав ее, добавил:

— Да, они не поставили рекорда высоты. Но что может быть выше этого величия человеческого мужества и долга, которое проявили в этом полете наши молодые друзья? И я думаю, эта высота нам дороже многих рекордов.

* * *

Через несколько дней Дим и Тим почти совсем оправились от перенесенных ими невзгод. Врачи установили, что у Бабкина в результате во-время принятых мер успешно прошло лечение отмороженных пальцев на ногах. Что касается болезненных явлений, связанных с действием космических лучей, то их врачи не нашли. Кто знает, может быть, потому, что Тимофей во-время спрятался под свинцовый экран.

Наши друзья гостили в летном училище, отдыхали в горах, на даче у гостеприимных летчиков. Начальник института, в котором работали Багрецов и Бабкин, получив обстоятельную телеграмму от Дерябина, приказал техникам не возвращаться к месту работы без разрешения врача. Кроме того, он напоминал им, что при выполнении любого задания следует быть внимательным, особенно если работаешь в незнакомой и новой обстановке. Случайное путешествие техников в кабине могло закончиться не так благополучно. От себя лично начальник института поздравлял Багрецова и Бабкина с успешным выполнением задания, благодарил за проявленное ими мужество и находчивость, а также советовал как следует отдохнуть.

Записи Багрецова и особенно Тимофея оказали существенную помощь в обработке материалов, принятых из летающей лаборатории по радио. Явления атомного распада, наблюдавшегося Бабкиным в уловителе космических лучей, позволили воспроизвести достаточно полную картину этого невиданного явления...

Когда молодым «стратонавтам» было, наконец, разрешено вернуться домой, Дима и Тима провожали все их новые друзья. Ребята очень смущались, невпопад жали руки, записывали адреса и поминутно смотрели на часы, стараясь как можно скорее покончить с этой непривычной для них церемонией. Они никогда не могли предполагать, что их скромные персоны станут предметом такого неожиданного внимания.

— Товарищ Бабкин, — неожиданно официальным тоном обратилась к нему Аня, — мы очень довольны, что и в этом случае все получилось, как надо. Вот возьмите, — она протянула ему сверток.

Тимофей под удивленными взглядами провожающих развернул бумагу. В ней лежала пара лимонно-желтых остроносых туфель. Бабкин не мог их не узнать. Он с тоской взглянул на них, затем перевел взгляд на свои спокойные и удобные тапочки. Они очень приличны, со шнурками и, главное, не жмут.

— Спасибо... Большое спасибо! — пробормотал он и хотел было сунуть злосчастные ботинки в вещевой мешок.

— Я очень рада, — с грустью сказала Аня. Ей очень не хотелось прощаться со своими новыми друзьями, которых она, может быть, больше никогда не увидит. — Я очень рада, — повторила она и отвернулась.

— Ну, быстрее надевай, — сказал Багрецов, с удовольствием отмечая новое «радостное событие» в жизни Тимофея Бабкина. — Ну, что же ты ждешь? А то, на самом деле, неудобно. В галстуке и в тапочках.

— Да я на станции надену, — пытался запротестовать Тим.

— Некогда там будет возиться, — торопил его Вадим. — Скорее.

Бабкин решительно отошел в сторону, сел на траву и, закусив губу, стал напяливать проклятые ботинки.

...До станции было недалеко. Наши «стратонавты» шли по пустынной белой дороге. Седая пыль вилась в воздухе, и от этого впереди все казалось, как в тумане.

— Тим, а Тим, — как всегда, обратился к нему Багрецов,—знаешь, о чем я думаю? Мне кажется, что Алексей Фомич скоро будет получать золото... прямо с неба.

Бабкин махнул рукой и ничего не сказал. Все ясно, давно бы пора привыкнуть к Димкиному фантазерству.

— Представь себе, — широко размахивая руками, продолжал Вадим, не замечая скептического жеста товарища, — в большую ракету с каким-нибудь там собирающим космические лучи рефлектором наливается ртуть. Ракета летит вверх, ну, скажем, на тысячу километров. Там под действием этих лучей ртуть превращается в золото и вместе с ракетой спускается на землю. Каково?

И Багрецов победоносно взглянул на Тимофея.

Тот не отвечал. Морщась от боли, он с трудом ковылял в своих модных ботинках. Нужно ему очень небесное золото!.. Наконец Бабкин не выдержал, присел на корточки, стащил с ног проклятые туфли и далеко забросил их в кусты.

Вадим проводил глазами блестящий след, на мгновенье оставленный в воздухе ботинками.

— Все? — насмешливо спросил он.

— Все, — с облегчением сказал Бабкин, доставая из мешка свои тапочки. Теперь он может подумать и о Димкиных мечтаниях.

Друзья шли по дороге. Что ожидает их впереди?.. Какие новые приключения и, может быть, новые подвиги?..

Конец